Московское Общество Народныхъ Университетовъ.

А. А. КАУФМАНЪ.

ФОРМЫ ХОЗЯЙСТВА

ВЪ ИХЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ РАЗВИТІИ.

188267
БИБЛІОТЕКА
СОЦІАЛИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМІИ.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая улица, с. д.
МОСКВА.—1910.

Пров 38"

Настоящая книжка представляетъ собой, въ почти неизмѣненномъ видѣ, курсъ лекцій, читанный въ Московскомъ народномъ университетѣ весной 1908 года. Изложеніе курса разсчитано, главнымъ образомъ, на лицъ, уже познакомившихся съ существенными основами экономической теоріи, и преслѣдуетъ цѣль, между прочимъ, подготовить почву для послѣдующаго ознакомленія съ исторіею экономическихъ ученій.

Намѣчая ту систему типовъ экономическаго развитія, которая лежитъ въ основѣ настоящаго курса, авторъ стремился примирить извѣстную систему Карла Бюхера съ тѣми возраженіями и поправками, которыя предложены: для древняго міра — Мейеромъ и другими историками, изъ русскихъ по преимуществу Гревсомъ; для эпохи капиталистическаго развитія, главнымъ образомъ, Зомбартомъ, — а также наполнить нѣсколько болѣе конкретнымъ содержаніемъ понятіе первобытнаго хозяйства.

Фрейбургъ въ Бад., санаторія Rebhaus.
Мартъ, 1909 г.

Важнѣйшія пособія.

Чупровъ. Исторія политической экономіи.
Туганъ-Барановскій. Очерки по исторіи политической экономіи и соціализма.
Онкенъ. Исторія политической экономіи.
Кулишеръ. Лекціи по исторіи хозяйственнаго быта.
Бюхеръ. Происхожденіе народнаго хозяйства.
Зомбартъ. Современный капитализмъ.
Гревсъ. Очерки по исторіи римскаго землевладѣнія (гл. обр. заключительная глава).
Гиббинсъ. Промышленная исторія Англіи.
Геркнеръ. Рабочій трудъ.
Шульце-Геверницъ. Крупное производство.
Зомбартъ. Соціализмъ и соціальное движеніе.
Туганъ-Барановскій. Промышленные кризисы въ современной Англіи.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Лекція 1.

Первобытное хозяйство. Древній міръ 9

Лекція 2.

Средніе вѣка. Феодальное и городское хозяйство 44

Лекція 3.

Упадокъ средневѣковаго строя. Эпоха ранняго капитализма. 78

Лекція 4.

Эпоха развитаго капитализма 11

ЛЕКЦІЯ ПЕРВАЯ.

Первобытное хозяйство. Древній міръ.

Мм. Гг. Мы такъ привыкли къ современному хозяйственному строю, мы такъ привыкли къ тому, что товары покупаются и продаются, что во главѣ производительной дѣятельности стоятъ капиталисты - предприниматели, которые ведутъ дѣло въ расчетѣ на будущіе барыши; что они при этомъ распоряжаются трудомъ лично свободныхъ работниковъ, которыхъ нужда заставляетъ отдавать себя и свою рабочую силу въ распоряженіе капиталиста; мы такъ привыкли къ современному, такъ называемому *капиталистическому* строю, что намъ трудно представить себѣ, чтобы дѣло когда-нибудь обстояло иначе. Великіе экономисты конца XVIII и начала XIX вѣка, и тѣ представляли себѣ, что даже первобытные люди покупали и продавали, что они высчитывали себѣ прибыль, совершенно такъ же, какъ дѣлаетъ современный капиталистъ. Въ дѣйствительности современный общественный строй окончательно сложился всего какихъ-нибудь сто-полтораста лѣтъ тому назадъ. Онъ складывался постепенно, въ теченіе многихъ столѣтій. Тысячи, а можетъ-быть,

десятки тысячъ лѣтъ, общественная и хозяйственная организація человѣчества была совершенно другая. Мало того—даже и посейчасъ сохранилось множество остатковъ иной, болѣе ранней общественно-хозяйственной организаціи, только сверху, такъ сказать, затронутыхъ вліяніемъ капитализма. Такіе остатки наблюдаются даже въ самыхъ передовыхъ по хозяйственному развитію странахъ Западной Европы, но особенно много ихъ, конечно, у насъ, въ Россіи: на огромномъ пространствѣ нашей страны можно наблюдать всѣ переходы, начиная отъ вполнѣ развитаго капиталистическаго хозяйства и кончая остатками самой первобытной хозяйственной организаціи. И вотъ, для того, чтобы ясно понять современный капиталистическій строй; чтобы отчетливо представить себѣ его существенныя особенности, необходимо имѣть ясное понятіе о томъ, какъ люди жили и хозяйствовали раньше; надо быть въ состояніи сравнить существенныя черты современнаго хозяйственнаго строя и этихъ, болѣе раннихъ, хозяйственныхъ организацій.

Первобытные люди.

Начнемъ съ общественно-хозяйственнаго строя первобытныхъ людей, какими были, вѣроятно, наши отдаленные предки, и какихъ и посейчасъ можно воочію видѣть въ глухихъ мѣстностяхъ центральной Африки и Австраліи; да и не къ чему ходить такъ далеко: недалеко отъ нихъ ушли и нѣкоторыя племена крайняго сѣвера и сѣверо-востока Сибири.

Было время, когда человѣкъ жилъ и питался почти какъ звѣрь: руками выкапывалъ изъ земли червей, срывалъ съ деревьевъ дикорастущіе плоды, и это была его главная пища; иногда онъ поѣдалъ какого-нибудь звѣря или рыбу,—кого удавалось схватить голыми руками или убить камнемъ. Мало-по-малу у человѣка появляется простѣйшее оружіе, которое долго было если не единственнымъ, то во всякомъ случаѣ главнымъ видомъ орудій труда: дубина, которая постепенно превращается въ копье съ наконечникомъ изъ камня или рыбьей кости; палица, праща, лукъ со стрѣлами и т. п.,—и тогда первобытный человѣкъ становится дикаремъ-охотникомъ, охота на дикаго звѣря или птицу — главнымъ источникомъ его средствъ существованія.

Дикари-охотники.

Посмотримъ же теперь, что такое охота, собственно съ экономической точки зрѣнія. Существенная особенность охоты и во многомъ сходнаго съ нею рыболовства, которое тоже является источникомъ существованія многихъ изъ первобытныхъ дикарей, состоитъ въ томъ, что человѣкъ какъ бы беретъ готовое, что онъ питается, «чѣмъ Богъ послалъ». Человѣкъ беретъ готовое — это вовсе не значитъ, чтобы это готовое доставалось легко: напротивъ — отъ первобытнаго дикаря-охотника или рыболова, при крайне несовершенныхъ орудіяхъ промысла, требовались такія качества, какъ большая физическая сила, выдержка, вѣрный глазъ и мѣткая рука, знакомство съ привычками и нравами звѣря или рыбы; чтобы добыть себѣ пищу, приходилось затрачивать множество усилій

и подвергать себя постояннымъ опасностямъ. Но суть дѣла отъ этого не мѣняется: первобытный дикарь питается все-таки чѣмъ Богъ послалъ; послалъ Богъ удачу — крупнаго звѣря или хорошій уловъ рыбы, — онъ сытъ; не послалъ — онъ голодаетъ. Охота, рыболовство — это виды добывающей промышленности, и, значитъ, трудъ первобытнаго человѣка былъ, почти всецѣло, направленъ на добывающую промышленность. Переработки продуктовъ почти что не существовало: обработанные продукты, о какихъ имѣлъ понятіе и какими располагалъ дикарь-охотникъ или рыболовъ, — это были его жалкое жилище, обыкновенно изъ звѣриныхъ шкуръ, а то изъ пальмовыхъ листьевъ или какого-нибудь подобнаго матеріала; одежда, на которую въ холодныхъ странахъ приходилось затрачивать не мало труда; кое-какая домашняя утварь, наконецъ оружіе или рыболовная снасть. По сравненію съ имуществомъ дикаря-охотника или рыболова даже жалкая «домашность» бѣднѣйшаго изъ нашихъ крестьянъ покажется большимъ богатствомъ. И тѣмъ не менѣе дикарю приходилось затрачивать огромное количество труда на изготовленіе или починку одежды, жилища, орудій и т. п., потому что вѣдь работать ему приходилось каменнымъ топоромъ, иглой изъ рыбьей кости и т. п. И что особенно характерно для дикарей: громадное множество труда затрачивалось *на украшеніе* предметовъ обихода: ручка каменнаго топора австралійскаго дикаря—это настоящее художественное произведеніе, покрытое тончайшею рѣзьбой, на которую затрачены годы труда; сибирскій остякъ или архангельскій са-

моѣдъ вовсе не носитъ бѣлья,—но его мѣховая «малица» или «гусь» украшены множествомъ нашивокъ изъ разноцвѣтнаго сукна; иные дикари и вовсе не носятъ никакой одежды, но затрачиваютъ годы труда и подвергаются жестокимъ страданіямъ, чтобы покрыть свое тѣло узорами — татуировкой. Существуетъ поэтому даже предположеніе, что первобытный человѣкъ, прежде чѣмъ выучиться работать по-нашему, затрачивалъ свои усилія, главнымъ образомъ, для цѣлей развлеченія или украшенія, и что настоящій хозяйственный трудъ лишь постепенно развился изъ забавы (Бюхеръ).

Первобытный человѣкъ питается «чѣмъ Богъ послалъ». Съ этимъ въ связи его крайняя нерасчетливость и нехозяйственность, полное отсутствіе предусмотрительности. Первобытный дикарь до послѣдней степени лѣнивъ—онъ отправляется на промыселъ только тогда, когда ему угрожаетъ голодная смерть, и предается полному бездѣлью, пока у него остается что-нибудь отъ послѣдней охоты или послѣдняго улова рыбы. Когда у него есть добыча, онъ пожираетъ ее, совершенно не думая о завтрашнемъ днѣ; онъ не оставляетъ никакихъ запасовъ, да и не можетъ оставлять, потому что не знаетъ никакихъ способовъ сохраненія пищи впрокъ: не съѣстъ всего, что̀ есть,—остатокъ, все равно, сгніетъ и пропадетъ, — такъ ужъ лучше, пока есть что̀, наѣсться посытнѣе. Отсюда рѣзкіе переходы отъ продолжительнаго голоданія къ самому необузданному обжорству, отъ полнаго бездѣлья къ самымъ напряженнымъ усиліямъ для добыванія пищи.

Съ этимъ связана и вся общественная организація первобытныхъ дикарей. Разъ такой дикарь питается червями, дикорастущими плодами или продуктами охоты, — значитъ, люди не могутъ осѣдло жить на одномъ мѣстѣ, у нихъ не можетъ быть постоянныхъ поселеній —деревень и городовъ; они должны переходить съ мѣста на мѣсто, въ поискахъ за своею добычей, которая вѣдь передвигается, иногда на большія разстоянія, въ поискахъ за растительною пищей: бѣлка за кедровымъ орѣхомъ, бизонъ за травой и т. п. Они бродятъ поодиночкѣ или небольшими кучками изъ нѣсколькихъ родственныхъ семей; если на одномъ мѣстѣ скопляется много народа, охота уже не можетъ прокормить всѣхъ, и случайно собравшимся приходится расходиться въ разныя стороны. У первобытныхъ дикарей, далѣе, нѣтъ и не можетъ быть никакихъ общественныхъ неравенствъ, никакого классоваго устройства. У нихъ вѣдь почти нѣтъ прочной личной собственности, на которой основывается всякое общественное неравенство; о земельной собственности не можетъ быть и рѣчи— одно племя, просто, охотится на какомъ-нибудь пространствѣ, пока его не сгонитъ прочь другое племя; движимая собственность у дикаря, правда, кой-какая есть—оружіе, одежда, чумъ и т. п.; но эта движимая собственность такъ ничтожна, что не можетъ дать своему обладателю какой-нибудь власти надъ другими: притомъ эта движимость чаще всего какъ бы умираетъ вмѣстѣ со своимъ обладателемъ—ее сжигаютъ или оставляютъ гнить вмѣстѣ съ его трупомъ, и такимъ образомъ не можетъ быть передачи имущества по наслѣдству.

При такихъ условіяхъ, повторяю, среди первобытныхъ дикарей нѣтъ и не можетъ быть наслѣдственнаго неравенства; и если мы встрѣчаемъ у нихъ вождей, то это не представители какой-нибудь наслѣдственной аристократіи: вождемъ становится, просто, самый сильный и ловкій человѣкъ племени, и остается онъ вождемъ, пока въ состояніи хорошо руководить —когда случится— общею охотой, а при случаѣ и нападеніемъ на другое, враждебное племя.

Такое состояніе можетъ продолжаться, пока Богъ посылаетъ дикарю нужную ему пищу—пока есть запасы плодовъ, дичи или рыбы. Но съ теченіемъ времени этихъ запасовъ становится мало. Вѣдь нерасчетливый во всемъ, что онъ дѣлаетъ, дикарь уничтожаетъ дичь вмѣстѣ съ самками и молодью; онъ рубитъ дерево, чтобы съѣсть плоды, не думая о томъ, что онъ уничтожаетъ свои собственныя средства существованія. Какъ ни медленно растетъ населеніе у первобытныхъ племенъ, народу все-таки прибавляется,—больше народу, значитъ, больше становится промышленниковъ и больше уничтожается дичи. Какъ ни медленно совершенствуются орудія промысла—они все-таки совершенствуются; а вооруженный лукомъ и стрѣлами дикарь можетъ истребить уже гораздо больше дичи, чѣмъ когда у него не было ничего, кромѣ дубины. И это истребленіе особенно усиливается, когда дикари приходятъ въ соприкосновеніе съ болѣе культурными народами: съ одной стороны, дикари получаютъ отъ нихъ огнестрѣльное оружіе, которое даетъ имъ возможность дѣлать во много разъ большую добычу, значитъ, истреблять во

много разъ больше дичи, чѣмъ прежде; съ другой, у нихъ появляются новыя потребности, — водка, табакъ, всякія украшенія,—все это имъ приходится вымѣнивать втридорога на продукты своего промысла; истреблять дичь начинаютъ, значитъ, не только на свои личныя потребности, но и для обмѣна, и потому соприкосновеніе дикарей съ культурными народами всегда ведетъ къ усиленному уничтоженію тѣхъ естественныхъ богатствъ, за счетъ которыхъ существовали дикари. Да и независимо отъ этого—высшая культура всегда оборачивается къ дикарямъ однѣми только своими дурными сторонами: среди дикарей распространяются пьянство и другіе подобные пороки, начинаютъ свирѣпствовать всяческія заразныя болѣзни, и неизбѣжнымъ результатомъ всего сказаннаго является вымираніе дикарей.

И вотъ съ тѣхъ поръ, какъ дикари стали приходить въ непосредственное соприкосновеніе съ культурными европейцами, во всѣхъ частяхъ свѣта наблюдается быстрое вымираніе тѣхъ первобытныхъ, некультурныхъ племенъ, о которыхъ мы до сихъ поръ говорили. Въ давніе вѣка, когда первобытнымъ людямъ не приходилось испытывать на себѣ этого разрушительнаго вліянія культуры, умноженіе числа людей и постепенное сокращеніе тѣхъ запасовъ дичи или рыбы, которые доставляли имъ необходимыя средства существованія, являлось побудительною причиной, заставлявшей первобытныхъ людей шагъ за шагомъ изыскивать другіе источники существованія и переходить къ другимъ видамъ и нормамъ хозяйства. Одни изъ нихъ переходили непосредственно къ земледѣлію: подмѣтивъ ка-

кое-нибудь растеніе съ вкусными и питательными сѣменами или корнями, выпалывали вокругъ него сорную траву, взрыхляли почву палкой или первобытнымъ заступомъ, а мало-по-малу доходили и до того, что начинали сажать сѣмена такого полезнаго растенія. Другіе приручали животныхъ и изъ бродячихъ охотниковъ становились кочевниками-скотоводами. Такой переходъ отъ охотничьяго къ скотоводческому быту совершался обыкновенно съ большою постепенностью, и довольно обычную переходную ступень составляютъ такія племена, которыя уже обладаютъ прирученнымъ скотомъ, но въ то же время продолжаютъ заниматься охотой или рыболовствомъ. Таковы были американскіе индѣйцы, какъ они рисуются въ романахъ Купера; таковы и многіе оленеводы сѣвера Сибири.

Кочевники.

Откуда взялся у людей прирученный скотъ—это вопросъ, на который мы не имѣемъ возможности дать опредѣленнаго отвѣта. Очень можетъ быть, что и животныхъ первобытные люди приручали сначала для забавы, и уже отсюда пришли къ мысли приручать животныхъ для хозяйственныхъ цѣлей. Но откуда бы онъ ни взялся, — существованіе множества скотоводческихъ племенъ—это фактъ, извѣстный и изъ исторіи и изъ современныхъ наблюденій. Скотоводами-кочевниками были евреи во времена Авраама и Іосифа; скотоводами были древніе греки во времена «Иліады» и «Одиссеи»—значитъ, примѣрно, за 8 — 9 вѣковъ до Рождества Христова; скотоводами-кочевниками были арабы во времена пророка Магомета, а въ значительной мѣрѣ остались и до сей поры; скотоводами-кочев-

никами были гунны и германскія племена во времена великаго переселенія народовъ, и татары во время ихъ нашествій на Русь; скотоводами-кочевниками остаются еще, въ значительной мѣрѣ, наши киргизы, туркмены, калмыки, буряты и т. п., а потому мы, русскіе, яснѣе нежели кто-либо можемъ составить себѣ понятіе о существенныхъ особенностяхъ кочевого скотоводческаго быта.

Настоящій скотоводъ кормится цѣликомъ отъ своего скота. Время отъ времени онъ рѣжетъ приплодъ или старыхъ животныхъ и такимъ образомъ получаетъ мясную пищу. Главную же массу пищи даютъ скотоводу молоко и молочные продукты, не исключая водки, которая тоже курится изъ молока. Шерсть животныхъ и волосъ лошадей даютъ скотоводу матеріалъ для его переноснаго войлочнаго жилища — юрты, для одежды, ковровъ и т. п. Изъ кожи онъ дѣлаетъ обувь, сбрую и различную домашнюю утварь, въ родѣ мѣховъ для молока и кумыса. Про скотовода ужъ нельзя сказать, чтобы онъ кормился чѣмъ Богъ пошлетъ, чтобы онъ жилъ изо дня въ день, какъ живетъ первобытный охотникъ: онъ воспитываетъ скотъ, пасетъ его, оберегаетъ отъ хищныхъ звѣрей и другихъ опасностей,—и за то кормится его продуктами. Скотъ — сравнительно прочный источникъ средствъ существованія: у кого имѣется достаточно скота, тотъ не только сытъ сегодня, — онъ навѣрно будетъ сытъ и чрезъ недѣлю, и чрезъ нѣсколько недѣль. Но все-таки скотъ у скотовода — лишь *сравнительно* прочный источникъ средствъ существованія Скотъ содержится исключительно на подножномъ корму. Уродился кормъ—

скотъ сытъ, сытъ и его хозяинъ; случилась засуха, или гололедица, или выпалъ глубокій снѣгъ,—вообще нѣтъ или мало подножнаго корма, скотъ пропадаетъ массами, многіе скотовладѣльцы остаются вовсе безъ скота, значитъ — безъ средствъ существованія.

Затѣмъ, дальше. Въ скотоводческомъ быту человѣкъ живетъ отъ скота, скотъ — какъ мы видѣли—отъ подножнаго кормa. Но подножный кормъ не круглый годъ бываетъ на однихъ и тѣхъ же мѣстахъ. Если мы возьмемъ гористую мѣстность, въ родѣ нашего Закавказья, то мы увидимъ, что зимой подножный кормъ бываетъ на низменныхъ равнинахъ; лѣтомъ эти равнины превращаются въ знойныя, безплодныя пустыни, подножнымъ же кормомъ приходится пользоваться на горахъ, которыя зимой были покрыты глубокимъ снѣгомъ. Если взять равнинную мѣстность въ родѣ нашей киргизской степи, то мы увидимъ, что лѣто даетъ превосходный подножный кормъ въ сѣверныхъ, ковыльныхъ и травяныхъ степяхъ; зимой эти степи покрываются глубокимъ снѣгомъ, но зато послѣ осеннихъ дождей появляется кормъ на лежащихъ далеко южнѣе степяхъ—пустыняхъ и пескахъ, гдѣ, притомъ, трава и въ самую глубокую зиму не закрывается снѣгомъ. А отсюда вытекаетъ необходимость *кочевокъ*—правильныхъ переходовъ скотовода съ его стадами съ мѣста на мѣсто, вслѣдъ за подножнымъ кормомъ; отсюда необходимость для скотовода быть скотоводомъ - *кочевникомъ*. Въ горной мѣстности кочевникъ проводитъ лѣто на высокихъ горныхъ пастбищахъ, зиму—на низменныхъ рав-

нинахъ, весну и осень — на умѣренно-высокихъ горныхъ склонахъ. Въ нашей киргизской степи кочевники проводили зиму на югѣ, въ бугристыхъ пескахъ сыръ-дарьинскаго района; раннею весной они снимались со своихъ зимовокъ и небольшими переходами подвигались на сѣверъ, гдѣ и проводили лѣто на ковыльныхъ и травяныхъ степяхъ. Кочевникъ круглый годъ проводитъ въ переносной войлочной юртѣ, представляющей собой жилище, идеально приспособленное къ потребностямъ кочевого быта.

Переходъ къ скотоводческому быту ведетъ за собою важныя послѣдствія въ области какъ общественнаго устройства, такъ и умственнаго развитія. Скотъ—это уже *имущество*, которое можетъ скопляться въ однѣхъ рукахъ сотнями и тысячами головъ, образуя крупныя богатства; это — имущество, дающее доходъ и потому подходящее подъ понятіе *капитала*, который даетъ своему обладателю власть надъ трудомъ другихъ. Одни обладаютъ такимъ имуществомъ въ большихъ, иногда въ громадныхъ размѣрахъ; другіе владѣютъ небольшими количествами скота, едва достаточными, чтобы кое-какъ прожить; третьи скота не имѣютъ вовсе или почти вовсе. И это имущественное неравенство влечетъ за собой и неравенство соціальное: крупные скотовладѣльцы — это «бѣлая кость», аристократія; малоскотные—рядовая чернь, влачащая жалкое существованіе; у кого скота вовсе нѣтъ, тотъ поступаетъ въ службу къ богатому скотовладѣльцу, который вѣдь нуждается въ работникахъ для ухода за своими стадами; возникаетъ личная зависимость, очень похожая на

рабство. Съ такими отношеніями личной зависимости мы встрѣчаемся вездѣ, гдѣ только встрѣчаемъ скотоводческій бытъ: о такихъ отношеніяхъ свидѣтельствуетъ библейская легенда о Іаковѣ, который служилъ у своего будущаго тестя Лавана; съ рабствомъ мы встрѣчаемся у древнихъ грековъ въ эпоху «Иліады»; отношенія, похожія на рабство, еще недавно существовали у кочевниковъ Закавказья и Туркестана. По сравненію съ охотниками-дикарями кочевники-скотоводы обнаруживаютъ большой прогрессъ, въ смыслѣ домашняго быта и такъ называемой матеріальной культуры: ихъ переносныя жилища, юрты, гораздо совершеннѣе по своему устройству, а у мало-мальски состоятельнаго кочевника богато украшены коврами и нашивками; ихъ питаніе несравненно правильнѣе и разнообразнѣе, одежда и обувь несравненно лучше; у нихъ появляются разнообразные предметы роскоши, начиная съ ковровъ и другихъ принадлежностей юрты и кончая, въ особенности, конскою сбруей. Нравы у кочевниковъ гораздо мягче, чѣмъ у дикарей-охотниковъ, въ значительной мѣрѣ потому, что главное занятіе скотовода— *не лишеніе жизни*, какъ у охотниковъ, а *уходъ* за скотомъ; но въ то же время привычка постоянно быть на лошади и еще не исчезнувшія охотничьи традиціи дѣлаютъ изъ кочевниковъ отличныхъ воиновъ, особенно страшныхъ своею подвижностью и неутомимостью. Наконецъ то свободное время, которое оставляетъ кочевнику уходъ за скотомъ, позволяетъ кочевникамъ, или, по крайней мѣрѣ, избраннымъ изъ нихъ, предаваться умственнымъ занятіямъ. Не случайность, что кочевниками были

евреи въ ту эпоху, когда создавалась еврейская религія; греки въ то время, когда слагались Гомеровскія пѣсни, арабы въ эпоху Магомета.

Осѣданіе ихъ. Какъ охотничій бытъ, такъ и кочевое скотоводство возможны лишь до извѣстной, очень небольшой густоты населенія. Люди живутъ исключительно отъ скота, скотъ кормится исключительно на пастбищахъ. Между тѣмъ пастбища не только не увеличиваются въ количествѣ и не улучшаются качествомъ, — напротивъ, ихъ часто становится меньше и часто становятся хуже; первое случается, когда часть пастбищъ отберутъ болѣе сильные сосѣди, второе происходитъ отъ забиванія пастбищъ пасущимся скотомъ; въ киргизскомъ краѣ можно найти немало пространствъ, которыя нѣкогда были превосходными ковыльными степями, и на которыхъ теперь растетъ одна рѣдкая полынь. Отъ всѣхъ этихъ причинъ кочевникамъ мало-по-малу становится тѣсно. Между кочевниками начинаются столкновенія изъ-за пастбищъ, принимающія иногда кровопролитный характеръ. Временами кочевники объединялись въ большія массы и подъ предводительствомъ какого-нибудь смѣлаго вождя предпринимали далекіе походы, чтобы овладѣть землей подъ пастбища. Такой смыслъ имѣло нашествіе на Европу гунновъ и германскихъ племенъ, нѣсколькими вѣками позже — нашествіе татаръ на Русь: и гунны, и германскія племена, и татары Чингизъ-хана — все это были кочевники, которые двигались на западъ въ поискахъ за пастбищами. Въ концѣ-концовъ, однако, и кочевникамъ, подъ вліяніемъ утѣсненія, ничего не остается, какъ пе-

рейти къ новымъ формамъ быта и хозяйства. Изъ кочевниковъ они дѣлаются земледѣльцами. Многія сотни лѣтъ тому назадъ такой переходъ совершился у германскихъ племенъ, у венгровъ, частью у татаръ; тысячи лѣтъ тому назадъ онъ совершился у древнихъ грековъ; въ настоящее время мы можемъ наблюдать его у всѣхъ кочевыхъ племенъ азіатской Россіи— киргизъ, бурятъ, алтайцевъ и т. п. Дѣло начинается, чаще всего, съ того, что кочевники перестаютъ довольствоваться подножнымъ кормомъ для скота, а начинаютъ заготовлять запасы сѣна на то время года, когда подножнаго корма нѣтъ или когда онъ мало надеженъ; сначала сѣна заготовляютъ немного, лишь для болѣе нѣжныхъ видовъ скота и только на самую глухую часть зимы, и затѣмъ уже, мало-по-малу, начинаютъ запасать сѣно для другихъ видовъ скота и на все большую часть зимы. Около того же времени или немного позднѣе появляются постоянныя зимнія жилища, такъ называемыя зимовки. Дѣло часто начинается съ того, что устраиваются загоны для скота, и въ эти загоны на зиму ставятъ юрты, при чемъ для теплоты засыпаютъ ихъ снѣгомъ и землей, — или устраиваютъ землянки, которыя болѣе похожи на звѣриныя берлоги, нежели на жилища людей. Уже позднѣе появляется хлѣбопашество, сначала тоже въ совершенно зачаточныхъ формахъ; посѣвы дѣлаются гдѣ попало, земля кое-какъ всковыривается и послѣ одного, много двухъ посѣвовъ забрасывается навсегда; для такихъ посѣвовъ кочевники завѣдомо выбираютъ не лучшія по почвѣ, а скорѣе худшія земли, если онѣ легче для обработки.

Вотъ съ какихъ жалкихъ зачатковъ начинается переходъ отъ кочевого къ осѣдло-земледѣльческому быту. Зачатки эти постепенно растутъ и развиваются, и у бывшихъ кочевниковъ появляются благоустроенныя жилища, огромные запасы сѣна, запашки, покрывающія всю ихъ потребность въ хлѣбѣ и дающія продажные избытки земледѣльческихъ продуктовъ. Такихъ окончательно перешедшихъ къ осѣдло-земледѣльческому быту кочевниковъ мы можемъ наблюдать, напримѣръ, въ сѣверо-западномъ углу киргизской степи, а также въ Туркестанѣ и Закавказьѣ, гдѣ ведется интенсивное хозяйство съ искусственнымъ орошеніемъ полей, съ травосѣяніемъ и спеціальными культурами, среди иркутскихъ бурятъ и т. п.

Я только что упомянулъ о переходѣ не просто къ земледѣлію, а къ *осѣдло-земледѣльческому быту*. Дѣло въ томъ, что развитіе хлѣбопашества и сѣнокошенія имѣетъ своимъ неизбѣжнымъ слѣдствіемъ сокращеніе, а затѣмъ и прекращеніе кочевокъ: скотоводъ, имѣющій запашку и заготовляющій на зиму сѣно, не можетъ уже уходить далеко отъ своихъ пашенъ и сѣнокосовъ, — онъ долженъ постоянно держаться близко отъ тѣхъ и отъ другихъ, чтобы поспѣть ко времени посѣва, потомъ сѣнокоса, потомъ уборки хлѣбовъ и т. д. Съ другой стороны, переходъ къ осѣдлости и земледѣлію имѣетъ своимъ послѣдствіемъ существенное измѣненіе правовыхъ порядковъ, въ частности — порядковъ владѣнія и пользованія землей. Настоящіе кочевники не знаютъ земельной собственности: ихъ пастбища—общее достояніе обширной родовой группы. Съ появленіемъ постоянныхъ

жилищъ, покосовъ, пашенъ, достояніемъ отдѣльныхъ лицъ или мелкихъ сосѣдскихъ группъ становятся прежде всего мѣста подъ усадьбами и непосредственно прилегающія къ нимъ пастбища, необходимыя для зимняго выпаса мелкаго скота; затѣмъ покосы, которые, смотря по условіямъ разселенія, становятся достояніемъ либо отдѣльныхъ семеи, либо болѣе или менѣе обширныхъ группъ, въ такомъ случаѣ пользующихся покосами на общинныхъ началахъ; исключительнымъ достояніемъ небольшихъ сосѣдскихъ группъ становятся и распашныя земли,—въ частности, орошаемыя пашни поступаютъ во владѣніе тѣхъ лицъ или тѣхъ группъ лицъ, которыя возводили оросительныя сооруженія, и отъ нихъ переходятъ къ ихъ потомству.

Земледѣльческій бытъ.

Итакъ, въ той или другой постепенности человѣчество переходитъ къ земледѣльческому быту. Земледѣліе, какъ источникъ существованія людей, рѣзко отличается отъ болѣе раннихъ формъ хозяйства. Дикарь-охотникъ или рыболовъ овладѣваетъ только тѣмъ, что природа даетъ ему въ готовомъ видѣ; кочевникъ, правда, разводитъ и воспитываетъ скотъ, но и онъ поставленъ при этомъ въ узкія границы, вытекающія изъ ограниченности пастбищъ. Напротивъ, земледѣлецъ заставляетъ природу производить тѣ продукты, какіе ему, земледѣльцу, нужны: съ одной и той же площади онъ, смотря по своимъ надобностямъ и расчетамъ, можетъ получить и пшеницу, и ленъ, и капусту, и картофель. Но главное: кочевое скотоводство — это нѣчто неподвижное, исключающее возможность прогресса; татары во

времена Батыя кочевали и хозяйствовали такъ же, какъ кочуютъ и хозяйствуютъ теперешніе киргизы или калмыки. Напротивъ, земледѣліе доступно безпредѣльному улучшенію и усовершенствованію, въ зависимости отъ прогресса человѣческой мысли; вѣками и тысячелѣтіями этотъ прогрессъ идетъ чисто практическимъ путемъ,—путемъ накопленія опыта единичныхъ земледѣльцевъ и постепеннаго распространенія испробованныхъ болѣе толковыми и предпріимчивыми лицами улучшеній; въ послѣднее время за это дѣло взялась наука, благодаря чему развитіе и улучшеніе сельскаго хозяйства пошло несравненно быстрѣе, нежели прежде. И по мѣрѣ того, какъ развивается и совершенствуется земледѣліе, данная площадь земли оказывается въ состояніи прокормить все большее количество людей, и наоборотъ, для прокормленія человѣка оказывается нужною все меньшая площадь земли. Сибирскій крестьянинъ при первобытномъ залежномъ хозяйствѣ долженъ имѣть, чтобы кое-какъ прожить, не меньше 50—60 десятинъ; крестьянинъ средней Россіи, ведущій трехпольное хозяйство, довольствуется гораздо меньшимъ количествомъ земли, но все-таки и ему нельзя обойтись менѣе чѣмъ 8 — 10, примѣрно, десятинами; а бельгійскій земледѣлецъ, котораго поля раздѣланы какъ огородъ, отлично существуетъ на десятинѣ или полудесятинѣ. Развитіе и совершенствованіе земледѣлія, такимъ образомъ, постепенно увеличиваетъ такъ называемую ёмкость страны, т.-е. количество людей, которое можетъ жить и кормиться на данномъ пространствѣ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ переходъ къ земледѣлію имѣетъ огромное вліяніе и на общественное устройство. Земледѣлецъ долженъ имѣть въ своемъ распоряженіи землю; кто не имѣетъ земли, тому «не при чемъ жить»,—тотъ не можетъ быть свободнымъ, самостоятельнымъ человѣкомъ. Между тѣмъ освоеніе земли, начавшееся въ эпоху перехода отъ кочевого къ осѣдло-земледѣльческому образу жизни, съ окончательнымъ переходомъ къ земледѣлію дѣлаетъ быстрые успѣхи. Земля, въ видѣ правила, осваивается сначала земледѣльческими общинами, которыя такъ или иначе распредѣляютъ между собою пользованіе отдѣльными участками различныхъ угодій, нѣкоторыми же изъ нихъ (пастбища) пользуются сообща; кто остался внѣ такой земледѣльческой общины, значитъ не участвуетъ въ пользованіи землей, тотъ не можетъ вести самостоятельнаго существованія. Постепенно развивается, однако, и личная или частная земельная собственность, которая имѣетъ два совершенно различныхъ источника: съ одной стороны, мало-по-малу разлагается общинное владѣніе, и изъ среды земледѣльческихъ общинъ выдѣляются отдѣльные мелкіе собственники-крестьяне; съ другой—завоеваніе, какъ мы подробнѣе увидимъ во 2 лекціи, создаетъ крупную помѣстную собственность. Отсюда—рѣзкое экономическое и общественное неравенство, притомъ несравненно болѣе прочное, чѣмъ у кочевниковъ. Скотъ—имущество, въ условіяхъ кочевого хозяйства весьма непрочное, и какая-нибудь одна засуха или гололедица можетъ сдѣлать крупнаго скотовладѣльца бѣднякомъ; напротивъ, земля представляетъ собой наиболѣе

прочное изъ всѣхъ существующихъ видовъ имущества, а потому гораздо большею прочностью отличается и вытекающее изъ различій въ землевладѣніи соціальное неравенство; и вотъ, крупные владѣльцы образуютъ земельную аристократію; изъ мелкихъ землевладѣльцевъ слагается свободное крестьянство, безземельные же составляютъ несвободный классъ—рабовъ или крѣпостныхъ; лишенные возможности существовать самостоятельно, они отдаются во власть крупнымъ владѣльцамъ, которые ихъ руками обрабатываютъ свои земли.

Натуральное хозяйство.

Мы охарактеризовали, такимъ образомъ, хозяйственный и общественный бытъ дикарей-охотниковъ или рыболововъ, скотоводовъ-кочевниковъ и осѣдлыхъ земледѣльцевъ. На всѣхъ этихъ трехъ ступеняхъ общественно-хозяйственнаго развитія мы наблюдаемъ, однако, одну общую, существенно-важную черту: господство такъ называемаго *натуральнаго хозяйства*: каждая хозяйственная единица затрачиваетъ свои трудъ исключительно на изготовленіе предметовъ собственнаго потребленія, и каждая удовлетворяетъ своимъ потребностямъ исключительно продуктами собственнаго труда. Натуральное хозяйство—это, значитъ, хозяйство *безъ обмѣна*. «Первобытному человѣку,—говоритъ Бюхеръ,—обмѣнъ вовсе не извѣстенъ. Онъ не только не имѣетъ—какъ еще недавно предполагали—какой-то «прирожденной склонности» къ обмѣну, а, напротивъ, питаетъ къ нему нѣчто въ родѣ отвращенія. «Мѣнять» и «обманывать»—слова одного корня, а въ старину почти одного значенія: въ тѣ времена не было общаго мѣрила цѣнности, а потому при

обмѣнѣ, дѣйствительно, постоянно приходилось опасаться обмана. Съ другой стороны, первобытный человѣкъ разсматриваетъ продуктъ своего труда какъ бы частицу самого себя; кто передаетъ другому свое издѣліе, тотъ какъ бы отказывается отъ обладанія частью самого себя и тѣмъ самымъ даетъ власть надъ собою нечистымъ силамъ». Натуральное хозяйство — это хозяйство безъ обмѣна, въ которомъ всѣ потребности удовлетворяются продуктами собственнаго труда. «Въ натуральномъ хозяйствѣ, значитъ, члены семьи не только должны добыть отъ земли необходимые имъ продукты,—они собственными руками должны изготовить нужныя для этого орудія, и они же должны переработать сырой продуктъ въ такія формы, въ которыхъ онъ сдѣлался бы пригоднымъ для потребленія. Отсюда такое разнообразіе навыковъ и умѣнья, о какомъ современный культурный человѣкъ едва ли даже можетъ составить себѣ представленіе» (онъ же). Нѣкоторое понятіе о томъ, что̀ такое натуральное хозяйство, можетъ дать крестьянское хозяйство въ глухихъ, удаленныхъ отъ населенныхъ центровъ и отъ желѣзныхъ дорогъ мѣстностяхъ Россіи и даже Западной Европы. Такой крестьянинъ питается хлѣбомъ съ собственныхъ полей; собственный скотъ даетъ ему мясо, молоко, масло и другіе молочные продукты; одежда изготовляется женщинами изъ собственнаго льна и изъ шерсти собственныхъ овецъ; такой крестьянинъ самъ можетъ срубить или перебрать избу, можетъ наладить соху, телѣгу или дровни. Словомъ, крестьянская семья сама, своими силами, удовлетворяетъ мно-

жеству такихъ потребностей, которыя въ городскомъ быту удовлетворяются продуктами десятковъ отдѣльныхъ предпріятій, — продуктами, доставляемыми со всѣхъ концовъ страны и даже изъ чужихъ странъ.

Раздѣленіе труда.

Однако, съ незапамятныхъ временъ, при полномъ еще господствѣ натуральнаго хозяйства, начинаютъ выдѣляться отдѣльныя спеціальности и профессіи: уже среди дикарей-охотниковъ встрѣчаемъ колдуновъ, они же врачи; въ глубокой древности появляются пѣвцы, живущіе своимъ искусствомъ. Начинаютъ выдѣляться и ремесленники—раньше всего, повидимому, кузнецы, потомъ гончары, строители (плотники) и т. п. Вначалѣ такъ спеціализировались, чаще всего, тѣ, кто почему-нибудь былъ неспособенъ заниматься охотой, скотоводствомъ или земледѣліемъ. Пѣвцы—чаще всего слѣпые; у древнихъ грековъ, въ числѣ множества другихъ боговъ, былъ хромой богъ Гефестъ,—и этотъ хромой богъ былъ первымъ кузнецомъ. Съ теченіемъ времени выгода, расчетъ, заставляетъ спеціализироваться и людей совершенно здоровыхъ и годныхъ: кто знаетъ какое-нибудь опредѣленное дѣло, на которое есть спросъ, тотъ начинаетъ заниматься исключительно имъ, а нужные предметы потребленія получаетъ въ обмѣнъ на продукты своего спеціальнаго дѣла. Появляется, такимъ образомъ, то, что мы называемъ *общественнымъ раздѣленіемъ труда*. Въ древнемъ мірѣ, въ особенности на востокѣ, это раздѣленіе труда легко становилось наслѣдственнымъ и принималось подъ охрану божественнаго закона; это—такъ называемый кастовый

строй, который достигъ особеннаго развитія въ древнемъ Египтѣ, а въ Индіи сохранился и до настоящаго времени. Какъ въ Египтѣ, такъ и въ Индіи, все населеніе распадалось на четыре касты: жрецовъ, воиновъ, ремесленниковъ и земледѣльцевъ; внутри кастъ—дальнѣйшія наслѣдственныя подраздѣленія ткачей, кузнецовъ, красильщиковъ, брадобреевъ, пѣвцовъ, гробокопателей и т. д. и т. д. Иногда общественное раздѣленіе труда принимало другую форму: ремесла и другія спеціальныя занятія (пѣвца, врача) принимали характеръ общинной или общественной службы: какъ въ каждой общинѣ былъ свой старѣйшина и писецъ, такъ былъ общественный кузнецъ, сапожникъ, плотникъ, пѣвецъ и т. п.; каждый такой служебщикъ дѣлалъ свое спеціальное дѣло, обслуживая всѣхъ однообщественниковъ, за что̀ получалъ отъ общины земельный надѣлъ, а отъ тѣхъ, на кого ему приходилось работать,—положенное общиною количество продуктовъ

Таковъ одинъ путь, которымъ шло развитіе. отдѣльныя хозяйственныя единицы сосредоточивались на томъ или другомъ опредѣленномъ спеціальномъ дѣлѣ. Былъ, однако, и другой путь: раздѣленіе труда *внутри* отдѣльной хозяйственной единицы. Хозяйство оставалось натуральнымъ въ объясненномъ выше смыслѣ—между хозяйственными единицами не было обмѣна, и каждая семья удовлетворяла своимъ потребностямъ продуктами собственнаго труда; но отдѣльные члены семьи брали на себя то или другое спеціальное дѣло. Древняя семья была мало похожа на нашу, современную, состоящую изъ мужа, жены и

малолѣтнихъ или несовершеннолѣтнихъ дѣтей; это была большая родовая семья, въ составъ которой входило по нѣсколько десятковъ лицъ; вступающіе въ бракъ не выдѣлялись изъ такой семьи, и такимъ образомъ семья могла состоять изъ десятка и болѣе брачныхъ паръ и изъ четырехъ и болѣе поколѣній. И вотъ, въ такой большой семьѣ могли практиковаться, въ довольно широкихъ размѣрахъ, и соединеніе и раздѣленіе труда: цѣлый десятокъ взрослыхъ мужчинъ выходилъ на охоту за какимъ-нибудь крупнымъ звѣремъ, который былъ бы не подъ силу одному, даже самому смѣлому охотнику; десятокъ или два рабочихъ рукъ выходили на корчевку крупнаго лѣса, на устройство запруды и т. п. Съ другой стороны, «мужчины и женщины, матери и дѣти, отцы и дѣды, каждая изъ этихъ группъ получала особое мѣсто въ производствѣ и домоводствѣ· индивидуальныя способности каждаго находили себѣ примѣненіе въ дѣятельности для рода, но ею же онѣ и ограничивались» (Бюхеръ). Каждый членъ большой семьи дѣлаетъ то, что нужно въ данное время и что наиболѣе соотвѣтствуетъ его способностямъ и знаніямъ: одинъ пашетъ или боронитъ, другой шьетъ одежду или обувь, строитъ амбаръ, третій налаживаетъ соху, четвертый ткетъ рогожу или прядетъ ленъ, пятый уходитъ на звѣриный или рыбный промыселъ и т. д.

Но родовой духъ мало-по-малу ослабѣваетъ: большая сложная семья распадается на простыя, малыя семьи, каждая изъ которыхъ уже слишкомъ малочисленна и потому не можетъ справиться со всѣмъ разнообразіемъ хозяйственныхъ задачъ;

такая малая семья не можетъ уже соединить достаточно большого количества силъ для расчистки лѣса или для охоты, и въ средѣ ея уже не найдется исполнителей для разнообразныхъ, какія потребуются, спеціальныхъ работъ. Чтобы восполнить недостатокъ силъ такой семьи, прибѣгаютъ къ разнымъ формамъ *совмѣстнаго труда*—вступаютъ въ постоянныя или временныя соединенія и сообща исполняютъ такія работы, какія были бы не подъ силу отдѣльной семьѣ: сообща строятъ домъ для того и другого изъ участниковъ даннаго соединенія, сообща корчуютъ лѣсъ, сообща отводятъ ручей или устраиваютъ запруду, сообща охотятся на крупнаго звѣря и т. п. Соединенія этого рода—помочи и артели—очень распространены у нашихъ крестьянъ, еще болѣе у кочевниковъ: мы встрѣчаемъ у нихъ артели и для совмѣстной пастьбы скота, и для возведенія оросительныхъ сооруженій, и для исполненія сообща всѣхъ или нѣкоторыхъ земледѣльческихъ работъ. Нелишнее здѣсь же отмѣтить, что эти первобытныя формы коллективнаго труда постепенно приходятъ въ упадокъ и выходятъ изъ употребленія, почему въ нихъ нельзя видѣть зародышей будущаго, болѣе широкаго и совершеннаго, обобщенія труда

Рабство.

Въ древнее время, въ особенности въ Греціи и Римѣ, слабость индивидуальной семьи восполнялась и инымъ способомъ: въ составъ семьи вводились постороннія лица, въ качествѣ несвободныхъ работниковъ — рабовъ. Всякій состоятельный человѣкъ, землевладѣлецъ или обладатель крупнаго движимаго имущества пріобрѣталъ такихъ несвободныхъ работ-

никовъ, которые и входили въ составъ его расширенной «семьи»—фамиліи или ойкоса. Соединеннымъ ихъ трудомъ, съ одной стороны, выполнялись предпріятія, превышавшія силы одного человѣка или одной семьи; съ другой—рабы спеціализировались на отдѣльныхъ видахъ труда, и такимъ образомъ раздѣленіе труда получало широкое развитіе внутри фамиліи, или ойкоса: одни занимались, можетъ-быть, спеціально перемоломъ хлѣба, другіе хлѣбопеченіемъ, третьи пасли скотъ, четвертые занимались пряденіемъ или ткачествомъ, пятые становились кузнецами или плотниками и т. п.; силы каждаго сосредоточивались на какомъ-нибудь одномъ спеціальномъ занятіи, для котораго онъ, нерѣдко, получалъ соотвѣтственную подготовку. и въ которомъ онъ, благодаря спеціализаціи, пріобрѣталъ необходимый навыкъ.

Классическая древность.

Рабство было основою экономической и политической жизни, умственной и духовной культуры государствъ классической древности. Вся государственная власть и все общественное вліяніе сосредоточивается въ рукахъ небольшой кучки гражданъ; каждый гражданинъ всецѣло отдается политической общественной жизни; его семья, фамилія, ойкосъ, обнимаютъ не только лицъ, связанныхъ кровнымъ родствомъ, но кромѣ того— рабовъ; этихъ послѣднихъ тѣмъ больше, чѣмъ гражданинъ богаче. Онъ—«отецъ» этой расширенной семьи (патерфамиласъ) и прежде всего неограниченный господинъ рабовъ: «отеческая власть» обнимаетъ права не только мужа и отца, но прежде всего—господина, рабовладѣльца. Весь

продуктъ труда какъ членовъ семьи, такъ и рабовъ поступаетъ во власть господина,—«никто въ домѣ не работаетъ на себя — всѣ работаютъ на отца семейства» (Бюхеръ), который распоряжается не только трудомъ, но жизнью и смертью какъ дѣтей своихъ, такъ и рабовъ.

«Семья» богатаго греческаго или римскаго гражданина—это была крайне сложная организація. Такая «семья» раздѣлялась прежде всего на сельскую и городскую «фамилію». Во главѣ сельской стоялъ управляющій имѣніемъ съ административнымъ и конторскимъ персоналомъ, — и подъ ихъ главенствомъ трудились цѣлыя толпы рабовъ, главную массу ихъ составляли, естественно, сельскіе рабочіе, затѣмъ слѣдовали пастухи и скотники, прядильщики и ткачи, валяльщики и красильщики, портные и сапожники, столяры и плотники, кузнецы и т. п. Всѣ рабы и въ частности сельскіе рабочіе распредѣлялись по десяткамъ, во главѣ которыхъ стояли десятники или «погонщики». Еще гораздо сложнѣе была городская «фамилія». Здѣсь мы находимъ прежде всего раба-главноуправляющаго съ конторскимъ и бухгалтерскимъ персоналомъ, управляющими домовъ и т. п., и безконечное множество разнообразнѣйшихъ ремесленниковъ, руками которыхъ удовлетворялись всѣ потребности и прихоти господина. Затѣмъ — огромнѣйшій штатъ личной прислуги: домоправитель, привратники, уборщики парадныхъ комнатъ, хранители мебели и столовой посуды, завѣдующіе гардеробомъ господина; столомъ завѣдуетъ особый гофмейстеръ, при немъ хранители погребовъ и кладовыхъ; въ кухнѣ цѣлая толпа

поваровъ и поварятъ, истопниковъ, хлебопековъ, кондитеровъ, пирожниковъ; за столомъ служатъ особые накрыватели, форшнейдеры, виночерпіи и т. п.; для личныхъ услугъ господину—церемеймейстеръ, докладывающій о посѣтителяхъ, камердинеры, банщики, массеры, врачи, хирурги, брадобреи, чтецы, личные секретари; нерѣдко — домашній философъ, архитекторъ, живописцы, скульпторы, оркестръ музыки и т. п. Особые рабы служатъ для своего господина политическими агитаторами, главная обязанность которыхъ покупать голоса для выборовъ,—журналистами и архиваріусами, курьерами и гонцами, если господинъ занимаетъ должность гдѣ-нибудь въ провинціи.

Нечего и говорить, что на нашъ взглядъ рабство—дикая и возмутительная вещь. Но о рабствѣ въ тѣ давнія времена нельзя судить съ нашей, современной точки зрѣнія: на извѣстной ступени экономическаго и культурнаго развитія оно было полезно и даже необходимо. На существованіи рабства покоилась вся умственная и духовная культура древняго міра, — существованіе рабовъ освобождало господъ отъ необходимости заниматься физическимъ трудомъ и давало имъ возможность заниматься государственными дѣлами, наукою, поэзіею и философіей: если бы въ древней Греціи не было рабства, она не дала бы намъ Платона, Софокла и Ѳукидида. Рабство было для своего времени, вообще, необходимою школою труда: некультурный, первобытный человѣкъ—какъ мнѣ приходилось уже упоминать—лѣнивъ по природѣ или по наслѣдственной привычкѣ, и только принужденіе можетъ побудить его къ напряженному

и правильному труду. Съ точки зрѣнія существовавшихъ въ тѣ давнія времена нравственныхъ понятій рабство и не представляло собой чего-либо безнравственнаго, ужаснаго: напротивъ, казалось естественнымъ, что воинъ, подаривший жизнь побѣжденному врагу, становился его господиномъ; естественнымъ казалось и то, что гражданинъ, лишившійся средствъ существованія, отдавался въ рабство къ болѣе состоятельному согражданину. Въ теченіе многихъ вѣковъ рабство не было и слишкомъ тяжело: рабы мало отличались отъ господъ по условіямъ жизни; рабъ отнюдь не пользовался какимъ-нибудь особеннымъ презрѣніемъ — онъ разсматривался, въ самомъ дѣлѣ, почти какъ членъ семьи и иногда достигалъ высокаго уваженія, — не даромъ въ Гомеровской Одиссеѣ упоминается о «свинопасѣ богоравномъ». Излишнее угнетеніе и притѣсненіе рабовъ въ тѣ времена было рѣдкостью—господа должны были заботиться о томъ, чтобы не довести рабовъ до отчаянія и до возстанія, потому что государственная власть была слишкомъ слаба, чтобы оберечь господина. Съ другой стороны, у господъ не могло быть и расчета выжимать изъ своихъ рабовъ слишкомъ большое, непосильное количество труда: господское хозяйство носило натуральный характеръ—продукты его предназначались исключительно на удовлетвореніе личныхъ потребностей господина; а потребности эти, при простотѣ нравовъ, были ограничены; разъ трудъ рабовъ доставлялъ господину все, что ему было нужно, то господинъ не имѣлъ надобности заставлять рабовъ вырабатывать излишки, для которыхъ, все

равно, нельзя было бы найти употребленія. Съ теченіемъ времени всѣ перечисленныя условія измѣняются къ худшему, и рабство становится все болѣе невыносимымъ. Окрѣпшая государственная власть освобождаетъ рабовладѣльцевъ отъ необходимости особенно считаться съ настроеніемъ рабовъ и съ возможностью ихъ возстанія. Продукты рабскаго труда предназначаются уже не для собственнаго потребленія господина, а для продажи; цѣлью производства становится полученіе барыша, и стремленіе къ возможно большему барышу побуждаетъ выжимать изъ рабовъ возможно большее, часто непосильное, количество труда. Въ то же время рабство начинаетъ противорѣчить развивающемуся и совершенствующемуся нравственному чувству. Но главное: трудъ рабовъ, чѣмъ дальше, тѣмъ менѣе отвѣчаетъ производительнымъ, хозяйственнымъ цѣлямъ. Трудъ рабовъ, вообще несвободныхъ работниковъ, работающихъ, что называется, изъ-подъ палки, всегда бываетъ плохъ. Пока земледѣліе имѣло первобытный характеръ, пока техника обрабатывающей промышленности стояла крайне низко, до тѣхъ поръ эти недостатки рабскаго труда не особенно давали себя чувствовать. Но когда сгустившееся населеніе и измѣнившіяся условія сбыта потребовали перехода къ болѣе совершеннымъ способамъ земледѣльческаго хозяйства, болѣе сложнымъ орудіямъ и болѣе тонкимъ пріемамъ обработки земли, рабскій трудъ оказался непригоднымъ для этой цѣли. И вотъ, въ концѣ эпохи классической древности рабство начинаетъ уступать мѣсто болѣе мягкимъ формамъ несвободы, при которыхъ возможна заинте-

ресованность въ результатахъ своего труда; появляются и размножаются оброчные ремесленники, вносящіе господину опредѣленную годовую плату и за это пользующіеся правомъ свободно, за свой счетъ, заниматься своимъ дѣломъ; значительное количество рабовъ отпускается на свободу и переходитъ на положеніе вольноотпущенниковъ, кліентовъ, въ обмѣнъ на покровительство своего большого господина оказывающихъ ему обязательный почетъ и разнообразныя личныя услуги. Въ сельской «фамиліи» рабы постепенно переводятся на положеніе колоновъ—нѣчто въ родѣ крѣпостныхъ крестьянъ, обрабатывающихъ господскую землю за барщину или оброкъ.

Новыя формы хозяйства.

Описанная только что рабовладѣльческая организація крупнаго господскаго хозяйства сильнѣе всего бросается въ глаза, когда мы знакомимся съ общественнымъ устройствомъ государствъ древняго міра. Но конечно она не исчерпываетъ всего хозяйственнаго быта классической древности. Господствующій классъ, несомнѣнно, представляла собой рабовладѣльческая аристократія, хозяйство которой имѣло по преимуществу натуральный характеръ, каждый представитель которой гордился тѣмъ, что «у него все производится въ домѣ», что ему ничего не приходится покупать. Аристократія—и во власти ея цѣлыя полчища рабовъ и крѣпостныхъ, которые кое-какъ вырабатываютъ себѣ свое жалкое пропитаніе и весь, сверхъ этого, избытокъ продукта отдаютъ въ распоряженіе господина. Но на ряду съ тѣми и другими существовалъ многочисленный классъ свободныхъ граж-

данъ, владѣвшихъ мелкими земельными участками и обрабатывавшихъ ихъ собственнымъ трудомъ. Эти мелкіе свободные землевладѣльцы жили приблизительно такъ, какъ живутъ наши крестьяне: большую часть своихъ личныхъ потребностей покрывали продуктами собственнаго хозяйства; чего свое хозяйство не давало, то пополнялось привозными товарами, либо издѣліями городскихъ ремесленниковъ или рабовладѣльческихъ мастерскихъ. И положеніе ихъ было не легче положенія нашихъ крестьянъ: имъ приходилось нести тяжелые налоги и еще болѣе тяжелую воинскую службу, приходилось претерпѣвать всяческія притѣсненія отъ сосѣдей—крупныхъ землевладѣльцевъ, приходилось страдать отъ конкуренціи дешеваго привознаго хлѣба. Громадное большинство ихъ было вынуждено дѣлать долги, а такъ какъ правильно организованнаго кредита не существовало, то они неизбѣжно попадали въ лапы ростовщиковъ, которые ихъ запутывали и разоряли непомѣрными процентами; очень многимъ приходилось закладывать землю, и заложенная земля, въ концѣ-концовъ, продавалась съ молотка. Отсюда—постоянныя аграрныя движенія и волненія, столь характерныя, въ особенности, для исторіи древняго Рима и кончавшіяся, время отъ времени, надѣленіемъ безземельныхъ за счетъ государственныхъ земель, т.-е. такихъ пространствъ, которыя путемъ завоеванія или иными способами сосредоточивались въ распоряженіи государства; многіе изъ такихъ обезземеленныхъ выселялись въ колоніи, гдѣ они опять-таки надѣлялись государственною землей и заново принимались за самостоятельное хозяйство.

Лишившіеся своей земли граждане, вольноотпущенники, всякій пришлый людъ, какого въ большихъ городахъ и въ особенности въ Римѣ было очень много, составляли городской пролетаріатъ, въ средѣ котораго постепенно образовался и развился классъ свободныхъ ремесленниковъ, имѣвшихъ и собственную ремесленную организацію. Уже въ самыя древнія времена Рима, при полусказочныхъ римскихъ царяхъ, существовали цехи ювелировъ, кузнецовъ, сукноваловъ, красильщиковъ, горшечниковъ и пр. Въ позднѣйшія времена римской республики насчитывалось четыре разряда золотыхъ дѣлъ мастеровъ, 4 разряда кузнецовъ, 6 видовъ столяровъ и плотниковъ, 6 разрядовъ сапожниковъ и т. д.; одни сапожники шили, напримѣръ, только солдатскую обувь, другіе—парадную, третьи женскую обувь и т. п. Значитъ, наблюдается общественное раздѣленіе труда уже въ *нашемъ*, современномъ смыслѣ слова: отдѣльныя хозяйственныя единицы сосредоточиваютъ свои усилія на изготовленіи исключительно какой-либо одной категоріи продуктовъ, и на вырученныя отъ ихъ продажи деньги пріобрѣтаютъ нужные имъ предметы потребленія. И такое раздѣленіе труда вмѣстѣ со связаннымъ съ нимъ обмѣномъ постепенно охватываетъ цѣлыя страны, а затѣмъ—и весь тогда извѣстный міръ. Если взять древній Римъ—онъ уже сравнительно рано становится мѣновымъ рынкомъ для цѣлой Италіи, а позднѣе сюда свозятся продукты всѣхъ, въ то время извѣстныхъ, странъ; древняя Греція издавна обмѣнивалась продуктами съ малоазійскими странами, Италіей, Египтомъ и т. п. Естественно, при такихъ

условіяхъ, выдѣляется особый торговый классъ—мало того, цѣлыя небольшія приморскія государства, какъ Финикія и Карѳагенъ, дѣлаютъ торговлю своимъ главнымъ занятіемъ и становятся торговыми посредниками между всѣми странами тогдашняго міра. Появляется, наконецъ, классъ крупныхъ денежныхъ капиталистовъ, капиталы которыхъ составлялись въ значительной мѣрѣ изъ богатствъ, награбленныхъ въ завоеванныхъ провинціяхъ или взятыхъ въ видѣ военной добычи; эти крупные капиталисты частью ведутъ крупные торговые обороты, главнымъ же образомъ занимаются кредитными операціями или, говоря проще, ростовщичествомъ въ крупныхъ размѣрахъ.

Такимъ образомъ, къ концу эпохи такъ называемаго древняго міра, несомнѣнно, на ряду съ еще господствовавшимъ натуральнымъ или, какъ его называетъ Бюхеръ, «домашнимъ» хозяйствомъ, зарождались и развивались новыя хозяйственныя формы—формы мѣнового хозяйства, основаннаго на свободномъ расчлененіи труда. Особое покровительство этимъ новымъ хозяйственнымъ формамъ всегда оказывали римскіе императоры. Когда мы думаемъ о римскихъ императорахъ, намъ припоминаются Неронъ, сжегшій Римъ и убившій свою мать; Калигула, посадившій въ сенатъ своего коня, и т. п. Въ дѣйствительности, однако, Римская имперія имѣла и важное положительное значеніе: императоры очень много сдѣлали для развитія обмѣна и для распространенія его на весь тогдашній міръ; достаточно упомянуть здѣсь объ имѣвшемъ мѣсто въ императорскую эпоху разви-

тіи римскаго права, которое, зародившись на почвѣ стараго, патріархальнаго быта и хозяйства, постепенно вылилось въ формы, приспособленныя къ потребностямъ развивавшагося широкаго мѣнового оборота.

Всѣ эти, зарождавшіяся и быстро развивавшіяся новыя хозяйственныя формы рушились съ паденіемъ древняго греко-римскаго міра, не выдержавшаго натиска надвинувшихся изъ Азіи кочевыхъ племенъ, и въ послѣдовавшій затѣмъ періодъ ранняго средневѣковья, о которомъ мы будемъ говорить въ слѣдующей лекціи, мы не только не видимъ въ организаціи хозяйства никакихъ успѣховъ по сравненію съ тѣмъ, что мы могли наблюдать въ концѣ греко-римской эпохи, но наоборотъ: въ теченіе многихъ вѣковъ мы наблюдаемъ гораздо болѣе низкія хозяйственныя формы, и прерванное нашествіемъ некультурныхъ племенъ развитіе хозяйственныхъ формъ начинается чуть-чуть что не съ самаго начала.

ЛЕКЦІЯ ВТОРАЯ.

Средніе вѣка. Феодальное и городское хозяйство.

Нашествіе германцевъ.

Древній міръ — мы видѣли — рушился подъ натискомъ нахлынувшихъ съ востока полудикихъ варварскихъ племенъ. Что̀ такое представляли собой эти племена въ эпоху ихъ нашествія на Европу,— объ этомъ мы не имѣемъ вполнѣ достовѣрныхъ свѣдѣній. Но хотя нѣмецкіе изслѣдователи, увлеченные патріотическими побужденіями, и силятся доказать, что покорившія Европу германскія племена обладали какими-то особыми высокими свойствами, особенно благородною природой,—тѣмъ не менѣе едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что какъ умственный, такъ и экономическій уровень этихъ племенъ былъ не выше, а значительно ниже уровня современныхъ намъ кочевыхъ бурятъ или калмыковъ. Какъ низокъ былъ ихъ умственно-культурный уровень, это ясно видно изъ того, что они, будучи завоевателями, не только не покорили своей культурѣ побѣжденные народы, но, напротивъ, сами всецѣло подчинились ихъ культурѣ—усвоили ихъ языкъ, а во многомъ и нравы: въ Италіи они быстро усвоили языкъ и

культуру италійцевъ, въ нынѣшней Франціи они все это заимствовали отъ галловъ, и нынѣшніе французы или итальянцы гораздо болѣе похожи на покоренныхъ галловъ или италійцевъ, нежели на завоевателей-германцевъ. Что касается до экономической культуры германскихъ племенъ въ эпоху нашествія, то съ достовѣрностью можно сказать только одно: что она носила кочевой характеръ; домъ и имущество завоевавшаго Европу германца—это была его повозка и его скотъ; все хозяйство, можно думать, носило семейный и натуральный характеръ. Этимъ немногимъ ограничивается то, что̀ мы, съ извѣстною достовѣрностью, можемъ сказать о бытѣ германскихъ племенъ въ эпоху переселенія народовъ.

Чрезвычайно мало достовѣрнаго мы знаемъ и о томъ, какимъ образомъ совершался переходъ германцевъ отъ кочевого къ осѣдло-земледѣльческому быту; еще меньше—какъ первоначально складывались земельныя отношенія въ покоренныхъ германцами странахъ. Можно думать, что характеръ этихъ отношеній былъ двоякій. Въ такихъ мѣстностяхъ, какъ нынѣшняя Швейцарія, южная Германія или Голландія, гдѣ завоеватели не находили никакого населенія или гдѣ они попросту изгоняли туземцевъ и дѣлили между собой ненаселенную землю, земельныя отношенія приняли и по большей части сохранили демократическій характеръ: здѣсь складывалась свободная крестьянская марка (см. ниже), при полномъ отсутствіи крупнаго, помѣстнаго землевладѣнія. Въ другихъ мѣстностяхъ, какъ въ современныхъ Франціи и Англіи, въ большей части нынѣшней

Германіи и т. п., гдѣ туземное населеніе осталось жить вмѣстѣ съ завоевателями, сразу зародились феодально - крѣпостническія отношенія, которыя мнѣ ниже придется подробнѣе характеризовать. Завоеватели отбирали у покоренныхъ гдѣ всю, гдѣ большую часть земли, а оставшіеся безъ земли туземцы поневолѣ должны были отдаваться въ личную зависимость къ новымъ землевладѣльцамъ— они становились ихъ крѣпостными и за извѣстныя повинности обрабатывали господскую землю.

Германская марка.

Остановимся теперь сначала на германской маркѣ, какъ ее рисуютъ, главнымъ образомъ, нѣмецкіе изслѣдователи. Это—нѣчто въ родѣ нашей крестьянской общины, міра, только не сельской, а скорѣе волостной общины. Германская марка вмѣстѣ съ тѣмъ ставитъ себѣ и гораздо болѣе широкія задачи, нежели наша община. Марка — не только союзъ, совмѣстно владѣющій землею и распредѣляющій пользованіе ею между своими членами,—это союзъ, охватывающій всѣ стороны жизни осѣвшаго на землю германца,—это союзъ религіозный, военный, судебный, экономическій и соціальный; члены марки совершали совмѣстныя моленія и богослуженія; они вмѣстѣ выходили въ походъ и вмѣстѣ сражались; они (какъ члены старо-русской верви) несли общую отвѣтственность за совершавшіяся въ границахъ марки преступленія. Съ точки зрѣнія экономической, марка представляла собой нѣчто въ родѣ производительно-потребительнаго товарищества, которое стремилось къ тому, чтобы все производимое въ предѣлахъ марки ея же членами и потреблялось, и чтобы

все потребляемое членами марки ея же членами производилось. Исключеніе изъ этого общаго правила допускалось лишь по отношенію къ такимъ продуктамъ, которыхъ вовсе не было возможности добыть въ предѣлахъ марки. Такіе продукты пріобрѣтались путемъ обмѣна, который совершался распоряженіемъ марки и за ея общій счетъ, и уже затѣмъ вымѣненные продукты распредѣлялись между членами марки; такимъ образомъ марка пріобрѣтала, напримѣръ, соль и желѣзо, по большей части въ промѣнъ на овечью шерсть. Вовнѣ, поскольку у нея были сношенія съ внѣшнимъ міромъ, марка выступала какъ одно цѣлое. Внутри она представляла собой цѣпь отдѣльныхъ, въ общемъ самостоятельныхъ хозяйствъ. Складъ землевладѣнія былъ двоякій, смотря по господствовавшей въ данной мѣстности системѣ разселенія. Тамъ, гдѣ германцы сѣли деревнями, порядки землепользованія представляли много общаго съ порядками нашей русской общины въ трехпольной полосѣ Россіи. Каждый общественникъ, членъ марки, имѣлъ право на «гуфу»—семейный надѣлъ. Въ частности, усадьбы и прилегающіе къ нимъ огороды признавались личною собственностью, и каждый могъ использовать свои усадебныя и огородныя земли по своему усмотрѣнію, безъ всякаго надзора и вмѣшательства со стороны марки. На такъ называемой «полевой маркѣ», обнимавшей пашни и покосы, велось, какъ выражаются нѣмецкіе изслѣдователи, «индивидуализированное общественное хозяйство»: земля подвергалась періодическимъ передѣламъ, посѣвы производились въ установленномъ общиною,

обязательномъ для всѣхъ, сѣвооборотѣ, съ общимъ выпасомъ скота на свободныхъ отъ посѣвовъ земляхъ и съ самымъ широкимъ вмѣшательствомъ общины въ порядки обработки земли; въ цѣляхъ регулированія общаго выпаса установлялось время для посѣва и другихъ полевыхъ работъ; чтобы предотвратить истощеніе полей, запрещалось продавать навозъ, и т. д. За предѣлами «полевой марки» лежала «общая марка» или иначе «альменда», обнимавшая общія пастбища и лѣсъ — вообще такія угодья, которыя не подвергались обработкѣ и которыми каждый членъ марки могъ пользоваться свободно, въ соотвѣтствіи со своею потребностью.

Такимъ образомъ въ хозяйственномъ отношеніи территорія марки какъ бы распадалась на три круга: земли личной собственности—полевая—общая марка, и это различіе имѣло важное значеніе и въ разнообразныхъ другихъ отношеніяхъ,— между прочимъ, въ смыслѣ отвѣтственности за преступленія; строже всего наказывалось преступленіе, напр., убійство, совершившееся въ предѣлахъ усадебныхъ земель; нѣсколько меньше была отвѣтственность за преступленія въ чертѣ полевой марки, еще меньше—въ лѣсу или на выгонѣ.

Сходною, въ общемъ, была организація землевладѣнія и хозяйства и при подворномъ разселеніи; разница заключалась въ томъ, что личною собственностью признавались не только усадьба и огородъ, но и полевыя земли; однако и здѣсь отдѣльные члены марки должны были подчиняться тѣмъ ограниченіямъ, которыя устанавливались марковою общиною въ общихъ интересахъ,

между прочимъ принудительному сѣвообороту и общему выпасу скота.

Однако свободная германская марка, гдѣ и была, почти вездѣ исчезла, — исчезла настолько безслѣдно, что многіе изслѣдователи рѣшительно отрицаютъ самое существованіе описанныхъ только что порядковъ (Фюстель де-Куланжъ и его послѣдователи). Крестьянству удалось сохранить свою самостоятельность и свободу лишь въ немногихъ мѣстностяхъ—въ нынѣшней Швейцаріи, въ горной Баваріи, въ Фрисландіи и т. п., и то лишь послѣ тяжелой борьбы съ землевладѣльческою аристократіей. Типичною, характерною для среднихъ вѣковъ приходится поэтому признать не свободную марковую организацію, а крупное феодальное землевладѣніе съ крѣпостническими отношеніями между землевладѣльцами и держателями земли. Остановимся теперь нѣсколько подробнѣе на происхожденіи этихъ отношеній.

Феодально-крѣпостническій строй.

Прежде всего, короли при самомъ завоеваніи своихъ новыхъ царствъ присваивали себѣ верховное право на земли, какъ населенныя, такъ и ненаселенныя, и раздавали ихъ своей дружинѣ,—вообще всѣмъ, отъ кого они пользовались или разсчитывали пользоваться какими-нибудь услугами: духовнымъ за молитвы, банкирамъ за веденіе финансовъ и т. п.; земля въ то безденежное время была единственнымъ средствомъ оплаты всякаго рода услугъ, въ которыхъ нуждалось государство или лично государи. Но земля не имѣла цѣнности безъ людей, которые могли бы ее обрабатывать; и вотъ, получив-

шіе населенныя земли всѣми силами старались удержать людей; получившіе землю безъ людей старались привлекать населеніе со стороны, для чего раздавали землю всѣмъ желающимъ, на сравнительно легкихъ условіяхъ. Классъ крѣпостныхъ увеличивался и путемъ добровольнаго перехода въ крѣпостные свободныхъ земледѣльцевъ. Къ этому ихъ побуждала больше всего тягость воинской службы, съ которою было связано обладаніе крестьянскимъ участкомъ. Пока войско имѣло характеръ пѣшаго ополченія, собиравшагося притомъ, по преимуществу, для оборонительныхъ цѣлей, служба была не такъ обременительна. Но когда стали вестись наступательныя войны, при которыхъ ратнику приходилось содержать себя на собственный счетъ; когда притомъ, вмѣсто пѣшихъ, стали требоваться конные ратники, тогда воинская служба стала окончательно непосильна для крестьянъ. И вотъ несеніе ея берутъ на себя крупные землевладѣльцы, рыцари; они выставляютъ конниковъ и за крестьянъ, которые за то охотно уступаютъ имъ верховное право на землю и остаются сидѣть на ней уже въ качествѣ крѣпостныхъ держателей, обязанныхъ опредѣленными повинностями въ пользу господина. Къ тому же побуждало и просто, стремленіе пріобрѣсти себѣ, въ лицѣ новаго господина, могущественнаго покровителя: въ тѣ времена безраздѣльнаго господства грубой силы «маленькому человѣку» было очень трудно обойтись безъ такого покровительства, и ради безопасности онъ охотно жертвовалъ свободой. Этими, по преимуществу, путями возникало крупное свѣтское землевладѣніе съ крѣ-

постными держателями земли. На ряду съ нимъ огромное значеніе имѣло землевладѣніе духовенства, которому, напримѣръ, въ средневѣковой Англіи принадлежало до одной трети всей земли. Какъ и свѣтскіе владѣльцы, духовенство и въ частности монастыри получали либо населенныя земли, которыхъ держатели тѣмъ самымъ дѣлались ихъ крѣпостными, либо ненаселенныя, на которыя они, въ такомъ случаѣ, всяческими льготами привлекали и сажали людей. Надо замѣтить здѣсь же: монастыри въ первые вѣка средневѣковья имѣютъ за собой крупныя заслуги: не говоря уже о томъ, что монастыри были единственными учрежденіями общественнаго призрѣнія, что за стѣнами ихъ сосредоточивалась вся средневѣковая умственная культура, — они стояли значительно выше свѣтскихъ владѣльцевъ и по способамъ веденія хозяйства, — были для своего времени чѣмъ-то въ родѣ передовыхъ, образцовыхъ сельско-хозяйственныхъ предпріятій; они предпринимали огромныя расчистки лѣсныхъ земель и осушки болотъ, на монастырскихъ земляхъ примѣнялись лучшіе, для своего времени, способы культуры и т. д.

Какъ въ древнемъ мірѣ рабство, такъ въ средніе вѣка феодально-крѣпостническое землевладѣніе и хозяйство отнюдь не было, если можно такъ выразиться, простою исторической ошибкой, простымъ злоупотребленіемъ. Для своего времени оно имѣло положительный смыслъ и не было чрезмѣрно обременительнымъ для держателей-крестьянъ, которые, какъ я говорилъ, сами охотно отказывались отъ свободы и добровольно пополняли

собою ряды крѣпостныхъ; какъ я также упоминалъ, они пріобрѣтали этимъ путемъ свободу отъ воинской службы, имъ обезпечивалась сравнительная безопасность; крѣпостной крестьянинъ въ случаѣ неурожая имѣлъ право на продовольствіе отъ владѣльца; на владѣльцѣ лежала и обязанность призрѣнія тѣхъ, кто по той или иной причинѣ не имѣлъ средствъ существованія. Съ другой стороны, натуральный характеръ крѣпостныхъ повинностей (см. ниже) освобождалъ крестьянина отъ крайне тягостной въ тѣ времена зависимости отъ рынка, иначе сказать отъ необходимости добывать деньги и для этой цѣли во что бы то ни стало продавать продукты своего хозяйства. Самыя повинности были нормированы обычаемъ и въ значительной мѣрѣ—церковью: время обязательныхъ молитвъ, утренней и вечерней, ставило границы продолжительности рабочаго дня; большое число праздниковъ обезпечивало крѣпостному болѣе чѣмъ достаточный праздничный отдыхъ. У владѣльцевъ притомъ не было и мотивовъ для слишкомъ жестокой эксплуатаціи труда крѣпостныхъ держателей: вѣдь тѣ продукты, которые получалъ владѣлецъ, отъ собственнаго ли хозяйства или отъ повинностей, предназначались не для рынка, а для собственнаго потребленія владѣльца и его свиты,—значитъ, владѣльцу вовсе не было надобности выбивать изъ крѣпостныхъ слишкомъ большое количество продукта, котораго ему, все равно, было бы некуда дѣвать; съ другой же стороны, у владѣльца былъ и прямой расчетъ держать повинности крѣпостныхъ на умѣренномъ уровнѣ, чтобы этимъ путемъ удержать своихъ

крѣпостныхъ отъ побѣга, а при случаѣ, пожалуй, переманить къ себѣ и чужихъ. Лассаль положительно утверждаетъ, что «положеніе рабочихъ въ то время было лучше, чѣмъ при теперешнемъ денежномъ хозяйствѣ, которое на мѣсто прежней патріархальной взаимной зависимости поставило безчувственныя, чисто денежныя отношенія».

Совершенно такъ же какъ у насъ, въ Россіи, пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, площадь господскаго имѣнія дѣлилась на двѣ части: господскую и тяглую землю. На первой хозяйство велось за счетъ господина, на второй—за счетъ крѣпостныхъ держателей. Но между тою и другою существовала тѣснѣйшая связь. «Яснѣе всего, — говоритъ Бюхеръ,—можно представить себѣ организацію средневѣковаго помѣщичьяго имѣнія, если вообразить себѣ хозяйство цѣлой деревни какъ цѣлое, средоточіемъ котораго является господская усадьба. Непосредственно тяготѣющая къ послѣдней барская земля обрабатывается дворовыми, которые живутъ и продовольствуются въ усадьбѣ и въ разностороннемъ расчлененіи сельско-хозяйственнаго и промышленнаго труда затрачиваютъ свои силы въ производствѣ, домоводствѣ и личныхъ услугахъ господину. Барская земля расположена чрезполосно съ надѣльною землею большаго или меньшаго числа крѣпостныхъ крестьянъ, каждый изъ которыхъ самостоятельно ведетъ хозяйство въ предѣлахъ своей гуфы, пользуясь въ то же время общими съ господскою усадьбою выгономъ, лѣсомъ и водопоемъ. Въ то же время, однако, держаніе надѣла обязываетъ держателя къ исполненію на помѣщика опредѣленныхъ повинностей — ра-

ботъ и поставокъ. Работа требовалась сначала «по мѣрѣ надобности», потомъ она была ограничена опредѣленнымъ временемъ (числомъ дней въ году или въ недѣлѣ); это была частью работа въ полѣ, во время посѣва и жатвы, на покосѣ, въ огородахъ, виноградникахъ, въ лѣсу, частью—работа въ мастерскихъ и дѣвичьихъ господской усадьбы, гдѣ работали также и крѣпостныя дѣвушки—пряли, ткали, шили, пекли хлѣбъ, варили пиво и т. д. Въ барщинные дни крѣпостные крестьяне получали продовольствіе на господскомъ дворѣ, вмѣстѣ съ дворовыми. Независимо отъ сказаннаго, крѣпостные были обязаны поддерживать въ порядкѣ изгороди на усадьбѣ и вокругъ господскихъ полей, а также нести обязанности сторожей, отбывать службу гонцовъ, перевозить господскія клади. Поставки, требовавшіяся отъ крѣпостныхъ, — это были частью сельско - хозяйственные продукты всякаго рода: зерно, шерсть, ленъ, медъ, воскъ, вино, рогатый скотъ, свиньи, куры, яйца; частью заготовленные въ господскомъ лѣсу дрова, бревна, колья, лучина, обручи, бочечныя клепки и пр.; частью ремесленныя издѣлія въ родѣ сукна и полотна, чулокъ, обуви, хлѣба, пива, бочекъ, разной посуды, желѣза, котловъ, ножей, — что, очевидно, предполагаетъ наличность среди крѣпостныхъ, какъ и среди дворовыхъ, извѣстной промышленной спеціализаціи; различныя ремесла являлись наслѣдственною принадлежностью опредѣленныхъ дворовъ, которые обслуживали не только господскую усадьбу, но и своихъ односельчанъ. Середину между рабочею повинностью и поставками занимали разнаго рода смѣшанныя по-

винности, въ родѣ доставки навоза на господскія поля, пріема на зимовку господскаго скота, продовольствія господскихъ гостей. Но и обратно — господская усадьба оказывала поддержку крестьянскому хозяйству такими способами, какъ содержаніе племенного скота, устройство и содержаніе перевозовъ, хлѣбопекарныхъ печей, винныхъ подваловъ и пр., затѣмъ охраною противъ всякаго рода насилія и правонарушенія и помощью при неурожаяхъ и другихъ напастяхъ. Мы такимъ образомъ имѣемъ здѣсь, — заключаетъ Бюхеръ,—небольшой, вполнѣ самодовлѣющій хозяйственный организмъ, свободный, однако, отъ чрезмѣрной централизаціи римскихъ невольничьихъ хозяйствъ и ограничивающійся въ использованіи труда несвободныхъ работниковъ тѣмъ, что въ самомъ дѣлѣ необходимо для господскаго хозяйства и домоводства, а благодаря этому открывающій массѣ крѣпостного населенія возможность веденія собственнаго земледѣльческаго хозяйства, слѣдовательно, оставляющій имъ и извѣстную долю личной независимости». Хозяйство крѣпостного крестьянина должно было прокормить его семью и дать нѣкоторый излишекъ, который въ качествѣ натуральной повинности поступалъ въ пользу господскаго двора; на этомъ послѣднемъ сосредоточивался, само собою разумѣется, и весь продуктъ господской запашки. И вся эта масса продукта должна была потребляться тутъ же, на господскомъ дворѣ,—здѣсь не было вопроса о сбытѣ на рынокъ, и въ то же самое время не были возможны ни накопленіе ни капитализація. Въ королевскихъ помѣстьяхъ эти громадные запасы про-

дуктовъ расходовались на содержаніе двора, который, ради использованія этихъ запасовъ, постоянно переѣзжалъ изъ одного имѣнія въ другое; такъ же поступали и многіе изъ другихъ, болѣе крупныхъ владѣльцевъ, обладавшіе нѣсколькими имѣніями; огромную роль играло гостепріимство, которое для богатаго владѣльца было единственнымъ способомъ какъ-нибудь использовать свои огромные запасы,—способомъ, притомъ много помогавшимъ его доброй славѣ, вліянію и популярности. Что касается до монастырей и другихъ церковныхъ учрежденій, то продукты, получавшіеся съ ихъ хозяйствъ и поставлявшіеся крѣпостными въ видѣ натуральной повинности, свозились, натуральною же подводною повинностью, въ монастырь или на церковный дворъ, гдѣ и расходовались частью на содержаніе причта или братіи, частью на прокормленіе бѣдныхъ и богомольцевъ.

Читателю, сохранившему въ памяти основныя понятія и положенія экономической теоріи, должно быть ясно, что эти понятія и положенія не могутъ быть примѣнены къ феодальной организаціи хозяйства. Хозяйственнымъ отношеніямъ того времени недостаетъ, по словамъ того же Бюхера, «тѣсной связи между отдѣльною услугой и ея вознагражденіемъ, а также свободнаго самоопредѣленія договаривающихся сторонъ,—это отношенія между господиномъ и слугой, а не между договаривающимися сторонами»; говоря проще, въ феодально-крѣпостномъ быту нѣтъ обмѣна, нѣтъ отношеній найма, нѣтъ свободы выбора занятій, нѣтъ, наконецъ, купли-продажи готоваго продукта. Но вмѣстѣ со всѣмъ этимъ исчезаетъ и бо̀льшая

часть понятій современной политической экономіи: «потребность, трудъ, производство, средства производства, продуктъ, потребительный запасъ, потребительная цѣнность, потребленіе, — таковы немногія экономическія понятія, которыя при нормальномъ ходѣ вещей исчерпываютъ весь кругъ экономическихъ явленій. Нѣтъ народно-хозяйственнаго раздѣленія труда, нѣтъ предпріятій, нѣтъ капитала въ смыслѣ имущества, служащаго исключительно средствомъ извлеченія дохода. Если капиталъ разумѣть въ смыслѣ совокупности средствъ производства, то все-таки приходится ограничить его орудіями труда, т.-е. такъ называемымъ основнымъ капиталомъ; то, что мы называемъ оборотнымъ капиталомъ,—это въ замкнутомъ хозяйствѣ феодальнаго имѣнія являлось не болѣе, какъ неготовымъ или полуготовымъ продуктомъ. При нормальномъ ходѣ хозяйства нѣтъ товаровъ, нѣтъ цѣны, нѣтъ обращенія цѣнностей, нѣтъ распредѣленія, слѣдовательно, не существуетъ ни заработной платы, ни прибыли на капиталъ, ни предпринимательскаго барыша, какъ особыхъ отраслей дохода. Только земельная рента начинаетъ выдѣляться изъ общей массы сельскохозяйственнаго продукта, да и то еще не въ чистомъ видѣ, а перепутанная съ другими видами дохода».

Однако, понемногу на ряду съ замкнутымъ хозяйствомъ средневѣковой феодальной усадьбы начинаетъ развиваться общественное раздѣленіе труда, вмѣстѣ съ его необходимымъ спутникомъ—обмѣномъ. Зародышъ такого раздѣленія труда можно найти уже въ феодальномъ помѣстьѣ и въ крѣпостной деревнѣ: ремесленники сидятъ на предо-

ставленныхъ имъ за отбываніе ремесла тягловыхъ участкахъ, опредѣленную часть своего времени и труда отдаютъ господской усадьбѣ, въ свободные же дни работаютъ на своихъ односельчанъ, получая отъ нихъ за это хлѣбъ, сало, пиво и т. п. Наблюдаются явленія и нѣсколько иного характера: владѣлецъ хлѣбопекарной печи, кожевеннаго чана, предоставляетъ пользоваться печью или чаномъ всѣмъ желающимъ, а тѣ отплачиваютъ ему за это работою на покосѣ и уборкѣ хлѣба. Вмѣстѣ съ тѣмъ внутри феодальнаго имѣнія, между отдѣльными крѣпостными дворами, сплошь и рядомъ происходитъ и настоящій натуральный обмѣнъ: излишки хлѣба обмѣниваются на вино, лишній холстъ на сало или кожу и т. п.

Полный просторъ для развитія общественнаго раздѣленія труда и мѣновыхъ отношеній явился, однако, лишь съ развитіемъ городовъ и городской жизни, о чемъ намъ теперь и придется говорить.

Города. Откуда, прежде всего, взялись средневѣковые города? Говоря вообще, они стоятъ внѣ всякой связи съ ранѣе существовавшими римскими городами. Эти послѣдніе почти сплошь были разрушены или пришли въ упадокъ, средневѣковые же города были новаго происхожденія. Даже тамъ, гдѣ средневѣковый городъ носилъ то же названіе, какое раньше носилъ римскій городъ, первый сплошь и рядомъ выросталъ не изъ пришедшаго въ упадокъ римскаго города, а изъ какой-нибудь расположенной поблизости деревни. Происхожденіе средневѣковыхъ городовъ было весьма разнообразно. Чаще всего это были просто укрѣпленныя деревни, возникав-

шія въ зависимости либо отъ потребностей обороны страны, либо просто отъ направленія путей сообщенія; множество городовъ въ восточной части Германіи — остатки укрѣпленныхъ линій, возводившихся для защиты противъ венгровъ и славянъ; много городовъ возникло при переправахъ черезъ рѣки или при сліяніяхъ рѣкъ, а также при развѣтвленіяхъ проѣзжихъ дорогъ; немало городовъ выросло при такъ называемыхъ палаціяхъ — императорскихъ резиденціяхъ, которыхъ въ тѣ времена было очень много, при каѳедрахъ епископовъ, при монастыряхъ и т. п. Располагались средневѣковые города настолько густо, что, напримѣръ, во всей средневѣковой Германіи не было мѣстности, гдѣ крестьянинъ изъ самыхъ отдаленныхъ деревень не могъ бы въ одинъ день съѣздить въ городъ, на базаръ, и вернуться домой къ ночи.

Очень многіе средневѣковые города основывались свѣтскими владѣльцами и монастырями на крѣпостныхъ началахъ; жители такихъ городовъ отбывали барщину и прочія повинности наравнѣ съ крѣпостными крестьянами. Мало-по-малу, однако, населеніе крѣпостныхъ городовъ пріобрѣтало свободу, что̀ соотвѣтствовало, между прочимъ, и выгодамъ самихъ владѣльцевъ. Города, очень скоро, стали дѣлаться центрами торговаго обмѣна и сборы съ торговли, сдача лавокъ, базарныхъ вѣсовъ и т. п., при болѣе значительномъ развитіи торговли, обѣщали владѣльцу гораздо бо̀льшіе доходы, чѣмъ они получали отъ крѣпостныхъ повинностей. Старанія владѣльцевъ были поэтому направлены, главнымъ образомъ, на расширеніе

городской торговли, для чего приходилось прежде всего заботиться объ увеличеніи населенія городовъ, которое привлекалось всяческими льготами: повинности горожанъ переводились на деньги (горожанамъ это было удобно потому, что въ городахъ вѣдь не испытывалось такого недостатка въ деньгахъ, какъ въ деревнѣ), а затѣмъ и вовсе отдавались на выкупъ; самый сборъ торговыхъ пошлинъ отдавался на откупъ городскимъ выборнымъ властямъ. Съ другой стороны, ослабленіе и прекращеніе личной зависимости горожанъ отъ феодальныхъ владѣльцевъ ускорялось благодаря той поддержкѣ, которою города пользовались со стороны королей, искавшихъ въ горожанахъ опоры въ своей борьбѣ противъ феодальныхъ владѣльцевъ. «Чѣмъ хуже,—писалъ Адамъ Смитъ въ концѣ XVIII вѣка,—были отношенія королей къ баронамъ, тѣмъ щедрѣе они были на льготы городамъ».

Такъ или иначе, населеніе городовъ постепенно пріобрѣтало личную свободу. Эта свобода, въ свою очередь, привлекала въ города множество людей, въ особенности ремесленниковъ и торговцевъ, которые искали въ чертѣ города защиты отъ притѣсненій феодаловъ; массами бѣжали въ города и крѣпостные крестьяне. Города охотно принимали такихъ бѣглецовъ, которые и увеличивали собой число свободныхъ горожанъ; существовала поговорка, что «воздухъ города дѣлаетъ свободнымъ».

Въ городахъ, такимъ образомъ, мало-по-малу установилась личная с в о б о д а,—но не установилось р а в е н с т в а; напротивъ, среди населенія городовъ существовали рѣзкія классовыя или даже сослов-

ныя различія. Прежде всего, конечно, выдѣлялось духовенство, которое въ резиденціяхъ епископовъ составляло особыя «епископскія общины», съ собственнымъ управленіемъ и судомъ. Затѣмъ, такъ называемый городской патриціатъ,—потомки первыхъ насельниковъ города, которымъ принадлежала вся площадь подъ городскими постройками и которые жили доходами съ нея, по большей части не занимаясь уже ни торговлею ни ремеслами. Далѣе слѣдовали такъ называемыя купеческія гильдіи, низшій же классъ городского населенія въ эпоху ранняго средневѣковья составляли ремесленники, которые первоначально вовсе не пользовались правами городскихъ гражданъ, и лишь постепенно завоевали себѣ личную независимость, а затѣмъ и господствующее значеніе въ городской жизни.

Преобладающій характеръ промышленной дѣятельности горожанъ съ теченіемъ времени измѣнился. До времени крестовыхъ походовъ главнымъ занятіемъ горожанъ, какъ и сельчанъ, было земледѣліе; тогдашній городъ представлялъ не мало сходства съ многими изъ русскихъ захолустій—разными Николаевсками, Маріинсками, Туринсками и т. п., гдѣ большинство мѣщанъ и до сихъ поръ занимается, главнымъ образомъ, земледѣліемъ; ремесленники, по большей части, вымѣнивали свои издѣлія, натурой, на сельско-хозяйственные продукты своихъ согражданъ и наѣзжавшихъ изъ округа крестьянъ. Со времени крестовыхъ походовъ преобладающее значеніе въ городахъ переходитъ къ торговлѣ и торговымъ гильдіямъ, въ концѣ среднихъ вѣковъ—къ ремеслу и къ ремесленнымъ организаціямъ—цехамъ.

Торговля въ средніе вѣка.

Посмотримъ теперь, что такое представляла собой средневѣковая торговля. Говоря вообще, обстановка средневѣковаго города была неблагопріятна для развитія торговли. Каждый городъ представлялъ собою центръ небольшого района; онъ снабжалъ этотъ районъ ремесленными издѣліями, получая въ обмѣнъ предметы продовольствія, при чемъ городскіе ремесленники, на базарѣ или рынкѣ, вступали въ непосредственный обмѣнъ съ крестьянами, привозившими сельско-хозяйственные продукты; въ непосредственныя сношенія ремесленники вступали и со своими городскими покупателями и заказчиками; никакого торговаго посредничества ни тутъ ни тамъ не требовалось, и такимъ образомъ во всей этой области мѣновыхъ отношеній средневѣковаго города для торговца не находилось дѣла. Предметомъ профессіональной торговли могли быть лишь такіе продукты, которые привозились издалека,—различные предметы роскоши, а затѣмъ такіе виды предметовъ продовольствія и вообще сырья, которые вовсе не добывались въ данной мѣстности, въ силу естественныхъ условій. Къ этой послѣдней категоріи относились такіе товары, какъ соль, рыба, мѣха, желѣзо и другіе металлы, плоды южныхъ странъ и пряности,—это и были главные предметы профессіональной, купеческой торговли.

Общимъ правиломъ въ хозяйственной жизни ранняго средневѣковья являлся непосредственный обмѣнъ,—но обмѣнъ, подчиненный строгой регламентаціи и контролю со стороны городскихъ властей, которыя стремились обезпечить горожа-

намъ всѣ выгоды обмѣна съ сельчанами и по возможности устранить скупку. Продажа продуктовъ допускалась не иначе, какъ на рынкѣ; крестьянамъ, привозившимъ продукты, запрещалось продавать ихъ на дорогѣ и въ попутныхъ деревняхъ; торговцамъ дозволялось покупать продукты лишь тогда, когда не оказывалось спроса со стороны непосредственныхъ потребителей; вывозить обратно оставшіеся непроданными продукты либо запрещалось, либо разрѣшалось лишь сейчасъ же по окончаніи торга на рынкѣ, — то и другое заставляло крестьянъ продавать продукты по пониженной цѣнѣ, чтобы не остаться съ непроданнымъ товаромъ на рукахъ.

Въ основѣ регламентаци торговли въ раннее средневѣковье лежало затѣмъ крайнее недовѣріе ко всякому торговцу и стремленіе, по возможности, обойтись безъ его услугъ. Поэтому въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ при обмѣнѣ трудно было обходиться безъ посредниковъ, такое посредничество возлагалось на особыхъ должностныхъ лицъ—въ родѣ городскихъ маклеровъ, которые обязаны были сводить покупателей съ продавцами, помогать имъ сторговаться въ цѣнѣ, испытать и удостовѣрить качество товара и т. п.

Толчокъ для развитія самостоятельной торговли дали крестовые походы. Уже самое снабженіе огромныхъ армій крестоносцевъ провіантомъ было невозможно иначе, какъ при содѣйствіи профессіональныхъ, притомъ крупныхъ торговцевъ. Во время крестовыхъ походовъ европейцы впервые познакомились со многими восточными продуктами и пріобрѣли къ нимъ вкусъ,—и въ то же время въ

средѣ крестоносныхъ войскъ приходили между собой въ соприкосновеніе жители разныхъ странъ Европы, что, въ свою очередь, служило поводомъ къ возникновенію между ними торговыхъ отношеній. Наконецъ крестовые походы повели къ образованію на востокѣ многихъ европейскихъ колоній, главнымъ образомъ на Черномъ морѣ, — мѣновыя сношенія съ этими колоніями не могли вестись иначе, какъ профессіональными купцами. Въ результатѣ со времени крестовыхъ походовъ развиваются оживленныя торговыя сношенія Западной Европы съ востокомъ, съ одной стороны, и между различными европейскими странами—съ другой. Средоточіемъ этой торговли сдѣлались ярмарки, на которыя въ опредѣленное время года съѣзжались караваны съ товарами; особою извѣстностью пользовались ярмарки въ французскомъ графствѣ Шампань, представлявшія особенныя удобства въ силу своего географическаго положенія, въ центрѣ тогдашней Западной Европы.

Однако и послѣ крестовыхъ походовъ размѣры торговли оставались, по нашимъ понятіямъ, ничтожными. Вывозъ шерсти изъ Англіи въ концѣ XIII столѣтія не превышалъ 3.000 тоннъ (тонна 60 пуд.) въ годъ, изъ которыхъ съ небольшимъ 300 тоннъ шло въ нынѣшнюю Германію; въ настоящее время Германія ввозитъ болѣе 200.000 тоннъ. Все годовое количество товаровъ проходившее въ то время черезъ Сенъ-Готардъ, не превышало 1.200 тоннъ, что̀ равно нагрузкѣ двухъ современныхъ товарныхъ поѣздовъ. Хлѣбная торговля Гамбурга не превышала 4.000—5.000 тоннъ, т.-е. нагрузки двухъ современныхъ океанскихъ пароходовъ. Гро-

мадное большинство торговцевъ были просто мелкіе торгаши, въ родѣ нашихъ коробейниковъ, которые разъѣзжали съ лошадкой и телѣгой и въ результатѣ своихъ торговыхъ операцій еле-еле зарабатывали на прокормъ себя и своей семьи. Капиталы средневѣковыхъ торговцевъ были крайне незначительны; всякая мало-мальски крупная операція предпринималась поэтому артелями торговцевъ, которые собирали въ складчину необходимую для такой операціи денежную сумму; грузъ каждаго корабля, кладь каждаго каравана составлялись изъ товара, принадлежавшаго десяткамъ участниковъ. Только подъ самый конецъ среднихъ вѣковъ начинаетъ развиваться болѣе крупная торговля; средоточіемъ послѣдней дѣлаются сначала итальянскіе города, которымъ очень благопріятствовало ихъ мѣстоположеніе на перепутьѣ между всею остальною Западною Европой и азіатскими рынками; черезъ посредство итальянскихъ купцовъ долгое время велась вся торговля сѣверной и сѣверо-западной Европы, въ томъ числѣ и Англіи, съ востокомъ и съ южною Европой. Мало-по-малу торговое преобладаніе переходитъ къ Голландіи и такъ называемой Ганзѣ — союзу сѣверогерманскихъ приморскихъ городовъ. Торговое значеніе Англіи—замѣтимъ здѣсь же—относится уже къ болѣе позднему времени, о которомъ будетъ итти рѣчь въ слѣдующей лекціи. Самая организація средневѣковой торговли ничѣмъ не отличалась отъ той ремесленной организаціи, о которой мнѣ сейчасъ придется говорить: торговцы, какъ и ремесленники, были организованы въ цехи, и торговыя операціи, какъ и ремесло, велись подъ

строгимъ надзоромъ городскихъ властей, при чемъ и цеховыя и городскія власти руководились тою же общею идеей, которая руководила ремесленными цехами: «обезпечить каждому сочлену, ведущему свое дѣло по обычаю отцовъ, приличное питаніе». Ради этой цѣли принимались всякаго рода мѣры къ устраненію излишней конкуренціи, какъ извнѣ, такъ и внутри цеха; ради этой, главнымъ образомъ, цѣли устанавливались обязательныя для всѣхъ торговцевъ правила торговли; ради этого существовало такъ называемое штапельное право, въ силу котораго провозимые чрезъ городъ товары должны были на опредѣленное время задерживаться въ городѣ и предлагаться для покупки мѣстнымъ торговцамъ, и т. д.

Ремесло.

Обрабатывающая промышленность носила характеръ ремесла, имѣвшаго, какъ упоминалось, цеховую организацію. Ремесло—это мелкое промышленное предпріятіе, работающее на ограниченный сбытъ: либо на заказъ, либо хотя и на вольную продажу, но въ ограниченномъ кругѣ покупателей—жителей своего города и ближайшихъ его окрестностей. Отсюда первостепенно важное послѣдствіе: у с т о й ч и в о с т ь с б ы т а, въ противоположность рѣзкимъ его колебаніямъ, характернымъ для современнаго хозяйственнаго строя. Техника ремесла болѣе или менѣе проста; и что особенно важно—издѣлія изготовляются ручнымъ трудомъ, при помощи простыхъ и дешевыхъ орудій. Слѣдовательно, основной капиталъ ремесленника не великъ, и для устройства ремесленнаго заведенія нужны очень небольшія средства. Съ другой стороны, результатъ

производства, въ частности качество издѣлія, зависитъ не столько отъ различій въ оборудованіи, которое для всѣхъ одинаково доступно, сколько отъ ловкости и искусства каждаго даннаго работника. Техника средневѣковаго ремесленнаго производства носила чисто эмпирическій характеръ: она развивалась какъ бы ощупью, путемъ постепенныхъ усовершенствованій, которыя вносились въ дѣло отдѣльными мастерами и передавались, путемъ простого подражанія, отъ отца къ сыну, отъ мастера къ подмастерьямъ и ученикамъ. Ремесленникъ-мастеръ былъ и предпринимателемъ (онъ за свой счетъ пріобрѣталъ сырье и долженъ былъ заботиться о сбытѣ продукта), и техникомъ, и рабочимъ; его сотрудники—подмастерья и ученики, не представляли собой особаго соціальнаго класса, въ родѣ нашихъ промышленныхъ рабочихъ,—это были такіе же ремесленники, только еще не готовые, а подготовлявшіеся къ будущей роли самостоятельнаго мастера.

Ремесло было, такимъ образомъ, формой общественнаго или народно-хозяйственнаго раздѣленія труда, связаннаго съ отдѣленіемъ производства отъ потребленія; въ отличіе отъ участниковъ замкнутаго домашняго хозяйства ремесленникъ работалъ не на свои, а на чужія потребности,—потребители потребляли продукты не своего, а чужого труда. Отсюда вытекалъ цѣлый рядъ сложныхъ задачъ, сущность которыхъ сводится а) къ обезпеченію потребителей продуктами надлежащаго качества и по умѣренной цѣнѣ и б) къ обезпеченію трудящихся необходимымъ для ихъ существованія заработкомъ. Въ наше время обѣ эти задачи

разрѣшаются или, по крайней мѣрѣ, должны разрѣшаться на почвѣ свободной борьбы интересовъ. Въ средніе вѣка такой свободы не было и не могло быть. Ремесло — это была такая же общественная служба, какъ, напримѣръ, служба воина, и эта служба, какъ и всякая другая, должна была стоять подъ надзоромъ и контролемъ общественной власти—города и цеховъ, при чемъ эта власть брала на себя и разрѣшеніе тѣхъ трудныхъ экономическихъ задачъ, которыя въ настоящее время разрѣшаются свободнымъ экономическимъ оборотомъ.

Цехи.

Вопросъ о происхожденіи цеховъ до сихъ поръ окончательно не выясненъ. Не подлежитъ, однако, сомнѣнію, что цехи были лишь однимъ изъ проявленій столь характернаго для среднихъ вѣковъ корпоративнаго духа, стремленія соединяться во всяческіе союзы: отдѣльный человѣкъ чувствовалъ себя слишкомъ слабымъ и беззащитнымъ при тогдашнемъ господствѣ грубой силы. Какъ и крестьянская марка, цехъ былъ союзомъ, обнимавшимъ всѣ стороны жизни ремесленника: ремесленники одного цеха даже жили вмѣстѣ, на одной улицѣ или даже въ одномъ концѣ улицы,—картина, какую и сейчасъ можно наблюдать въ туземныхъ городахъ нашихъ средне-азіатскихъ владѣній. Цехъ былъ союзомъ, преслѣдовавшимъ, между прочимъ, и религіозныя цѣли—цехъ обыкновенно имѣлъ собственный придѣлъ въ церкви и собственныя хоругви; цехъ былъ союзомъ для военныхъ цѣлей—въ составѣ городского ополченія онъ выступалъ какъ отдѣльная часть, съ цеховымъ знаменемъ и подъ предводительствомъ цехового старосты; цехи имѣли и су-

дебное значеніе—нѣкоторые разряды дѣлъ предварительно разсматривались на цеховомъ судѣ и уже потомъ переходили на разсмотрѣніе городскихъ судей; цехъ былъ и просто соединеніемъ людей, вмѣстѣ терпѣвшихъ горе и дѣлившихъ радость,—цехи устраивали общія пиршества, а въ случаѣ смерти кого-либо изъ сочленовъ являлись на похороны въ полномъ составѣ, со знаменемъ и съ орудіями своего ремесла. Но главное—цехъ былъ союзомъ ремесленниковъ, преслѣдовавшимъ опредѣленныя экономическія и соціальныя задачи. Цехъ былъ, до извѣстной степени, тѣмъ, что мы теперь называемъ промышленною ассоціаціей: цехи брали на себя совмѣстную закупку матеріала, они же брали на себя устройство такихъ, требовавшихся для ремесла, сооруженій, которыя стоили слишкомъ дорого для отдѣльнаго мелкаго ремесленника: водяныхъ двигателей, сукноваленъ, сушиленъ, чесаленъ и т. п. Цехъ представлялъ собою организацію для практическаго ремесленнаго обученія и для подготовки будущихъ мастеровъ. Но основною функціей цеховъ, собственно въ хозяйственной сферѣ, являлся всесторонній контроль надъ промысловою дѣятельностью каждаго изъ членовъ цеха. Этотъ контроль преслѣдовалъ двоякаго рода задачи. Съ одной стороны—огражденіе интересовъ потребителей. Одинъ цехъ ставилъ себѣ задачею «снабженіе людей здоровымъ хлѣбомъ», другой—«изготовленіе хорошаго сукна», всякій цехъ вообще — «отправленіе ремесла къ чести и выгодѣ города»; цеховой контроль былъ направленъ къ тому, чтобы всякое издѣліе было доброкачественно, чтобы оно соотвѣтствовало установлен-

нымъ цехомъ образцамъ, чтобы оно, вообще, не давало повода для жалобъ со стороны потребителей. Съ другой стороны — огражденіе интересовъ производителей, членовъ цеха. Съ этой точки зрѣнія основною задачею цеха было, какъ я уже упоминалъ, «обезпечить каждому сочлену приличествующее питаніе»,—идея, которая, вообще, была одною изъ основныхъ идей средневѣковья и проповѣдывалась и тогдашнею католическою церковью. Ради той и другой изъ указанныхъ цѣлей принимались мѣры двоякаго порядка: съ одной стороны— мѣры, направленныя къ устраненію излишней конкуренціи какъ со стороны постороннихъ лицъ, такъ и между самими членами цеха; съ другой— подчиненіе самаго производственнаго процесса надзору цеховыхъ властей. Производство и продажа каждой категоріи продуктовъ въ обыкновенное время признавалось монопольнымъ правомъ членовъ даннаго цеха, и только на время ярмарокъ допускалась продажа издѣлій пріѣзжихъ, вообще постороннихъ цеху лицъ, чѣмъ какъ бы накладывалась узда своекорыстію цеховыхъ мастеровъ и предотвращалось чрезмѣрное повышеніе цѣнъ цеховыхъ издѣлій. Самое вступленіе въ цехъ подчинялось строго опредѣленному порядку. Будущій ремесленникъ долженъ былъ поступить въ ученики къ какому-нибудь цеховому мастеру и отбыть установленный срокъ ученичества, послѣ чего переходилъ въ платные подмастерья и въ этомъ званіи долженъ былъ пробыть также опредѣленное число лѣтъ. Въ Германіи былъ еще обычай обязательнаго двухъ или трехлѣтняго странствованія подмастерій: подмастерье, отбывшій

срокъ у своего мастера, затѣмъ долженъ былъ два или три года переходить изъ одного города въ другой, работая, подмастерьемъ же, у тамошнихъ цеховыхъ мастеровъ; это дѣлалось ради ознакомленія подмастерій съ тѣми разнообразными техническими пріемами, какіе были въ ходу въ различныхъ городахъ. Пройдя всѣ эти искусы, подмастерье долженъ былъ исполнить заданную ему пробную работу, и если таковая признавалась удовлетворительной, получалъ званіе мастера, что давало ему право устроить самостоятельную мастерскую, а вмѣстѣ съ тѣмъ—и право вступленія въ бракъ. Обученіе учениковъ разсматривалось, при этомъ, не какъ частное дѣло заинтересованныхъ лицъ, а какъ *обязанность* мастера, — послѣдній былъ обязанъ не только *учить*, но и *выучить* ремеслу; по истеченіи срока цеховыя власти испытывали ученика, и если онъ оказывался плохо обученнымъ, его отдавали доучиваться къ другому мастеру, за счетъ прежняго мастера, виновнаго въ плохомъ обученіи. Ради ограниченія взаимной конкуренціи мастеровъ, при которой болѣе сильный, очевидно, могъ бы отнять «питаніе» у слабаго, цеховые регламенты ограничивали число подмастерьевъ и учениковъ, какое могъ держать мастеръ, тѣмъ самымъ ставя предѣлъ росту отдѣльныхъ предпріятій; сырье, закупавшееся за счетъ цеха, распредѣлялось между мастерами въ соотвѣтствіи съ потребностью каждаго изъ нихъ,— самая эта закупка, равно какъ и устройство общихъ промысловыхъ сооруженій и приспособленій, болѣе соотвѣтствовала интересамъ мелкихъ мастеровъ, нежели крупныхъ и богатыхъ, которые

могли бы сдѣлать это и на собственныя средства. Цеховые регламенты, далѣе, установляли точныя правила относительно времени и мѣста продажи издѣлій,—правила, главною цѣлью которыхъ было устранить перебиванье покупателей. Нерѣдко устанавливались и прямыя ограниченія размѣровъ производства отдѣльнаго мастера: золотыхъ дѣлъ мастеру запрещалось, напримѣръ, покупать для переработки больше опредѣленнаго количества золота и серебра, и т. п. Качество издѣлій подвергалось надзору и въ мастерской, во время изготовленія, и въ лавкѣ, когда издѣліе уже выпущено на продажу: издѣлія подвергались осмотру и сличались съ образцами, на доброкачественныя накладывалось цеховое клеймо, недоброкачественныя уничтожались. Наконецъ, продажныя цѣны издѣлій регулировались таксами, при установленіи которыхъ преслѣдовалась двоякая цѣль: съ одной стороны — устранить конкуренцію мастеровъ путемъ продажи по пониженнымъ цѣнамъ, съ другой — оградить потребителя отъ чрезмѣрнаго ихъ повышенія. Въ этомъ послѣднемъ направленіи цехи, однако, очень часто не дѣлали того, что должны были дѣлать, и въ интересахъ своихъ мастеровъ установляли слишкомъ высокія цѣны; это, нерѣдко, вызывало вмѣшательство городскихъ властей, которыя отмѣняли цеховыя таксы и установляли свои, болѣе низкія; чаще всего, конечно, такое вмѣшательство городскихъ властей имѣло мѣсто по отношенію къ печеному хлѣбу и другимъ предметамъ необходимости.

Ихъ процвѣтаніе и упадокъ.

Такимъ образомъ цехи преслѣдовали весьма сложныя и трудныя задачи, при чемъ отдѣльныя изъ этихъ задачъ нерѣдко оказывались въ противорѣчіи другъ съ другомъ: цехъ долженъ былъ обезпечить «приличествующее питаніе» производителямъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и доставить потребителямъ дешевое и доброкачественное издѣліе; главнымъ предметомъ заботъ цеховъ были интересы цеховыхъ мастеровъ, но въ то же время они должны были заботиться о зависимыхъ отъ нихъ работникахъ — подмастерьяхъ и ученикахъ; цехи заботились о сохраненіи и преемственной передачѣ техническихъ пріемовъ ремесла, но мелочная регламентація производства должна была вести къ техническому застою. И вотъ, спрашивается, какія же изъ этихъ сторонъ, въ самомъ дѣлѣ, преобладали въ дѣятельности цеховъ; а слѣдовательно, какую можно дать ей общую оцѣнку? Большинство изслѣдователей сходится въ томъ, что въ теченіе значительной части средневѣковья преобладали *свѣтлыя* стороны, и что цехи въ средніе вѣка имѣли важное положительное значеніе. «Цехъ,—говоритъ русскій ученый, М. И. Туганъ-Барановскій,—былъ удивительно стройнымъ и совершеннымъ общественнымъ учрежденіемъ, вполнѣ приспособленнымъ къ условіямъ средневѣковаго городского хозяйства»... Гармоническій строй жизни средневѣковаго города «покоился на цеховой организаціи, задачи которой, въ лучшую пору цеховъ, сводились къ обезпеченію всѣмъ производителямъ, членамъ цеха, достаточнаго и равномѣрнаго заработка, а потребителямъ—товара хорошаго качества

за умѣренную цѣну». При цеховой организаціи «успѣхъ опредѣлялся не капиталомъ, а искусствомъ и добросовѣстностью мастера». Въ соціальномъ отношеніи «ученики, подмастерья и мастера не были различными соціальными классами, а лишь различными возрастными группами одного и того же класса»; въ золотую пору цеховъ «подмастерье былъ членомъ семьи мастера и менѣе всего видѣлъ въ немъ своего врага»,—всякій или почти всякій подмастерье «могъ разсчитывать и самъ съ теченіемъ времени достигнуть положенія мастера». Только «въ болѣе позднее время, при упадкѣ цехового строя, цехи начали пользоваться (и злоупотреблять) своею экономическою силой въ интересахъ своихъ членовъ» — мастеровъ, а «подмастерья выдѣлились въ особый классъ, враждебный мастерамъ».

Итакъ, позднѣйшая эпоха, эпоха упадка цеховъ, рѣзко противопоставляется болѣе ранней—эпохѣ ихъ процвѣтанія. Въ самомъ дѣлѣ, въ болѣе раннюю эпоху цеховая организація не шла въ разрѣзъ ни съ какими жизненными потребностями,—она, напротивъ, замѣчательно соотвѣтствовала требованіямъ жизни. Въ то время, прежде всего, существовалъ устойчивый мѣстный рынокъ, что давало цехамъ возможность устанавливать справедливыя цѣны издѣлій и такимъ образомъ равномѣрно ограждать интересы и производителей и потребителей. Въ городахъ не было избытка населенія, не было пролетаріата, благодаря чему цехи имѣли возможность равномѣрно заботиться объ интересахъ какъ мастеровъ, такъ и подмастерьевъ. Цеховые регламенты не препятствовали

успѣхамъ производительной техники, потому что сама техника не обнаруживала склонности къ быстрому совершенствованію. Совсѣмъ иное въ болѣе позднюю эпоху. Въ городахъ, благодаря обезземеленью крестьянъ, появляется избытокъ населенія, съ конкуренціею котораго цехамъ приходится бороться. Цехи сосредоточиваютъ поэтому всѣ свои заботы на огражденіи своей монополіи, и это приводитъ къ вырожденію всѣхъ цеховыхъ учрежденій. Доступъ въ цехъ остается открытымъ только для сыновей и зятьевъ цеховыхъ мастеровъ, для всѣхъ же постороннихъ подвергается множеству прямыхъ и косвенныхъ ограниченій. Мастера начинаютъ набирать множество учениковъ, при чемъ заботятся уже не объ обученіи ихъ, а объ извлеченіи выгодъ изъ ихъ дарового труда; ставятся всевозможныя препятствія переходу подмастерьевъ въ мастера — задаются такія пробныя работы, которыя требуютъ затраты массы времени и большихъ расходовъ, иногда и такія, въ которыхъ нельзя не видѣть прямого издѣвательства надъ подмастерьемъ: подмастерье-кузнеца заставляютъ, напр., изготовить подкову для лошади, не снимая съ нея мѣрки—на глазокъ; при малѣйшемъ поводѣ пробная работа бракуется, и подмастерью на этомъ основаніи отказываютъ въ пріемѣ въ мастера. За пріемъ въ мастера требуютъ большой денежный выкупъ, устанавливается обычай угощенія старыхъ мастеровъ, который требовалъ отъ подмастерья еще новыхъ, очень крупныхъ расходовъ. Благодаря всему этому, громадное большинство подмастерьевъ такъ и умираетъ подмастерьями, безъ всякой на-

дежды сдѣлаться мастерами. Подмастерья обращаются, такимъ образомъ, въ *особый* соціальный *классъ*, который ведетъ постоянную борьбу съ классомъ мастеровъ; возникаютъ особые союзы или братства подмастерьевъ, обычнымъ дѣломъ становятся ихъ забастовки, — вообще всѣ тѣ же признаки антагонизма рабочаго и предпринимательскаго классовъ, какіе мы наблюдаемъ въ настоящее время. Съ другой стороны, появляется стремленіе къ улучшенію техники, — и это стремленіе встрѣчаетъ себѣ препятствіе въ цеховыхъ регламентахъ, требовавшихъ непремѣнно примѣненія издавна практиковавшихся пріемовъ. Появляется, какъ мы увидимъ въ слѣдующей главѣ, капитализмъ и стремится подчинить себѣ промышленность, организовать ее въ крупныя предпріятія, — и онъ также встрѣчаетъ препятствія со стороны цеховыхъ правилъ, отмѣны которыхъ капиталисты и начинаютъ добиваться. Такимъ образомъ, превосходно приспособленная къ потребностямъ и условіямъ болѣе ранней эпохи средневѣковья цеховая организація въ болѣе позднее время становится во всѣхъ отношеніяхъ неудобной и стѣснительной, что, въ концѣ-концовъ, и приводитъ къ ея уничтоженію.

Такова общая картина хозяйственной и соціальной жизни среднихъ вѣковъ. Въ основѣ ея лежитъ рѣзко выраженный сословный строй, который, по средневѣковымъ понятіямъ, соотвѣтствовалъ и нравственному и божественному закону. Идея, выраженная въ пословицѣ: «знай сверчокъ свой шестокъ», проникала всѣ средневѣковыя отношенія—никто не стремился и не смѣлъ стремиться

выше того положенія, въ какое онъ былъ поставленъ отъ рожденія; каждый старался только о томъ, чтобы имѣть «приличествующее своему званію питаніе», которое было одно для рыцаря, другое—для крѣпостного крестьянина и еще другое—для цехового ремесленника. Въ основѣ средневѣковой общественно - хозяйственной организаціи лежитъ, наконецъ, сознаніе слабости отдѣльнаго человѣка, побуждающее всѣхъ стремиться къ объединенію въ союзы, которые подвергаютъ дѣятельность и вообще всю жизнь каждаго изъ своихъ членовъ строжайшей опекѣ и регламентаціи.

Въ слѣдующей лекціи мы познакомимся съ періодомъ разложенія средневѣковаго общественно-хозяйственнаго строя и съ появленіемъ новой, капиталистической организаціи хозяйства.

ЛЕКЦІЯ ТРЕТЬЯ.

Упадокъ средневѣковаго строя. Эпоха ранняго капитализма.

Мы переходимъ теперь къ ознакомленію съ эпохой ранняго капитализма. Появленіе и ростъ послѣдняго были подготовлены всею совокупностью условій экономической, политической и соціальной жизни поздняго средневѣковья. Но особенно важное значеніе имѣли два событія: крестовые походы и открытія новыхъ, заморскихъ странъ.

Крестовые походы.

Первый толчокъ развитію капитализма дали, какъ мы отчасти видѣли въ предшествовавшей лекціи, крестовые походы, которые отразились на всѣхъ сторонахъ жизни средневѣковаго общества и государства. Въ политическомъ отношеніи крестовые походы выяснили безсиліе феодальнаго строя и такимъ образомъ повели за собою усиленіе власти крупныхъ владѣльцевъ, которые мало-по-малу сдѣлались территоріальными государями; не безъ вліянія остался здѣсь, просто, примѣръ тѣхъ государей-самодержцевъ, съ какими крестоносцамъ пришлось познакомиться и имѣть дѣло на востокѣ. Съ точки зрѣнія умственнаго развитія

Европы громадное значеніе имѣло соприкосновеніе крестоносцевъ съ гораздо болѣе высокою въ то время арабскою культурой, которое дало сильный толчокъ умственному развитію европейскаго общества. Съ точки зрѣнія бытовой и экономической необходимо отмѣтить измѣненіе въ нравахъ и вкусахъ этого общества; привыкшіе къ суровой, почти монашеской простотѣ, крестоносцы познакомились съ утонченною роскошью Византіи и востока, и у нихъ появилось множество неизвѣстныхъ ранѣе потребностей. А это имѣло своимъ непосредственнымъ послѣдствіемъ возникновеніе и развитіе обмѣна съ восточными странами: оттуда начали ввозиться дорогія восточныя ткани, колоніальные товары и т. п., въ обмѣнъ на продукты европейскаго производства. Вмѣстѣ съ тѣмъ крестовые походы повели за собой и оживленіе всякихъ вообще и въ частности торговыхъ сношеній между различными странами и народами тогдашней Европы; подолгу остававшіяся на востокѣ арміи крестоносцевъ собирали вокругъ себя торговцевъ изъ разнообразныхъ странъ, которые и завязывали между собой дѣловыя отношенія... Какъ я упоминалъ въ предыдущей лекціи, усилившіеся торговые обороты сосредоточились первоначально въ рукахъ купечества итальянскихъ городовъ, которые принимали непосредственное участіе въ крестовыхъ походахъ и въ рукахъ которыхъ, главнымъ образомъ, сосредоточивалось снабженіе крестоносныхъ войскъ провіантомъ и другими предметами необходимости; итальянскіе города сдѣлались торговыми посредниками не только между Европою и Азіей, но

вмѣстѣ съ тѣмъ—между сѣверною и южною Европой; венеціанскій флотъ ежегодно совершалъ плаваніе вдоль всего западнаго берега Европы, достигая Голландіи и Англіи. Позже, какъ я тоже уже упоминалъ, торговое преобладаніе постепенно переходитъ къ городамъ Нидерландовъ и Ганзейскаго союза.

Развитіе торговли имѣло своимъ неизбѣжнымъ послѣдствіемъ усиленіе значенія и вліянія городовъ, которые сдѣлались главными союзниками королей въ ихъ борьбѣ противъ феодализма. Въ то время, какъ въ эпоху ранняго средневѣковья единственнымъ источникомъ богатства и соціальнаго значенія была земля, теперь первенствующимъ факторомъ дѣлается движимый капиталъ—деньги. На ряду съ старою земельною аристократіею появляется новая, денежная, какъ ее тогда называли, «шерстяная» знать, которая постепенно подчиняетъ своей власти и землевладѣніе и трудъ: землевладѣніе впадаетъ въ неоплатные долги, благодаря чему землевладѣльцы становятся данниками капиталистовъ, а то и вовсе лишаются земли; представители труда—мелкіе ремесленники и кустари, постепенно подчиняются капиталу и становятся домашними, а затѣмъ и фабричными рабочими.

Открытія новыхъ странъ.

Второе событіе, давшее еще болѣе сильный толчокъ развитію капитализма, — это открытія новыхъ странъ, которыя послѣдовали на рубежѣ между средними вѣками и такъ называемымъ новымъ временемъ: открытіе морского пути въ Индію, около того же времени открытіе Новаго Свѣта, въ связи съ этимъ—колоніальныя завоеванія въ Азіи и Аме-

рикѣ. Жестокая, въ полномъ смыслѣ слова хищническая, эксплуатація колоній была однимъ изъ главныхъ источниковъ того, что Марксъ назвалъ первоначальнымъ накопленіемъ—образованія большихъ денежныхъ богатствъ, которыя затѣмъ уже вкладывались въ торговлю и промышленность. Въ колоніяхъ разоряли людей, разоряли и природу; гдѣ ступала нога завоевателя-европейца, тамъ цвѣтущіе сады обращались въ пустыни, тамъ исчезали съ лица земли деревни и города, тамъ вымирали цѣлыя племена и народы. Торговля въ колоніяхъ—это былъ неприкрытый грабежъ, при чемъ европейцы пользовались дѣтскою наивностью туземцевъ, прибѣгая притомъ ко всѣмъ способамъ спаиванія, насилія и обмана. «Туземцевъ,—говоритъ одинъ историкъ о хозяйничаньѣ испанцевъ въ своихъ колоніяхъ,—заставляли покупать бритвы, когда у нихъ не росла борода, зеркала, для украшенія голыхъ стѣнъ ихъ хижинъ; заставляли одѣваться въ шелкъ и бархатъ, когда у нихъ не было хлѣба; пріобрѣтать табакерки, когда они не умѣли курить; заставляли покупать кружева, ленты, пуговицы, книги. Но особенно настаивали на покупкѣ водки, — и это все по самымъ невѣроятнымъ цѣнамъ. Старые сапоги стоили 300 дукатовъ, испанскій плащъ 1.000 дукатовъ, лошадь 4.000—5.000, кубокъ вина 200 дукатовъ». И отъ такого грабежа, называвшагося торговлей, «купецъ получалъ лишь меньшую часть барыша; наибольшую же часть получали коррегидоры — чиновники, которые должны были служить посредниками между индѣйцами и купцами». Такого рода торговля въ колоніяхъ сосре-

Колоніи.

доточивалась въ рукахъ монопольныхъ компаній, которыя обладали большими политическими и административными правами и широко пользовались ими, чтобы выжимать соки изъ туземцевъ. Наибольшею беззастѣнчивостью по части колоніальныхъ грабежей отличались голландцы, которые уже рѣшительно ничѣмъ не стѣснялись въ своихъ «коммерческихъ» расчетахъ. Нужно было, напримѣръ, подороже продавать корицу, перецъ, мускатный орѣхъ и другія пряности,—и вотъ, зная законы спроса и предложенія, зная, что дороже всего можно продавать товары, составляющіе естественную монополію и имѣющіеся въ недостаточномъ для удовлетворенія всего спроса количествѣ, голландцы вырубали въ своихъ колоніяхъ лѣса, вырубали сады, оставляя лишь такое количество мускатныхъ и т. п. деревьевъ, какое казалось имъ достаточнымъ, чтобы предложеніе пряностей соотвѣтствовало ихъ коммерческимъ расчетамъ. Туземцевъ заставляли работать на завоевателей путемъ косвеннаго или прямого насилія, для чего устанавливались крайне обременительныя натуральныя повинности. А такъ какъ туземцы, въ частности въ американскихъ колоніяхъ, оказались недостаточно выносливыми, то прибѣгли къ ввозу рабовъ—негровъ, которыхъ либо покупали за безцѣнокъ у негритянскихъ князьковъ, либо просто похищали, наживая на торговлѣ неграми до 500—700% барыша.

Приливъ золота и серебра.

Разграбленіе колоній дало Европѣ огромные капиталы. Но еще большее значеніе имѣли, можетъ-быть, сдѣланныя въ колоніяхъ открытія драгоцѣнныхъ

металловъ—золота и серебра. Золото и серебро—это было главное, что тянуло европейцевъ въ колоніи. Способы добыванія драгоцѣнныхъ металловъ были тѣ же, что и вообще способы европейскаго хозяйничанья въ колоніяхъ: европейцы и тутъ дѣйствовали тѣми же путями обмана и грабежа, включительно до разграбленія храмовъ и дворцовъ. Для насъ, въ данномъ случаѣ, важно, однако, то, что колоніи сразу же стали высылать въ Европу неслыханныя ранѣе количества золота и серебра: за время съ 1493 по 1520 годъ Европа получила драгоцѣнныхъ металловъ, примѣрно, на 115 милліоновъ рублей; за 1520—1600 гг.—приблизительно на 2 милліарда. Первоначально золото и серебро притекали, главнымъ образомъ, въ Испанію. Но лѣнивые и непредпріимчивые испанцы не сумѣли обратить этого золота, этихъ д е н е г ъ, въ к а п и т а л ъ, т.-е. вложить ихъ въ развитіе торговли и промышленности. Испанія, поэтому, оказалась только рѣшетомъ, черезъ которое драгоцѣнные металлы уходили въ другія страны Западной Европы. И вотъ, этотъ приливъ драгоцѣнныхъ металловъ имѣлъ громадныя послѣдствія. Нечего уже говорить о томъ, что онъ способствовалъ скопленію крупныхъ капиталовъ. Но что̀ намъ здѣсь надлежитъ особенно отмѣтить,—это такъ называемую «революцію цѣнъ». Драгоцѣнные металлы—такой же товаръ, какъ и всякій другой; разъ предложеніе ихъ растетъ, цѣнность должна падать. Масса золота и серебра въ Европѣ возросла во много разъ,—въ соотвѣтствіи съ этимъ, приблизительно въ 4—5 разъ, упала ихъ цѣнность, а вмѣстѣ съ тѣмъ и цѣнность денегъ. Что̀ зна-

читъ: «упала цѣна товара»?—Это значитъ, что за данное количество—фунтъ или аршинъ—товара можно получить меньше денегъ. Что̀ значитъ: «упала цѣнность денегъ»?—напримѣръ, въ пять разъ упала цѣнность рубля?—Это значитъ, что за рубль можно пріобрѣсти впятеро меньше разныхъ товаровъ; рубль приходится платить за такое количество товара, какое раньше можно было имѣть за двугривенный. Обезцѣненіе денегъ—это значитъ вздорожаніе всѣхъ товаровъ. И въ самомъ дѣлѣ—подъ вліяніемъ небывалаго наплыва золота и серебра вздорожали всѣ рѣшительно товары, вздорожалъ и трудъ, если, пока, имѣть въ виду одну только его денежную оцѣнку. Вздорожаніе было весьма неравномѣрнымъ. Сильнѣе всего вздорожало сырье, въ особенности хлѣбъ; значительно меньше поднялись цѣны обработанныхъ продуктовъ; еще меньше поднялась денежная оплата труда. Цѣны хлѣба разомъ поднялись въ 3, въ 4 и въ 5 разъ; обработанные продукты вздорожали всего въ $1^1/_2$—2 раза, а то и еще меньше, при чемъ, въ видѣ правила, сырье вздорожало въ гораздо большей пропорціи, нежели изготовляемые изъ этого сырья продукты: въ Англіи, напримѣръ, цѣна шерсти поднялась на $^2/_5$, цѣна сукна всего на $6^0/_0$; во Франціи шерсть поднялась въ цѣнѣ почти вдвое, сукно—всего на треть. Между тѣмъ продажная цѣна продукта должна, какъ извѣстно, покрывать издержки производства, включая заработную плату и прибыль предпринимателя. Разъ повышеніе цѣны не покрываетъ вздорожанія матеріала,—значитъ, послѣдній поглощаетъ большую чѣмъ прежде долю цѣны, на долю же прибыли

вмѣстѣ съ заработною платой остается меньше. На кого же ляжетъ проистекающій отсюда ущербъ? на работниковъ или на предпринимателей? Скорѣе всего, конечно, на работниковъ, потому что они являются слабѣйшею стороною въ экономической борьбѣ. И въ самомъ дѣлѣ: денежная заработная плата если и возросла во многихъ мѣстностяхъ, то очень не на много. А такъ какъ цѣны предметовъ потребленія рабочихъ, въ особенности хлѣба, возросли очень значительно, то, значитъ, за мало возросшую или даже оставшуюся безъ измѣненія заработную плату они оказались въ состояніи пріобрѣтать значительно меньшее количество продуктовъ; иначе сказать, *реальная*, дѣйствительная заработная плата значительно упала. Въ Эльзасѣ за время съ 1450 по 1700 годъ паденіе реальной заработной платы выразилось въ такихъ цифрахъ (при вычисленіи ихъ заработная плата 1450 года принята за 100): 100—106—81—55—52—40—45. Паденіе реальной заработной платы въ Англіи за время съ 1500 по 1700 годъ выражается въ цифрахъ: 100—80—70—57—47—40—47. Въ теченіе, приблизительно, столѣтія, послѣдовавшаго за открытіями новыхъ странъ, оплата труда упала болѣе нежели вдвое и затѣмъ продолжала держаться на такомъ же низкомъ уровнѣ. Въ Англіи въ концѣ XVII вѣка годовая заработная плата ремесленника достигала, на наши деньги, приблизительно 150 рублей, земледѣльческаго рабочаго — 110 рублей, между тѣмъ какъ одинъ только запасъ пищевыхъ продуктовъ на семью средняго размѣра стоилъ приблизительно 160 рублей; ремесленникъ еле-еле могъ, а земледѣльческій рабочій и вовсе не могъ

выработать необходимыя средства существованія. Позднѣе стало еще хуже: въ серединѣ XVIII вѣка годовой заработокъ ремесленника выражался въ цифрѣ 155 р., заработокъ земледѣльческаго рабочаго колебался между 130 и 150 рублями; между тѣмъ стоимость годового запаса пищевыхъ продуктовъ къ этому времени поднялась до 160 рублей, такъ что и ремесленникъ оказался уже не въ состояніи выработать себѣ и своей семьѣ необходимыхъ средствъ существованія. По другимъ вычисленіямъ, англійскій ремесленникъ около 1495 года могъ выработать свое годовое пропитаніе 10 недѣлями труда (земледѣльческій рабочій—15 недѣлями); въ 1533 году для этого требовалось 20, въ 1610 году—43, въ 1684 году—48 недѣль труда, а въ 1725 году, и по этимъ вычисленіямъ, уже всей вообще годовой работы не хватало, чтобы выработать необходимыя рабочему и его семьѣ средства существованія.

Обезземеленье крестьянъ.

Но «революція цѣнъ» имѣла и другое, еще болѣе важное послѣдствіе—обезземеленье крестьянъ. Чтобы понять, какимъ образомъ это произошло, намъ надо вернуться нѣсколько назадъ. Какъ было отмѣчено въ предшествовавшей лекціи, главная масса земледѣльцевъ въ средніе вѣка были крѣпостными, державшими землю отъ крупнаго владѣльца и за то обязанными отбывать на него извѣстныя повинности, изъ которыхъ главною была барщина. Первоначально крѣпостные отбывали барщину по усмотрѣнію помѣщика, т.-е. въ мѣру надобности для помѣщичьей запашки. Позднѣе повинности стали отбываться въ точно опре-

дѣленномъ размѣрѣ—столько-то дней въ недѣлю или въ годъ, при чемъ крѣпостныя общины получали отъ владѣльцевъ документы съ точнымъ обозначеніемъ размѣра повинностей: въ то же время многіе владѣльцы начали перелагать повинность на деньги—замѣнять барщину оброкомъ, при чемъ и на опредѣленіе постояннаго размѣра повинностей и на замѣну ихъ деньгами владѣльцы шли, въ значительной степени, изъ собственнаго интереса—чтобы положить предѣлъ произволу и злоупотребленіямъ управляющихъ. Мало-по-малу у крѣпостныхъ, которые раньше не имѣли права сами являться въ судъ, появляется самостоятельное право иска,—сначала только противъ постороннихъ лицъ, позднѣе—и противъ своихъ владѣльцевъ Такимъ образомъ, медленно и постепенно, крѣпостные становились лично свободными; въ Англіи они достигли полной личной свободы уже въ XV вѣкѣ, въ Германіи и Франціи, вообще на материкѣ Европы, значительно позже—въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣка. Къ началу новаго времени, когда произошла описанная выше «революція цѣнъ», крѣпостные или (въ Англіи) бывшіе крѣпостные состояли частью на постоянной барщинѣ, частью на неизмѣнномъ денежномъ оброкѣ. И вотъ, «революція цѣнъ» измѣнила всѣ расчеты владѣльцевъ. Хлѣбъ и другіе сельскохозяйственные продукты вздорожали въ нѣсколько разъ, тогда какъ заработная плата возросла лишь незначительно или осталась безъ перемѣнъ. При такихъ условіяхъ владѣльцамъ стало выгодно вести хозяйство, основанное на свободномъ наемномъ трудѣ; сельское хозяйство, при высокой

цѣнѣ продукта и низкой заработной платѣ, стало и вообще выгоднымъ предпріятіемъ; оно начало привлекать капиталистовъ, которые охотно платили владѣльцамъ хорошую аренду. Для владѣльцевъ стало одинаково невыгодно и обрабатывать господскую запашку барщиннымъ трудомъ,—за этотъ трудъ вѣдь приходилось оставлять въ пользованіи крестьянъ дорогую землю, тогда какъ свободныхъ рабочихъ можно было нанять за дешевую плату; и оставлять землю въ пользованіи наслѣдственныхъ держателей изъ бывшихъ крѣпостныхъ, — эти послѣдніе платили за землю давнымъ-давно установленный, сравнительно невысокій оброкъ, тогда какъ сторонніе арендаторы предлагали гораздо болѣе высокую арендную плату. И вотъ, у владѣльцевъ является расчетъ сгонять своихъ держателей и либо заводить собственное хозяйство, либо сдавать землю въ аренду капиталистамъ.

Описанныя только что условія наблюдались во всей Европѣ, и вездѣ они вызвали обезземеленье крѣпостныхъ и бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ. Въ Англіи, однако, это обезземеленье началось еще раньше, благодаря нѣкоторымъ особымъ, чисто англійскимъ условіямъ. Дѣло въ томъ, что въ концѣ среднихъ вѣковъ начало развиваться суконное производство. Отсюда—повышеніе цѣнъ на шерсть, значительно поднявшее доходность овцеводства. Въ то же время земледѣліе въ Англіи, временно, стало менѣе выгоднымъ, главнымъ образомъ благодаря тому, временному же, подъему заработной платы, который былъ вызванъ знаменитою моровою язвой 1350 года и обусловленнымъ

ею обезлюдѣніемъ страны. Поэтому у англійскихъ землевладѣльцевъ въ то время явился расчетъ сгонять своихъ держателей - земледѣльцевъ съ земли, запустошать послѣднюю и обращать ее въ пастбища для овецъ. Англійскіе писатели того времени говорятъ, что овцы превратились въ хищныхъ волковъ, опустошающихъ села и деревни...

Я выяснилъ тѣ разнообразныя обстоятельства, въ силу которыхъ у землевладѣльцевъ появился расчетъ сгонять съ земли своихъ держателей. Казалось бы, сдѣлать это было не такъ легко, потому что этому препятствовали права крѣпостныхъ и бывшихъ крѣпостныхъ держателей. Однако, обойти это препятствіе оказалось не труднымъ. Вѣдь права держателей опирались не на какіе-либо писаные законы, а исключительно на обычай. Этотъ обычай и соблюдался, пока соблюденіе его было выгодно для о б ѣ и х ъ сторонъ, и въ особенности для сильнѣйшей стороны — землевладѣльцевъ. Разъ соблюденіе обычая стало невыгоднымъ для послѣднихъ, обычай, просто, перестали соблюдать; держателей сгоняли, не считаясь съ ихъ основанными на обычаѣ правами. Большую помощь при этомъ оказало землевладѣльцамъ римское право, которое какъ разъ около того времени начало оказывать сильное вліяніе на законодательство и судебную практику: съ точки зрѣнія римскаго права землевладѣлецъ былъ *собственникъ* земли, который могъ распоряжаться ею по своему усмотрѣнію, а держатели были простые арендаторы, которыхъ собственникъ во всякое время могъ лишить

аренды. И вотъ, крѣпостныхъ и бывшихъ крѣпостныхъ либо просто подвергали насильственному удаленію съ насиженныхъ участковъ, либо по смерти держателя отказывали его сыну въ продолженіи аренды. Большое значеніе при этомъ имѣло такъ называемое о г о р а ж и в а н і е, о которомъ мы теперь и должны сказать нѣсколько подробнѣе.

При существованіи крѣпостническихъ отношеній крестьяне пользовались правомъ выпаса скота и рубки лѣса на владѣльческихъ земляхъ; такими же правами пользовались, въ силу обычая, и свободные крестьяне, жившіе по сосѣдству съ владѣльческимъ имѣніемъ. Эти права имѣли для крестьянъ громадное значеніе, потому что на своихъ участкахъ они по большей части не имѣли топлива, и участки эти были слишкомъ малы, чтобы на нихъ можно было выпасать скотъ. Съ сельско-хозяйственной точки зрѣнія, однако, эти права, и въ особенности право общаго выпаса, имѣли вредное вліяніе, потому что общій выпасъ заставлялъ и крестьянъ и владѣльца сохранять установленный трехпольный сѣвооборотъ и, слѣдовательно, являлся тормозомъ для улучшенія земледѣльческаго хозяйства. И вотъ, землевладѣльцы проводятъ особые законы объ «огораживаніи», которые даютъ каждому владѣльцу право огородить свою землю и этимъ самымъ уничтожить общій выпасъ. Законы, правда, оговаривали, что огораживаніе должно происходить безъ ущерба для крестьянъ; но эти оговорки оставались на бумагѣ, потому что въ судахъ сидѣли представители землевладѣльческаго класса; огораживаніе до послѣд-

ней степени стѣсняло крестьянъ, лишая ихъ возможности держать скотъ на своихъ участкахъ. А не имѣя возможности держать скота, крестьяне, естественно, должны были забрасывать хозяйство и продавать землю. Этотъ процессъ огораживанія имѣлъ особенное значеніе въ Англіи, и притомъ уже въ болѣе позднюю эпоху, главнымъ образомъ въ XVIII и даже въ началѣ XIX вѣка: за полстолѣтія 1710—1760 гг. огораживанію было подвергнуто до 335 тыс. акровъ или около 125 тыс. десятинъ, за время съ 1760 по 1843 г.—до семи милліоновъ акровъ или около 2.400.000 десятинъ.

Всякое огораживаніе, какъ упомянуто, ставило крестьянъ въ крайне затруднительное положеніе, заставляя ихъ забрасывать хозяйство и продавать землю. А землевладѣльцы охотно шли навстрѣчу этой нуждѣ крестьянъ и прикупали смежные съ ихъ имѣніями крестьянскіе участки; какъ мы увидимъ ниже, они вели значительно болѣе интенсивное, а вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе доходное хозяйство, чѣмъ крестьяне, или же сдавали земли, по хорошей цѣнѣ, арендаторамъ - капиталистамъ; земля, значитъ, давала имъ значительно больше, чѣмъ съ нея получали крестьяне, а потому они могли покупать землю по такимъ цѣнамъ, которыя далеко превышали получавшійся самими крестьянами доходъ. Съ другой стороны, послѣ англійской революціи 1688 года возникъ большой спросъ на землю со стороны взявшей засиліе городской буржуазіи, которая, покупая землю, стремилась пріобрѣсти новый источникъ политической власти и вліянія; представители крупной городской буржуазіи охотно покупали всякую землю, какая

только предлагалась на продажу; мало того—они намѣренно опутывали крестьянъ долгами, донимали ихъ граничными и всякими другими процессами, чтобы заставить крестьянина продать свою землю.

Въ концѣ-концовъ въ Англіи наступило полное обезземеленье крестьянства. Еще въ концѣ XVII вѣка въ Англіи насчитывалось отъ 160 до 180 тысячъ (а съ семьями—до милліона) мелкихъ собственниковъ, которые составляли шестую или седьмую часть населенія страны; кромѣ того, насчитывалось около 120 — 130 тыс. мелкихъ съемщиковъ-крестьянъ, и такимъ образомъ мелкіе землевладѣльцы и держатели представляли собой значительное большинство земледѣльческаго класса; благосостояніе ихъ было предметомъ восторга тогдашнихъ бытописателей. Въ теченіе XVIII и начала XIX вѣка эти мелкіе хозяева исчезли окончательно, ихъ земли цѣликомъ перешли въ руки крупныхъ землевладѣльцевъ и поступили подъ капиталистическую эксплуатацію, черезъ посредство особаго класса арендаторовъ-капиталистовъ, такъ называемыхъ «фермеровъ» англійскаго типа.

Въ прежнее время въ роли сельско-хозяйственнаго предпринимателя выступалъ либо крестьянинъ, либо мелкій держатель-арендаторъ; первый обрабатывалъ собственную землю при помощи собственнаго капитала,—значитъ, онъ получалъ, безраздѣльно, и заработную плату, и прибыль на капиталъ, и земельную ренту; второй отдавалъ ренту землевладѣльцу и затѣмъ обрабатывалъ снятую землю собственнымъ инвентаремъ,—значитъ, его доходъ слагался изъ заработной платы

и прибыли на капиталъ При новой организаціи хозяйства каждый изъ трехъ видовъ дохода рѣзко отдѣлился отъ другихъ: землевладѣлецъ ограничивается полученіемъ ренты; фермеръ обрабатываетъ землю собственнымъ (нерѣдко и занятымъ) капиталомъ и наемными рабочими,—изъ продукта хозяйства онъ отдаетъ заработную плату рабочимъ и ренту земледѣльцу, остальное же составляетъ его прибыль. Каждая изъ трехъ отраслей дохода сосредоточилась такимъ образомъ въ рукахъ особаго общественнаго класса: рента — землевладѣльцевъ, прибыль—фермеровъ, заработная плата—наемныхъ рабочихъ. Это—именно та организація производства и распредѣленія, которую имѣли въ виду ученые экономисты конца XVIII и начала XIX вѣка; ихъ теорія была не что иное, какъ анализъ складывавшихся при описанной организаціи отношеній.

Процессъ обезземеленья крестьянъ и мелкихъ держателей и капитализаціи сельскаго хозяйства ранѣе всего обнаружился и рѣзче всего выразился въ Англіи. Изъ остальныхъ странъ ближе всего къ англійскому былъ ходъ аграрной эволюціи въ восточной Германіи: самостоятельное крестьянство было уничтожено и здѣсь, и преобладающимъ сдѣлалось крупное владѣльческое хозяйство, съ тѣмъ, однако, отличіемъ отъ Англіи, что это хозяйство велось, главнымъ образомъ, закрѣпощенными рабочими, въ пользованіе которыхъ владѣльцы предоставляли мелкіе (усадебные и огородные) земельные участки. Въ западной и югозападной Германіи преобладаніе осталось за свободнымъ крестьянствомъ, крупное же землевла-

дѣніе не достигло существеннаго значенія. Страною по преимуществу мелкаго крестьянскаго хозяйства и землевладѣнія осталась и Франція, но рядомъ съ нимъ немалое значеніе пріобрѣло и крупное капиталистическое землевладѣніе. Въ сѣверной Италіи преобладаетъ мелкое крестьянское и арендаторское хозяйство, въ Римской области и въ южной Италіи, напротивъ,—крупныя владѣнія, либо съ арендаторскимъ хозяйствомъ, либо съ преобладаніемъ экстенсивнаго скотоводства.

Улучшеніе сельскаго хозяйства.

Таковы были соціальныя послѣдствія совершившагося въ аграрной области переворота. Собственно, съ производственной точки зрѣнія вліяніе его было благопріятнымъ: земледѣліе, въ самомъ дѣлѣ, значительно улучшилось, и производительность земли повысилась. Въ средніе вѣка крестьянскія земли въ Англіи давали 4, 6 рѣдко 8 бушелей съ акра—15—30 мѣръ съ нашей десятины. Уже въ концѣ XV и въ началѣ XVI вѣка «одинъ акръ земли приносилъ столько, сколько два акра при старой системѣ». Въ послѣдующіе вѣка сельское хозяйство, въ частности въ Англіи, сдѣлало еще гораздо большіе успѣхи. Въ началѣ XVII столѣтія входитъ въ употребленіе культура корнеплодовъ, въ XVIII вѣкѣ—искусственныя удобренія и полевое травосѣяніе; появляется богатая агрономическая литература; самое занятіе сельскимъ хозяйствомъ становится предметомъ увлеченія высшаго общества и буржуазіи. Въ результатѣ XVIII вѣкъ даетъ, по сравненію съ XIII, вчетверо большій урожай хлѣбовъ, втрое большій средній живой вѣсъ скота, вчетверо большій средній вѣсъ руна овцы;

распашки въ Англіи, въ XVII вѣкѣ не превышавшія 22 милліоновъ, въ XVIII вѣкѣ увеличиваются до 32 милліоновъ акровъ.

Спеціализація ремесла.

Теперь мы должны перейти къ разсмотрѣнію измѣненій, наступившихъ въ организаціи обрабатывающей промышленности. И въ этомъ случаѣ мы должны вернуться нѣсколько назадъ, ко временамъ поздняго средневѣковья. Мы упоминали въ концѣ прошлой лекціи объ упадкѣ цехового ремесла. Упадокъ этотъ, оставляя въ сторонѣ прочія причины, былъ неизбѣженъ уже въ виду той крайней спеціализаціи, которой подверглось цеховое ремесло. Въ эпоху ранняго средневѣковья сапожникъ самъ изготовлялъ для себя кожи, ткачъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ валяльщикомъ и красильщикомъ. Позднѣе каждое ремесло раздробилось на множество спеціальностей, какъ по ступенямъ, такъ и по родамъ продуктовъ. Самостоятельными ремесленниками стали, напр., въ суконномъ производствѣ: чесальщикъ, прядильщикъ, ткачъ, валяльщикъ, сукнострига, красильщикъ; это—примѣръ спеціализаціи *по ступенямъ* производства. Въ видѣ примѣра спеціализаціи *по родамъ* издѣлій можно привести хотя бы металлическія производства: въ XVI вѣкѣ въ Нюренбергѣ насчитывалось не менѣе 20 цеховъ металлическихъ издѣлій,—отдѣльные цехи изготовляли наперстки, колокольчики, очки, компасы и т. п. Очевидно, что при такой спеціализаціи ремесло не могло довольствоваться мѣстнымъ сбытомъ,—въ Нюренбергѣ цѣлый цехъ вѣдь занимался производствомъ компасовъ, а между тѣмъ въ виду удаленности этого города отъ

моря на мѣстѣ нельзя было сбыть ни одного компаса. И вотъ, вмѣстѣ съ спеціализаціею появляется географическая концентрація отдѣльныхъ видовъ ремесла. Въ Англіи уже въ концѣ XIII вѣка извѣстные города сосредоточиваются на изготовленіи сукна того или другого цвѣта, байки, полотна, канатовъ и веревокъ, ножей, иголокъ, бритвъ, сѣделъ и т. п. Въ Парижъ въ концѣ XV вѣка привозятся гребни изъ Лиможа, желѣзныя издѣлія изъ Тулона, сукно изъ Шампани и т. п.

Скупщики.

Географическая спеціализація—это, значитъ, работа уже не на мѣстный, а на отдаленный рынокъ. Но отсюда съ необходимостью вытекаетъ появленіе *скупщика*, какъ посредника между производителемъ и потребителемъ. Ремесленникъ не поѣдетъ за тридевять земель продавать дюжину ножей или пару кусковъ сукна. Онъ долженъ продать издѣліе на мѣстѣ; но на мѣстѣ онъ можетъ продать его только торговому посреднику—скупщику, который, уже съ большою партіею скупленнаго товара, будетъ разыскивать, можетъ-быть, очень отдаленные рынки. Классъ скупщиковъ имѣетъ двоякое происхожденіе: съ одной стороны—это болѣе состоятельные изъ мастеровъ, которые съ собственнымъ издѣліемъ берутъ на продажу и издѣлія своихъ товарищей по цеху; сначала они берутся за такого рода торговыя операціи болѣе или менѣе случайно, можетъ-быть, въ самомъ дѣлѣ, чтобы оказать одолженіе болѣе бѣдному товарищу; затѣмъ уже, постепенно, они начинаютъ заниматься скупкою въ видѣ профессіи, при чемъ многіе сами перестаютъ заниматься ремесломъ и изъ реме-

сленниковъ дѣлаются чистыми торговцами. Съ другой стороны, это лица совершенно посторонния ремеслу — болѣе или менѣе крупные капиталисты, которые находятъ для себя выгоднымъ такой способъ помѣщенія капитала. Повидимому, болѣе обычнымъ было возникновеніе скупщиковъ изъ занявшихся скупкою цеховыхъ мастеровъ; изъ сохранившихся во многихъ нѣмецкихъ городахъ документовъ видно, что изъ среды цеховыхъ ремесленниковъ вышли многія изъ богатыхъ купеческихъ фамилій. Чаще всего цеховые мастера становились скупщиками при специализаціи производства по ступенямъ, что и естественно, потому что ремесленники, работающіе на промежуточныхъ ступеняхъ производства, значитъ, выпускающіе продуктъ изъ рукъ въ неготовомъ видѣ, вовсе и не могутъ имѣть дѣла съ потребителемъ. При этомъ за скупку иногда берутся тѣ изъ мастеровъ, которые доводятъ продуктъ до окончательной готовности, иногда—представители тѣхъ изъ промежуточныхъ ступеней производства, которыя требуютъ дорого стоящихъ приспособленій или сооруженій; такъ, большинство скупщиковъ сукна въ Англіи вышло либо изъ среды ткачей, либо изъ числа сукноваловъ.

Вначалѣ цехи пытались бороться со скупкою цеховыхъ издѣлій; вскорѣ, однако, они убѣждаются въ невозможности и безцѣльности подобной борьбы и начинаютъ заботиться лишь объ устраненіи отъ скупки постороннихъ цеху лицъ, — другими словами, о монополизаціи въ рукахъ наиболѣе зажиточныхъ изъ цеховыхъ мастеровъ тѣхъ выгодъ, которыя доставляла скупка. Сначала скупщикъ по-

является какъ простой, случайный покупатель, который покупаетъ ремесленныя издѣлія такъ же, какъ ихъ покупаетъ всякій другой покупатель; который можетъ сегодня явиться, а завтра и не явиться; который готовъ купить, но не мѣшаетъ мастеру искать и другихъ покупателей. Позднѣе скупка монополизируется: особые регламенты стѣсняютъ операціи иногородныхъ скупщиковъ, запрещаютъ переходъ ремесленника отъ одного скупщика къ другому, — подвергается штрафу скупщикъ, который покупалъ издѣлія у «чужого» мастера, не потребовавъ у него свидѣтельства о томъ, что «его» прежній скупщикъ былъ «доволенъ имъ»; по другимъ регламентамъ, ремесленникъ обязанъ прежде всего предложить свое издѣліе компаніи скупщиковъ, и только въ случаѣ отказа послѣднихъ отъ покупки онъ можетъ продать издѣліе, непосредственно, потребителю. Постепенно измѣняется и самая роль скупщика по отношенію къ ремесленнику: сначала—это просто покупатель, по вольной цѣнѣ; мало-по-малу онъ становится кредиторомъ ремесленника, которому ссужаетъ, главнымъ образомъ, матеріалъ для переработки; отсюда и появляется та зависимость ремесленника отъ скупщика, отсюда и возникаетъ тотъ обязательный сбытъ издѣлій не иначе, какъ скупщику, который, въ концѣ-концовъ, какъ бы узаконяется ремесленными регламентами и уставами товариществъ скупщиковъ. Такимъ образомъ посредникъ-скупщикъ постепенно обращается фактически въ предпринимателя: *ему* въ дѣйствительности принадлежитъ матеріалъ, подлежащій переработкѣ; въ *его* распоряженіе поступаетъ и готовое издѣліе,

нерѣдко по заранѣе назначенной цѣнѣ, а ремесленникъ фактически сводится на положеніе работника, получающаго за свой трудъ заранѣе условленную плату, но зато свободнаго отъ риска предпріятія. Эти фактическія отношенія легко обращаются и въ правовыя, и ремесленники теряютъ, такъ сказать, и самый видъ самостоятельности: скупщикъ просто даетъ ремесленнику матеріалъ для переработки въ издѣлія и получаетъ отъ него готовое издѣліе; такимъ образомъ, уже и съ точки зрѣнія правовой, матеріалъ становится матеріаломъ скупщика, его же собственностью становится и готовое издѣліе; ремесленникъ получаетъ вознагражденіе за свой трудъ въ формѣ заранѣе условленной или, точнѣе, установленной скупщикомъ задѣльной платы. А это равносильно окончательному превращенію самостоятельнаго ремесла въ такъ называемую *домашнюю форму крупной промышленности:* издѣліе попрежнему изготовляется мелкими мастерами, ремесленниками или кустарями, въ ихъ помѣщеніяхъ (на дому) и ихъ орудіями; но эти мастера уже не закупаютъ матеріала и не продаютъ продукта, какъ самостоятельные ремесленники; они имѣютъ дѣло не съ рынкомъ, а съ «хозяиномъ-скупщикомъ», отъ котораго получаютъ за свой трудъ заранѣе условленную задѣльную плату.

Домашняя форма крупной промышленности.

Это — одинъ путь или способъ возникновенія крупной промышленности въ ея домашней формѣ. Послѣдняя возникала, однако, еще и другимъ путемъ — капиталисты подчиняли себѣ сельскую кустарную промышленность. Эта послѣд-

няя въ однихъ случаяхъ развилась сама собой, путемъ перемѣщенія въ деревню тѣхъ или другихъ отраслей мелкой промышленности. Вотъ какъ описываетъ, напр., Дюфо, извѣстный авторъ «Робинзона-Крузо», кустарную промышленность въ одной изъ мѣстностей Англіи: «Земля,—говоритъ онъ,— была раздѣлена на небольшіе участки отъ 2 до 6 акровъ, рѣдко больше, на каждые два-три участка былъ домъ. Всѣ эти дома стояли близко другъ отъ друга, и почти въ каждомъ изъ нихъ мы видѣли ткацкій станъ съ натянутою на немъ основою какой-нибудь матеріи. Въ домахъ побольше помѣщались мастерскія. Каждый суконщикъ имѣлъ, по крайней мѣрѣ, одну лошадь, чтобы отвозить свои издѣлія на рынокъ, и почти всѣ жители держали 1—2 коровы для своего семейства. Такимъ образомъ всѣ маленькіе участки около домовъ были заняты, и на нихъ сѣялось незначительное количество зерна, едва достаточное для прокормленія своеи птицы. Дома были наполнены здоровыми парнями, изъ которыхъ одни были заняты у ткацкаго стана, другіе у красильнаго чана или на валяльномъ станкѣ; женщины и дѣти пряли и чесали шерсть; всѣ были заняты — отъ мала до велика».

Такъ вотъ, такого рода кустари такъ же точно и тѣмъ же путемъ попадали въ зависимость отъ капиталистовъ, какъ и городскіе ремесленники. Но капиталисты ради развитія своихъ операцій нерѣдко создавали кустарную промышленность и тамъ, гдѣ она раньше не существовала, — къ этому ихъ побуждали, между прочимъ, и тѣ стѣсненія, которыя имъ, какъ-никакъ, приходи-

лось испытывать со стороны цеховыхъ регламентовъ и которыхъ не было при скупкѣ издѣлій въ деревнѣ, гдѣ цеховыя правила никогда не дѣйствовали; капиталисты ссужали крестьянамъ средства на оборудованіе мастерскихъ, давали имъ, конечно, матеріалъ для переработки, хотя бы въ первое время съ рискомъ порчи его неумѣлыми руками, иногда посылали подростковъ и даже взрослыхъ работниковъ учиться въ мѣстности процвѣтанія даннаго производства. Въ этого рода случаяхъ возникала *сразу* кустарная промышленность въ зависимой формѣ—зарождалась *непосредственно* та самая домашняя форма крупной промышленности, которая въ другихъ случаяхъ выросла какъ продуктъ видоизмѣненія самостоятельнаго ремесла и кустарничества. Цеховые ремесленники, конечно, старались бороться и съ этимъ способомъ подчиненія промышленности капиталу; имъ нерѣдко удавалось исхлопатывать запрещенія устраивать ремесленныя мастерскія за городскою чертою и т. п. ограничительныя мѣры, — но, въ концѣ-концовъ, никакими ходатайствами и запрещеніями нельзя было остановить того, что вытекало изъ потребностей жизни и соотвѣтствовало тенденціи экономическаго развитія.

Такимъ образомъ и въ городѣ и въ деревнѣ постепенно расцвѣла и разрослась домашняя форма крупной промышленности. Но это — фактъ огромнаго значенія. «Появленіе домашней промышленности,—говоритъ А. И. Чупровъ,—уже есть признакъ возникновенія крупнаго капитала. На этой ступени крупный капиталъ, т.-е. группа богатыхъ торговцевъ, отдѣляется отъ технической работы и вы-

ступаетъ въ промышленной жизни, какъ самостоятельная господствующая сила. Это усиленіе крупнаго капитала,—продолжаетъ проф. Чупровъ,—въ формѣ домашней системы производства, является важнѣйшимъ моментомъ для возникновенія современной организаціи промышленности, вопреки прежнему мнѣнію, что современная форма производства явилась лишь съ изобрѣтеніемъ машинъ; изобрѣтеніе машинъ было, въ сущности, лишь второстепеннымъ актомъ, а первымъ было появленіе крупнаго торговаго капитала».

Машины, значитъ, — это лишь одна сторона и одно условіе развитія капитализма, но не главное и не наиболѣе характерное: не машина создала капитализмъ, а капитализмъ, завладѣвшій старымъ ремесленнымъ и кустарнымъ производствомъ, создалъ машину.

Облекшійся въ домашнюю форму крупной промышленности ранній капитализмъ, собственно по отношенію къ рабочимъ, проявилъ однѣ только отрицательныя стороны: превратившись въ хозяевъ - предпринимателей и достигнувъ полнаго подчиненія бывшихъ самостоятельныхъ ремесленниковъ-кустарей, представители капитала, конечно, пользовались своимъ положеніемъ, чтобы понижать заработную плату; дѣйствительное вознагражденіе домашнихъ рабочихъ еще сокращалось благодаря тому, что сношенія ихъ съ предпринимателями велись черезъ посредниковъ — факторовъ или приказчиковъ, которые всячески урѣзывали ихъ заработную плату, чтобы выкроить изъ нея барыши не только для хозяина, но и для себя; безъ взятки такому фактору нельзя было,

вообще, получить работы, безъ взятки нельзя было надѣяться на снисходительную пріемку издѣлій. Широкаго развитія въ эпоху господства домашней формы крупной промышленности достигала и такъ называемая trucksystem—выдача заработной платы продуктами, какъ извѣстно, одна изъ самыхъ непривлекательныхъ формъ эксплуатаціи рабочихъ. Въ очень широкихъ размѣрахъ домашняя форма крупной промышленности познакомила рабочихъ и съ такими печальными спутниками капиталистическои организаціи хозяйства, какъ безработица и кризисы (о послѣднихъ см. въ слѣдующей лекціи). Въ Англіи въ XVI вѣкѣ безработица была обычнымъ явленіемъ — домашніе рабочіе работали обыкновенно 6, рѣдко 9 мѣсяцевъ въ году; въ Ліонѣ, центрѣ французской шелковой промышленности, въ теченіе XVIII вѣка было 18 кризисовъ, во время которыхъ безъ работы оставалось отъ одной пятой до одной третьей части всѣхъ ліонскихъ ткацкихъ станковъ.

Напротивъ, для капиталистовъ домашняя система крупной промышленности представляла большія выгоды. Она доставляла имъ, прежде всего, всѣ преимущества, присущія крупнымъ предпріятіямъ въ области пріобрѣтенія матеріаловъ и сбыта продуктовъ. Она обезпечивала имъ возможность держать задѣльную плату домашнихъ рабочихъ на самомъ низкомъ уровнѣ, отчасти потому, что трудъ домашнихъ рабочихъ обыкновенно носилъ подспорный характеръ, что̀ и давало имъ возможность довольствоваться болѣе низкою оплатой труда, главнымъ же образомъ потому, что разбросанные по своимъ мастерскимъ рабочіе

не имѣли возможности организоваться для защиты своихъ интересовъ. Домашняя организація промышленности, далѣе, снимала съ предпринимателя расходы на помѣщеніе, на освѣщеніе его, отопленіе и т. п., потому что вѣдь работа производилась въ помѣщеніи рабочаго. Она давала возможность до безконечности растягивать рабочее время, что позволяло еще сильнѣе понижать задѣльную плату: чрезвычайно продолжительный трудъ и при очень низкой платѣ позволялъ рабочимъ кое-какъ вырабатывать необходимыя средства существованія. Домашняя организація производства дѣлала возможною самую безпощадную эксплуатацію труда женщинъ и дѣтей, потому что такая эксплуатація вполнѣ соотвѣтствовала интересамъ отцовъ семейства, опиравшихся на свою родительскую и супружескую власть и потому имѣвшихъ возможность вымучивать изъ своихъ домашнихъ неимовѣрныя количества труда. Наконецъ еще одна, съ точки зрѣнія предпринимателей чрезвычайно важная, выгода домашней организаціи—почти полное отсутствіе риска на случай затрудненій въ сбытѣ продукта—рискъ этотъ цѣликомъ переносился на домашняго рабочаго. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь предприниматель при такой организаціи работалъ почти безъ основного капитала; въ случаѣ прекращенія спроса на продуктъ онъ просто прекращалъ или сокращалъ заказы своимъ домашнимъ рабочимъ; послѣдніе, конечно, терпѣли всѣ ужасы безработицы, предприниматель же только сокращалъ свои барыши, но не терпѣлъ прямыхъ убытковъ.

Были, однако, у домашней организаціи производства и свои невыгоды, даже съ точки зрѣнія

предпринимателей. Это именно, прежде всего, неизбѣжность сохраненія старой, мелкоремесленной техники и невозможность перехода къ болѣе совершеннымъ техническимъ пріемамъ. Мало того, даже и въ предѣлахъ старой техники домашніе рабочіе работали хуже, чѣмъ прежде работали ремесленники и кустари; это потому, что задѣльная плата вынуждала ихъ гоняться за возможно большимъ количествомъ продукта, въ ущербъ его качеству, а между тѣмъ предприниматель при домашней организаціи былъ лишенъ возможности наблюдать за ходомъ самаго производительнаго процесса — онъ вліялъ на послѣдній лишь косвенно, путемъ браковки принимаемаго отъ мастеровъ издѣлія. Далѣе: грабительство факторовъ и вообще посредниковъ, ложась, главнымъ образомъ, на рабочихъ, невыгоднымъ образомъ отражалось, однако, и на интересахъ предпринимателей; въ видѣ взятокъ и всякаго рода другихъ хищеній факторы взимали очень высокую плату за свои услуги, которая повышала издержки производства и неблагопріятно отражалась на прибыляхъ капиталистовъ. Наконецъ, едва ли не главнымъ зломъ домашней формы, съ точки зрѣнія интересовъ предпринимателей, была утайка матеріала домашними рабочими, противъ которой предприниматели не находили способовъ бороться,—утайка въ формѣ простого похищенія или въ видѣ подмѣна дорогого матеріала болѣе дешевымъ.

Мануфактуры.

Эти-то обстоятельства объясняютъ, почему предприниматели начинаютъ стремиться къ сосредоточенію всего производительнаго процесса въ принадлежащихъ

имъ, предпринимателямъ, помѣщеніяхъ, и къ преобразованію, такимъ образомъ, промышленности въ *мануфактурную* форму. Это преобразованіе начинается въ Англіи въ XVI вѣкѣ, во Франціи нѣсколько позднѣе — въ XVII и XVIII вѣкахъ. По опредѣленію экономической теоріи, мануфактурная организація производства — такая, при которой работа ведется въ помѣщеніи и орудіями предпринимателя, подъ постояннымъ надзоромъ его и его служащихъ, но въ отличіе отъ позднѣйшей, фабричной организаціи — при помощи простыхъ ручныхъ орудій и, обыкновенно, несложными техническими пріемами. Какъ, можетъ-быть, извѣстно читателю, Марксъ различаетъ два главныхъ типа мануфактуръ: однѣ — это такія, гдѣ объединяются различные ремесленники, участвующіе въ изготовленіи даннаго сложнаго продукта; въ экипажную мануфактуру входятъ, напримѣръ, колесники, кузнецы, слесаря, столяры, лакировщики, обойщики, стекольщики и т. п., при чемъ каждый изъ нихъ спеціализируется на изготовленіи экипажныхъ частей или на выполненіи тѣхъ или другихъ операцій по постройкѣ экипажей. Другія—это соединенія однородныхъ ремесленниковъ, изготовляющихъ, напримѣръ, бумагу, обувь или одежду, типографскій шрифтъ, булавки и т. п., при чемъ первоначально каждый мастеръ работаетъ самостоятельно, за своимъ станкомъ и со своимъ подмастерьемъ, и изготовляетъ издѣлие сначала до конца; мало-по-малу производство въ такого рода мануфактурахъ организуется на началахъ техническаго раздѣленія труда, такъ что каждый рабочій выполняетъ только одну или немного изъ

тѣхъ операцій, которыя требуются для исполненія даннаго продукта; къ этому типу относится та булавочная мануфактура, которая со времени Адама Смита приводится какъ примѣръ техническаго или мануфактурнаго раздѣленія труда. Къ этимъ двумъ типамъ мануфактурной организаціи можно прибавить еще третій, примѣромъ котораго можетъ послужить прядильная или ткацкая мануфактура; и въ этомъ случаѣ въ помѣщеніи предпринимателя объединяются однородные ремесленники — прядильщики или ткачи; но, въ отличіе отъ предыдущаго, они такъ и продолжаютъ работать независимо другъ отъ друга, безъ какого-либо раздѣленія операцій, — каждый ткачъ работаетъ надъ своимъ кускомъ изготовляемой ткани. О выгодахъ мануфактуръ нечего говорить подробно— это, съ одной стороны, возможность пользоваться, по мѣрѣ надобности, всѣми видами соединенія и техническаго раздѣленія труда, съ другой—возможность непрерывнаго техническаго надзора за работой и контроля надъ матеріаломъ. Возникали мануфактуры разнообразными путями — вначалѣ, большею частью, подъ непосредственнымъ покровительствомъ или даже по прямому почину государственной власти. Иногда мануфактуру, подъ королевскимъ покровительствомъ, устраивалъ иностранный предприниматель, приглашенный правительствомъ въ страну, — главная цѣль учрежденія мануфактуры была въ такомъ случаѣ въ томъ, чтобы защитить предпринимателя и его рабочихъ отъ насилій и непріятностей со стороны мѣстныхъ цеховыхъ ремесленниковъ. Иногда мануфактуры учреждались

при тюрьмахъ и рабочихъ домахъ, при чемъ предпринимателямъ предоставлялось пользоваться на льготныхъ условіяхъ трудомъ призрѣваемыхъ или заключенныхъ. Иногда предприниматель, просто, собиралъ въ собственное помѣщеніе своихъ бывшихъ домашнихъ рабочихъ — чаще всего это дѣлалось собственно для того, чтобы устранить возможность утаекъ матеріала и т. д. Но эти различные способы возникновенія мануфактуръ не имѣютъ для насъ особенно существеннаго значенія. Важенъ фактъ, что-домашняя организація капиталистическаго производства мало-по-малу начала замѣняться централизованною, мануфактурною формой, которая, однако, далеко не вытѣснила послѣдней; эти двѣ формы организаціи производства и могутъ быть признаны характерными для конца разсматриваемаго періода, когда имъ удалось болѣе или менѣе окончательно вытѣснить самостоятельное цеховое ремесло.

Таковы главнѣйшія черты хозяйственной эволюціи въ эпоху ранняго капитализма. Эволюція эта сопровождалась и существенными измѣненіями въ области хозяйственной политики, на которыхъ мы теперь и должны остановиться.

Меркантилизмъ. Мы знаемъ, что въ средніе вѣка регламентація торговли и промышленности была дѣломъ города и городскихъ властей; регламентація отдѣльныхъ ремеслъ—дѣломъ цеховой организаціи. Мы знаемъ также, что цехи въ позднѣйшую эпоху выродились и стали приносить гораздо больше вреда, чѣмъ пользы,—вмѣсто организаціи, работавшей на общую пользу и стремившейся къ примиренію всѣхъ интересовъ,

они стали организаціею, заботившеюся исключительно объ огражденіи монополіи цеховыхъ мастеровъ. Но главное, что намъ важно вспомнить— это то, что цехи оказались существеннымъ препятствіемъ для развитія капиталистической промышленности, и вотъ это-то обстоятельство, въ концѣ-концовъ, и привело къ ихъ окончательному паденію.

Однако, на смѣну цеховой регламентаціи далеко не сразу явилась промышленная свобода. Цеховая регламентація въ разсмотрѣнную нами эпоху ранняго капитализма только смѣнилась *государственною* регламентаціей: какъ въ средніе вѣка городскія и цеховыя власти заботились о процвѣтаніи и развитіи промышленности *города*, такъ теперь государственная власть стала заботиться о развитіи промышленности въ *государствѣ*. Дѣло въ томъ, что развитіе народнаго богатства чрезвычайно интересовало государственную власть эпохи ранняго капитализма. Это было время образованія большихъ государствъ, и такія вещи, какъ увеличеніе населенія страны и ростъ ея богатства, правильно считались важнѣйшими средствами достиженія и увеличенія политическаго могущества. На этомъ взглядѣ основывалась система экономической политики такъ называемаго *меркантилизма*. Меркантилизмъ—это система, которую правильнѣе всего назвать системою промышленнаго воспитанія страны,—система, которая для своего времени представляла собой явленіе, несомнѣнно, прогрессивнаго характера. Та государственная регламентація, которой меркантилизмъ подвергалъ торговлю и промышленность,—регламентація, по на-

шимъ понятіямъ совершенно нестерпимая, была широкою свободой по сравненію съ тою регламентаціей, какая была въ обычаѣ у цеховъ, не говоря уже о томъ, что государство, худо ли, хорошо ли, дѣйствовало въ общихъ интересахъ страны, тогда какъ цехи подъ конецъ не заботились ни о чемъ, кромѣ выгодъ мастеровъ. Въ цѣляхъ развитія промышленности меркантилистическое государство, прежде всего, организовало цѣлую систему мѣръ воспитательнаго характера: оно устраивало промышленныя школы, музеи, съ большими издержками выписывало иностранныхъ мастеровъ, которые насаждали въ странѣ новыя отрасли промышленности или новые способы производства; черезъ особую инспекцію оно контролировало качество продуктовъ, при чемъ недоброкачественные продукты уничтожались, а виновные подвергались взысканіямъ. Но для развитія промышленности, въ особенности разъ она приняла капиталистическій характеръ, требуется рынокъ,—и вотъ, меркантилистическое государство старается обезпечить отечественной промышленности необходимый сбытъ: оно ограждаетъ внутренній рынокъ путемъ покровительственныхъ пошлинъ на продукты иностранной промышленности, конкурирующіе съ отечественными продуктами, и наоборотъ — всячески облегчаетъ ввозъ тѣхъ матеріаловъ, въ какихъ нуждается отечественная промышленность; оно заключаетъ торговые договоры, чтобы открыть продуктамъ своей промышленности доступъ на иностранные рынки, при чемъ выгодные договоры достигаются иногда путемъ военныхъ столкновеній; оно заботится о пріобрѣтеніи новыхъ колоній и

регулируетъ торговлю съ колоніями такъ, чтобы обезпечить сбытъ въ колоніяхъ для продуктовъ отечественной промышленности и имѣть изъ колоній дешевое сырье. Существеннымъ условіемъ развитія капиталистической промышленности являются, далѣе, дешевыя рабочія руки; заработная плата, какъ извѣстно, можетъ быть тѣмъ ниже, чѣмъ дешевле обходятся работнику необходимыя средства существованія. Поэтому меркантилистическое государство заботиться о дешевизнѣ хлѣба, не останавливаясь для этой цѣли даже передъ запрещеніемъ вывоза хлѣба. Съ другой стороны, рабочія организаціи могли бы способствовать повышенію заработной платы,—поэтому меркантилистическое государство всѣми способами борется противъ рабочихъ организацій. Однимъ изъ существенныхъ элементовъ народнаго богатства являются, конечно, деньги: онѣ—необходимое средство накопленія капиталовъ, онѣ же—одно изъ главнѣйшихъ условій силы и могущества самого государства. И вотъ, меркантилистическое государство всемѣрно заботится объ увеличеніи количества звонкой монеты въ странѣ, добиваясь этого, главнымъ образомъ, мѣрами таможенной политики, главною цѣлью которой становится достиженіе такъ называемаго благопріятнаго *торговаго баланса*, т.-е. такого положенія дѣлъ, при которомъ цѣнность вывоза изъ страны превышала бы цѣнность ввоза, и, слѣдовательно, излишекъ вывоза оплачивался бы звонкою монетой; а такъ какъ, говоря вообще, цѣнность обработанныхъ продуктовъ выше цѣнности сырья, то соображенія торговаго баланса такъ же, какъ и виды развитія про-

мышленности въ странѣ, заставляли меркантилистическое государство заботиться о возможномъ сокращеніи ввоза и развитіи вывоза обработанныхъ продуктовъ, и наоборотъ—о сокращеніи вывоза и объ усиленіи ввоза сырья; ради этого меркантилистическое государство заботилось о развитіи промышленности въ странѣ; это достигалось путемъ соотвѣтственныхъ таможенныхъ тарифовъ и торговыхъ договоровъ.

Само собою разумѣется, что въ частностяхъ меркантилистическая политика не представляла собой чего-либо однообразнаго: въ каждой изъ странъ Европы меркантилизмъ принимаетъ своеобразный оттѣнокъ, смотря по ея естественнымъ задаткамъ и по степени уже достигнутаго промышленнаго развитія; англійскій меркантилизмъ, съ его преимущественными заботами о судоходствѣ и съ его большимъ вниманіемъ къ интересамъ капиталистическаго земледѣлія, рѣзко отличается отъ французскаго, всецѣло направленнаго въ сторону промышленнаго воспитанія, и т. п. Но *суть* меркантилистической системы—въ охарактеризованныхъ только что основныхъ задачахъ и пріемахъ. Эта система экономической политики господствовала во всю эпоху ранняго капитализма, когда послѣдній былъ еще слабъ и нуждался въ государственной поддержкѣ,—и она, какъ мы увидимъ въ слѣдующей лекціи, исчезла, когда капитализмъ окрѣпъ и сталъ тяготиться опекою государственной власти.

ЛЕКЦІЯ ЧЕТВЕРТАЯ.

Эпоха развитаго капитализма.

Ея особенности. Въ предыдущей лекціи мы познакомились съ промышленнымъ капитализмомъ въ его зачаточной стадіи, для которой характерными являются двѣ формы организаціи производства: *домашняя*, гдѣ предприниматель - капиталистъ овладѣваетъ только сбытомъ продукта, самый же производительный процессъ сохраняетъ мелко - ремесленный характеръ, — и *мануфактурная*, при которой капитализмъ овладѣваетъ уже и процессомъ производства, концентрируя этотъ процессъ въ помѣщеніи предпринимателя и подчиняя его непрерывному надзору и руководительству послѣдняго; самая же техника сохраняетъ еще старый ремесленный характеръ, получая существенное усовершенствованіе лишь со стороны соединенія и техническаго раздѣленія труда. Характерною для современнаго капитализма является такъ называемая *фабричная* форма организаціи крупной промышленности, при которой производительный процессъ не только, какъ и при мануфактурной формѣ, сосредоточивается въ одномъ мѣстѣ, но гдѣ притомъ либо всѣ, либо, по крайней мѣрѣ, важнѣйшія производственныя операціи выполняются какъ бы независимо

отъ непосредственнаго личнаго труда рабочаго, болѣе или менѣе сложною, приводимою въ дѣйствіе механическими двигателями, системою машинъ и аппаратовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ эпоха современнаго капитализма характеризуется развитіемъ, можно сказать, до послѣднихъ крайностей всѣхъ характерныхъ особенностей капиталистическаго строя, какъ его описываетъ экономическая теорія, и въ то же время — появленіемъ и быстрымъ развитіемъ зачатковъ постепеннаго его преобразованія.

Главный толчокъ къ эволюціи капитализма изъ зачаточныхъ его формъ въ современную, законченную форму дали, однако, не столько измѣненія собственно въ области производственной техники, сколько развитіе путей сообщенія, создавшее единый міровой рынокъ и превратившее прежнее *народное* хозяйство въ хозяйство *міровое*. Когда мы думаемъ о путяхъ сообщенія, мы прежде всего имѣемъ въ виду желѣзныя дороги, затѣмъ усовершенствованія въ мореплаваніи. Но когда мы изучаемъ исторію эволюціи современнаго капитализма и желаемъ выяснить себѣ значеніе въ этомъ дѣлѣ путей сообщенія, мы должны прежде всего упомянуть о *каналахъ*. Создавшаяся, главнымъ образомъ, въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣка система каналовъ дала народному хозяйству дешевый водный путь, чѣмъ была создана возможность перевозки на далекія разстоянія такихъ громоздкихъ товаровъ, какъ каменный уголь, желѣзо, хлѣбъ и т. п. Въ Англіи превосходная сѣть каналовъ, связавшая непрерывнымъ воднымъ путемъ всѣ части страны, была закончена устройствомъ въ промежутокъ времени между 1755 и 1800 гг. На мате-

рикѣ Европы за сооруженіе каналовъ принялись позднѣе: во Франціи, напримѣръ, въ теченіе XVIII вѣка было сооружено всего около 300 верстъ, за время съ 1800 по 1870 г.—около 3.400 верстъ каналовъ. Попутно шли работы по улучшенію естественныхъ водныхъ путей—рѣкъ; въ той же Франціи, напримѣръ, за время съ 1814 по 1897 годъ на урегулированіе рѣкъ было израсходовано до полутора милліардовъ франковъ (около 560 милліоновъ рублей), благодаря чему плаваніе по рѣкамъ стало несравненно болѣе скорымъ и безопаснымъ, нежели прежде; Лорелея — знаменитый утесъ на Рейнѣ, который когда-то былъ грозою судоходцевъ, теперь не пугаетъ никого, а только привлекаетъ вниманіе любующихся природою путешественниковъ.

Но при всемъ своемъ огромномъ значеніи водные пути сообщенія обладаютъ прежде всего тѣмъ огромнымъ недостаткомъ, что движеніе совершается очень медленно; а затѣмъ—вѣдь направленіе ихъ какъ бы предуказано природой, и потому ихъ сѣть никогда не можетъ покрывать и обслуживать страну достаточно равномѣрнымъ образомъ. Вотъ почему огромнымъ дальнѣйшимъ толчкомъ къ развитію мірового экономическаго оборота послужили появленіе и поразительно быстрый ростъ желѣзнодорожной сѣти. Первыя желѣзныя дороги появились въ Англіи же, въ 30 и 40 годахъ прошлаго столѣтія. Въ 1840 году во всемъ мірѣ было всего еще только около 7.500 верстъ желѣзныхъ дорогъ; къ 1875 году общее протяженіе послѣднихъ достигло 270 тыс., къ 1898 году—700, къ 1905 году—850 тысячъ верстъ. Вмѣсто того, чтобы, какъ этого можно было ожи-

дать (и какъ это наблюдается, къ сожалѣнію, мѣстами у насъ въ Россіи), повлечь за собою упадокъ гужевыхъ дорогъ, желѣзныя дороги, напротивъ, дали могущественный толчокъ къ улучшенію послѣднихъ, которыя сдѣлались, съ одной стороны, подъѣздными путями для желѣзныхъ дорогъ, съ другой—дорогами мѣстнаго сообщенія. Въ Пруссіи въ 1815 году насчитывалось менѣе 15 тысячъ верстъ шоссейныхъ дорогъ; въ 1857 году—уже почти 30 тысячъ, въ 1886 году—почти 50, въ 1900 году — свыше 90 тысячъ верстъ, — за одни только послѣднія 15 лѣтъ количество шоссейныхъ дорогъ, значитъ, почти удвоилось въ этой странѣ. Съ точки зрѣнія превращенія всеевропейскаго хозяйства въ общеміровое, огромное значеніе имѣло, наконецъ, появленіе пароходовъ и въ частности—необыкновенное развитіе океанскаго пароходства: въ настоящее время въ 7, 6, даже въ 5 дней совершается переѣздъ черезъ Атлантическій океанъ, который при парусномъ плаваніи требовалъ многихъ недѣль, иногда и мѣсяцевъ времени. Въ результатѣ, конечно, огромное ускореніе и удешевленіе транспорта, сдѣлавшее возможною перевозку на любыя разстоянія самыхъ дешевыхъ и громоздкихъ товаровъ. По расчетамъ Шмоллера, перевозка такихъ товаровъ, какъ каменный уголь и желѣзо, по старымъ гужевымъ дорогамъ обходилась около 33 рублей съ каждой сотни верстъ и сотни пудовъ товара; на первыхъ же желѣзныхъ дорогахъ стоимость такой перевозки упала до 10 — 12 рублей, значитъ, примѣрно, втрое, на современныхъ же желѣзныхъ дорогахъ она не превышаетъ, полуторыхъ рублей, а иногда и одного рубля. Еще

гораздо дешевле перевозка моремъ. По расчетамъ того же Шмоллера, 100 килограммовъ пшеницы, за 12 марокъ (на наши деньги около 6 рублей), можно было провезти по гужевымъ дорогамъ не дальше 100 километровъ; по шоссе — 400 километровъ; по первымъ желѣзнымъ дорогамъ такой же грузъ за такую же плату можно было провезти уже 1.500, по современнымъ желѣзнымъ дорогамъ—4.500, моремъ — ни болѣе ни менѣе, какъ 25.000 километровъ. Затѣмъ, нельзя не упомянуть о такихъ современныхъ средствахъ сообщенія, какъ телеграфъ и въ самое новѣйшее время — телефонъ, которые до послѣдней степени облегчили и ускорили всякаго рода сношенія между торговцами и промышленниками всѣхъ странъ, въ частности напримѣръ—заказы на матеріалы и готовые продукты, и при наличности которыхъ только и сдѣлались возможными современныя, крайне сложныя, формы международнаго обмѣна. Попутно нужно упомянуть здѣсь же и о современныхъ усовершенствованіяхъ въ области организаціи обмѣна, сдѣлавшихъ возможными заглазную покупку и продажу: я имѣю въ виду развитіе торговой и транспортной агентуры и комиссіонерства, покупку товара черезъ комми-вояжеровъ или по посылаемымъ по почтѣ образцамъ, международную браковку такъ называемыхъ «стандартныхъ» товаровъ, въ родѣ хлѣба, масла, металловъ, хлопка, льна и т. п., позволяющую покупать такого рода товары даже по одному только названію сорта, въ расчетѣ на фирму продавца и на справедливое рѣшеніе могущихъ возникнуть недоразумѣній особо устроенными для того арбитражными учрежденіями.

Міровой рынокъ. Въ результатѣ такого развитія путей и средствъ сообщенія товарный рынокъ становится *міровымъ* рынкомъ; товары, въ томъ числѣ самые громоздкіе, какъ хлѣбъ, каменный уголь или желѣзо, свободно перевозятся изъ всѣхъ частей и во всѣ части свѣта. Послѣдствія этого безграничнаго расширенія рынка были чрезвычайно сложны и разнообразны, и я не имѣю возможности не только исчерпать, но даже намѣтить всѣхъ ихъ въ рамкахъ настоящаго курса. Для насъ въ данную минуту важно одно послѣдствіе: исчезновеніе всякихъ географическихъ границъ для сбыта; каждый товаръ производится на потребности не только всей страны, но и всего міра. Въ прежнее время территоріальная ограниченность сбыта ставила границы и для роста производства. Теперь такого рода границы исчезли, и, значитъ, у каждаго сильнаго производителя является расчетъ увеличивать и совершенствовать производство до самой послѣдней крайности,—не въ своей странѣ найдется сбытъ, такъ за границей, не въ одной странѣ, такъ въ другой, не въ Старомъ, такъ въ Новомъ Свѣтѣ. Вотъ, навстрѣчу этой потребности въ количественномъ развитіи и качественномъ усовершенствованіи производства и явились машины съ машинною техникою производства.

Машины. По общепринятому мнѣнію, машины появились въ концѣ XVIII в. Мнѣніе это, однако, не совсѣмъ точно. Что̀ такое, въ самомъ дѣлѣ, машина? Это—такое средство производства, которое не вспомоществуетъ—какъ простое орудіе—человѣческому труду, а *замѣняетъ* его; машина приводится въ движеніе тѣми или

другими механическими силами и автоматически выполняетъ опредѣленную работу; человѣкъ же только наблюдаетъ за дѣйствіемъ машины, регулируетъ ее и, когда нужно, исправляетъ ошибки въ дѣйствіи машины. Съ этой точки зрѣнія, однако, машиною придется признать и конный плугъ или даже простую соху, и движимую вѣтромъ парусную лодку, мельницу или толчею, и конечно, водяную мельницу или сукновальню—во всѣхъ этихъ примѣрахъ машина работаетъ какъ бы сама, а человѣкъ только руководитъ и контролируетъ работу. «Машина,—вѣрно замѣчаетъ одинъ ученый,—такъ же стара, какъ и орудіе»... Вѣрно, однако, то, что съ конца XVIII и съ начала XIX в. машины и машинная техника получили небывалое развитіе, обусловленное, какъ я уже сказалъ, потребностями крупно-капиталистическаго производства.

Когда мы думаемъ о «машинѣ», намъ прежде всего представляется паровая, электрическая машина, вообще разнаго рода механическіе двигатели. Развитіе машинной техники началось, однако, не съ двигателей, а съ такъ называемыхъ рабочихъ машинъ, т.-е. съ тѣхъ, собственно, приспособленій, которыя непосредственно выполняютъ извѣстную производственную задачу. Сначала были изобрѣтены и въ значительной мѣрѣ усовершенствованы ткацкіе и прядильные станки, которые въ теченіе долгаго времени приводились въ движеніе такими издавна извѣстными источниками механической силы, какъ вода, домашнія животныя или даже просто человѣческая сила,—и уже значительно позднѣе появился паровой двигатель, который одинъ только оказался достаточно силь-

нымъ и подвижнымъ, чтобы приводить въ движеніе сложную систему рабочихъ машинъ. Самое появленіе изобрѣтеній нельзя разсматривать какъ дѣло случая или какъ порожденіе генія отдѣльныхъ лицъ—Уаттовъ, Аркрайтовъ и пр.; оно было результатомъ упорнаго труда цѣлыхъ поколѣній, который шелъ навстрѣчу ясно сознанной экономической потребности и именно поэтому увѣнчался такими блестящими результатами; впослѣдствіи, начиная, главнымъ образомъ, съ середины XIX в., за разработку и улучшеніе производственной техники взялась наука, что̀ открыло совершенно безпредѣльныя перспективы развитію техники вообще и машиннаго производства въ частности.

Уже самыя первыя машины дали огромный толчокъ развитію капитализма. До конца XVIII в. мелкая промышленность, хотя и подчинившаяся вліянію и власти капитала, была, однако, еще устойчива; это происходило оттого, что собственно въ техническомъ отношеніи тогдашнія крупныя предпріятія стояли немногимъ выше мелкихъ. Машины сразу дали крупному производству огромное преимущество; въ прядильномъ производствѣ первыя машины появились въ серединѣ XVIII в., и уже въ началѣ XIX в. мелкое пряденіе въ Англіи окончательно исчезло; въ ткацкомъ производствѣ борьба между фабрикою и мелкими ткачами затянулась на болѣе продолжительное время, но окончилась тою же побѣдою крупной формы производства и исчезновеніемъ мелкаго. И это было результатомъ введенія уже самыхъ первыхъ, сравнительно очень несовершенныхъ машинъ; между тѣмъ машины не перестаютъ и, надо думать,

не перестануть совершенствоваться, и это улучшеніе машинной техники идетъ, можно сказать, цѣликомъ на пользу крупнаго, капиталистическаго производства.

Промышленная свобода.

Быстрое развитіе крупно-капиталистическаго производства въ его фабричной формѣ, основанной на примѣненіи машинъ, сопровождается устраненіемъ всей той сложной регламентаціи промышленности, которая была въ ходу въ эпоху меркантилизма, и побѣдою принциповъ полной личной и хозяйственной свободы; капитализмъ терпѣлъ эту регламентацію, — мало того, онъ въ ней нуждался, пока не вышелъ изъ пеленокъ; когда онъ выросъ и окрѣпъ, онѣ стали ему не нужны и стѣснительны, и онъ очень легко отъ нихъ освободился. Въ эпоху меркантилизма правительство заботилось объ улучшеніи техники, — теперь за улучшеніе техники взялся собственный интересъ капиталистовъ и погналъ дѣло такъ быстро, что за нимъ не могла угнаться никакая регламентація; въ эпоху меркантилизма правительство, въ интересахъ предпринимателей, регулировало заработную плату,—теперь, благодаря размноженію сельскаго пролетаріата и разоренію огромнаго числа мелкихъ ремесленниковъ и кустарей, предприниматели и безъ того могли имѣть любое количество дешевыхъ рабочихъ, и всякое вмѣшательство государства въ ихъ отношенія къ рабочимъ могло быть для нихъ только стѣснительнымъ. Окрѣпшему и выросшему капитализму нужна была свобода дѣйствій, — и вотъ, навстрѣчу ему явились идеи французской и англійской философіи XVIII вѣка,

которая учила, что каждый человѣкъ самъ знаетъ свои интересы, и что свободное проявленіе этихъ интересовъ, не стѣсняемое никакимъ постороннимъ вмѣшательствомъ, наиболѣе выгодно и для общаго блага,—ученіе, которое нашло себѣ ясное и систематическое выраженіе въ знаменитомъ произведеніи Адама Смита: «Богатство народовъ». Ученіе Смита было быстро воспринято общественнымъ мнѣніемъ или, во всякомъ случаѣ, мнѣніемъ господствующихъ классовъ; на Смита ссылались въ докладахъ министровъ, въ разсужденіяхъ парламента. Уже въ 1806 году парламентская комиссія торжественно заявляетъ, что «право каждаго человѣка употреблять свой капиталъ по собственному усмотрѣнію, безъ всякаго посторонняго вмѣшательства или препятствія, поскольку этимъ не нарушаются права другихъ лицъ, составляетъ одну изъ тѣхъ привилегій, которыя свободная и благодѣтельная конституція этой страны (Англіи) издавна пріучила всякаго британца считать своимъ прирожденнымъ достояніемъ»; другая комиссія, въ 1811 году, не менѣе категорически заявляетъ, что «стѣсненіе свободы промышленности или свободы каждаго человѣка располагать своимъ временемъ и трудомъ такъ, какъ онъ считаетъ для себя наиболѣе выгоднымъ, нарушаетъ основные принципы благосостоянія и благополучія страны». «Идеи «Богатства народовъ», — говоритъ по этому поводу М. И. Туганъ-Барановскій,—уже настолько вкоренились въ умахъ господствующаго класса, что признаются неподлежащими доказательству, а тѣмъ болѣе спору»; никто и не вспоминаетъ о томъ, что еще не такъ давно «конституція этой

страны», какъ и всѣхъ другихъ, была безконечно далека отъ принциповъ экономической свободы. И вотъ законодательство, шагъ за шагомъ, отмѣняетъ всѣ тѣ ограниченія промышленной свободы, какія существовали въ эпоху меркантилизма, и открываетъ полный просторъ свободѣ дѣйствій капиталиста-предпринимателя. Капиталисту-предпринимателю нуженъ былъ, далѣе, свободный рабочій, котораго нужда заставляла бы работать по дешевой цѣнѣ; и вотъ, законодательства всѣхъ западно-европейскихъ странъ уничтожаютъ въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка всѣ существовавшіе еще виды личной зависимости и всѣ старые регламенты, стѣснявшіе работника въ его «свободѣ» продавать свой трудъ, а предпринимателя—въ свободѣ покупать его.

Итакъ, развитіе путей и средствъ сообщенія, появленіе и быстрый прогрессъ машинъ и машинной техники и приспособленныя къ новымъ потребностямъ новыя политическія и правовыя условія,—таковы тѣ три категоріи обстоятельствъ, которыя способствовали переходу капитализма изъ зачаточной въ окончательно развитую форму.

Существенныя черты этого, окончательно развившагося капиталистическаго строя такія:

Мѣновое хозяйство.

1. *Мѣновой, денежный, кредитный характеръ хозяйства* Общественное раздѣленіе труда охватываетъ не только всѣ части отдѣльныхъ странъ, но и всѣ страны цѣлаго міра, и въ соотвѣтствіи съ этимъ весь міръ охватывается и связывается мѣновыми отношеніями. Каждая страна получаетъ отовсюду всѣ нужные ей товары, и каждая страна вездѣ ищетъ сбыта для продуктовъ своего про-

изводства. Специализація достигаетъ чрезвычайной дробности; каждый родъ производства, каждая отрасль торговли распадаются на десятки разновидностей; въ каждомъ капиталистически-организованномъ предпріятіи мы находимъ десятки категорій рабочихъ, изъ которыхъ каждая дѣлаетъ свое, строго-опредѣленное, спеціальное дѣло. Въ то время, какъ при натуральномъ хозяйствѣ правиломъ являлось производство для собственнаго потребленія, теперь это является рѣдкимъ исключеніемъ: въ капиталистически—развитой странѣ для собственнаго потребленія изготовляется лишь незначительная часть продуктовъ, и безчисленные милліоны людей не потребляютъ никогда ни малѣйшей доли продуктовъ собственнаго производства, не затрачиваютъ ни малѣйшей доли своего труда на непосредственное удовлетвореніе своихъ личныхъ потребностей,—безчисленные милліоны работаютъ исключительно на потребность *другихъ* и потребляютъ исключительно продукты *чужого* труда. Кружевница во всю свою жизнь не одѣнетъ на себя ни кусочка своихъ кружевъ, военный портной—ни одного изъ тѣхъ мундировъ, за изготовленіемъ которыхъ проходитъ его жизнь; рабочіе, трудящіеся надъ постройкой броненосцевъ или надъ изготовленіемъ пушекъ, очевидно, не могутъ удовлетворить этими продуктами ни малѣйшей изъ своихъ потребностей.

И это—въ особенности въ виду широкаго развитія техническаго раздѣленія труда, при наличности котораго трудъ отдѣльнаго рабочаго вовсе и не даетъ никакого *своего* продукта; въ самомъ дѣлѣ: что̀ можно признать «своимъ продуктомъ»

машиниста на фабрикѣ, который только управляетъ машиной, но самъ не принимаетъ никакого непосредственнаго участія въ процессѣ выдѣлки отдѣльнаго продукта? или полировщика, который только отдѣлываетъ уже готовое, въ сущности, издѣліе? или литейщика, изъ рукъ котораго чугунъ или сталь должны перейти еще въ десятки другихъ рукъ, пока получится готовое издѣліе?..

Изъ сказаннаго вытекаетъ, съ одной стороны, крайняя спеціализація промышленной дѣятельности—человѣкъ всю свою жизнь изготовляетъ какую-нибудь гайку, гвозди опредѣленнаго типа, дѣтскіе передники или конверты—всю свою жизнь обтачиваетъ пушки или подбрасываетъ уголь въ топку паровой машины; съ другой стороны — безконечное разнообразіе, многія тысячи спеціальностей, отдѣльныхъ отраслей производства и отдѣльныхъ видовъ труда въ производствѣ каждаго даннаго продукта. Очевидно, при такомъ положеніи дѣлъ, что главная цѣль всякой хозяйственной дѣятельности—удовлетвореніе человѣческихъ потребностей, можетъ быть достигнута не иначе, какъ на почвѣ широко развитаго *обмѣна:* каждый отдаетъ свой трудъ или продукты своего труда и получаетъ въ обмѣнъ необходимые предметы потребленія. Хозяйство, основанное на раздѣленіи труда, должно быть вмѣстѣ съ тѣмъ и м ѣ н о в ы м ъ хозяйствомъ. Но развитый обмѣнъ не можетъ быть натуральнымъ обмѣномъ,—обмѣномъ продукта на продуктъ: обмѣнъ совершается при посредствѣ денежныхъ знаковъ, д е н е г ъ, которыя въ современномъ хозяйственномъ быту пріобрѣтаютъ значеніе главнаго вида личнаго богат-

ства, господствующей формы капитала и наиболѣе важнаго источника дохода: кто располагаетъ деньгами, тотъ легко превратитъ ихъ въ любую другую форму капитала; напротивъ, располагая капиталомъ въ какой-либо вещественной формѣ, далеко не всегда, когда понадобится, можно превратить его въ деньги. Далѣе: при современномъ міровомъ обмѣнѣ, самый мѣновой процессъ—процессъ купли-продажи, — настолько осложняется, что становится необходимымъ существованіе особаго класса посредниковъ—торговаго класса, отъ котораго, въ свою очередь, отвѣтвляются, какъ мнѣ приходилось уже упоминать, отдѣльныя группы, берущія на себя выполненіе тѣхъ или другихъ особыхъ функцій,—маклера, агенты и комиссіонеры, экспедиторы, браковщики и пр. Благодаря развитію и усложненію производственной техники значительно удлиняется самый производительный процессъ отдѣльной единицы товара, а главное—міровой характеръ обмѣна отдаляетъ моментъ окончательнаго сбыта отъ момента окончанія, собственно, производительнаго процесса. Какъ ни велики капиталы отдѣльныхъ предпринимателей, ихъ не хватаетъ на безостановочное веденіе дѣла при такихъ условіяхъ; съ другой стороны, каждый капиталистъ, ради возможно полнаго использованія своего капитала и увеличенія своихъ барышей, стремится къ расширенію производства, для чего пользуется не только собственными, но и занятыми средствами. Отсюда—громадное значеніе *кредита*, который получаетъ сложную организацію въ формѣ банковъ и становится однимъ изъ существенныхъ элементовъ современной хозяйственной организаціи.

Роль капитала.

2. *Преобладающее вліяніе капитала*, и притомъ по преимуществу въ его денежной формѣ, откуда и самое названіе—капитализмъ. Какъ извѣстно, выраженіе «капиталъ» можно понимать въ двухъ смыслахъ. Если понимать капиталъ, какъ «совокупность средствъ производства», то въ этомъ смыслѣ капиталъ существовалъ всегда, хотя и тутъ нельзя не замѣтить, что съ теченіемъ времени, по мѣрѣ развитія и усложненія производственной техники, средства производства составляютъ все большую долю народнаго имущества. Но въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ о такъ называемомъ «пріобрѣтающемъ капиталѣ», т.-е. объ имуществѣ, подчиняющемъ себѣ трудъ и дающемъ обладателю нетрудовой доходъ. Вотъ, господство капитала въ *этой*, пріобрѣтательной формѣ и является основнымъ признакомъ капитализма. Характерною чертою капиталистическаго строя является огромный классъ людей, не располагающихъ собственными орудіями производства: землей и капиталомъ, и въ силу этого вынужденныхъ предоставлять свой трудъ въ распоряженіе немногочисленнаго класса капиталистовъ и землевладѣльцевъ, владѣющихъ всѣми орудіями и средствами производства. Всякій знаетъ, что отсюда вытекаетъ для капиталистовъ возможность широкой эксплуатаціи чужого труда, возможность получать доходъ за счетъ неполной оплаты этого послѣдняго. Но не въ этомъ, конечно, главное отличительное свойство капитализма. Эксплуатація чужого труда существовала во всѣ времена, и въ гораздо худшихъ формахъ,—достаточно вспомнить объ игравшемъ нѣкогда

огромную роль ростовщичествѣ, о колоніальной торговлѣ, о рабствѣ и торговлѣ рабами. Отличительная особенность капитализма заключается въ *организующей роли* капиталиста: капиталистъ или предприниматель, располагающій капиталомъ (который можетъ быть и не его собственнымъ, а занятымъ)—это, по словамъ одного изъ знаменитѣйшихъ теоретиковъ соціализма, Родбертуса, «служащій, какъ бы чиновникъ гражданскаго общества, блюдущій за накопленіемъ, сохраненіемъ и использованіемъ общественнаго капитала». *Онъ* рѣшаетъ, какіе именно продукты и какимъ способомъ должны производиться. Онъ собираетъ денежный капиталъ, превращаетъ соотвѣтственныя доли его въ необходимыя средства производства — орудія, машины, матеріалы и пр., привлекаетъ, путемъ найма, необходимое число рабочихъ и служащихъ. По мѣрѣ хода производства онъ продаетъ продуктъ, изъ выручаемыхъ суммъ оплачиваетъ трудъ рабочихъ и отдаетъ условленное вознагражденіе владѣльцамъ занятыхъ имъ капиталовъ; получающійся чистый остатокъ составляетъ его барышъ, къ полученію котораго, въ концѣ-концовъ, направлены всѣ его стремленія. Сосредоточивъ въ своихъ рукахъ всѣ необходимые факторы производства, капиталистъ-предприниматель руководитъ затѣмъ всѣмъ ходомъ предпріятія, начиная съ закупки матеріаловъ и поддержанія въ исправности орудій, продолжая самимъ процессомъ производства и кончая, какъ я сказалъ, сбытомъ, продажею продукта.

Роль рынка.

И эта задача, лежащая на капиталистѣ-предпринимателѣ, особенно трудна въ виду 3-й главной особенности капита-

листической организаціи хозяйства — *рыночнаго характера* производства. Какъ мы знаемъ, при широко-развитомъ раздѣленіи труда производитель и потребитель—разныя лица; производство имѣетъ въ виду *чужія* потребности, съ которыми и должно быть сообразовано направленіе производства. И вотъ, чрезвычайно трудная задача — *знать* эти чужія потребности. Въ стародавнія времена, о которыхъ намъ приходилось говорить въ предшествовавшихъ лекціяхъ, приноровленіе производства къ потребностямъ до извѣстной степени обезпечивалось такими общественными организаціями, какъ касты, цеховой строй и т. п.; оно и не было такъ трудно, потому что спеціализировавшіеся производители работали либо на заказъ, либо на очень ограниченный кругъ покупателей даннаго города и его ближайшей округи. Современное производство работаетъ на міровой рынокъ, совершенно не зная, кто, въ концѣ-концовъ, явится потребителемъ его продуктовъ. О томъ, что̀ можетъ потребоваться этимъ неизвѣстнымъ потребителямъ, что̀, слѣдовательно, можетъ найти себѣ сбытъ, приходится, въ сущности, только догадываться, — приходится дѣйствовать какъ бы ощупью, руководствуясь, до нѣкоторой степени, указаніями прошедшаго опыта, главнымъ же образомъ соображаясь съ колебаніями цѣнъ разнаго рода продуктовъ. *Колебанія цѣнъ*— главный регуляторъ, опредѣляющій направленіе производства. Какъ извѣстно, цѣна товара колеблется въ зависимости отъ отношенія между спросомъ и предложеніемъ. Если цѣна поднялась, — изъ этого заключаютъ, что предложеніе недоста-

точно, что потребность не удовлетворяется наличными размѣрами производства; если цѣна упала,— значитъ, предложеніе превышаетъ спросъ, и даннаго товара производится больше, чѣмъ нужно потребителямъ. Повышеніе цѣнъ является для предпринимателей какъ бы сигналомъ къ усиленію, пониженіе—къ сокращенію производства. Ниже мы увидимъ, къ какимъ послѣдствіямъ приводитъ такая зависимость размѣровъ производства отъ рыночныхъ цѣнъ товара. Пока намъ достаточно отмѣтить, какъ третій существенный признакъ развитаго капитализма, именно это преобладающее *вліяніе рынка, рыночныхъ цѣнъ, какъ единственнаго регулятора размѣровъ и направленія производства.*

При такомъ положеніи дѣлъ задача предпринимателя-капиталиста чрезвычайно трудна: онъ долженъ приспособлять производство къ общественной потребности, а между тѣмъ онъ этой потребности не знаетъ и не можетъ знать,—онъ о ней только догадывается. Чтобы организовать и вести предпріятіе, ему нуженъ рабочій, — между тѣмъ рабочій свободенъ: онъ воленъ итти или не итти въ работу. И вотъ, на сцену являются такія побужденія человѣка, какъ инстинктъ самосохраненія, соперничество, желаніе барыша. Рабочій нуждается въ заработкѣ для поддержанія своего существованія,—и эта нужда лучше и вѣрнѣе обезпечиваетъ предпринимателя рабочими руками, чѣмъ это нѣкогда дѣлало крѣпостное право; свободный трудъ даже выгоднѣе для капиталиста, потому что свободнаго рабочаго держатъ и оплачиваютъ лишь до тѣхъ поръ, пока есть надобность въ его трудѣ, тогда какъ раба или крѣ-

постного приходилось содержать и тогда, когда для него не было работы. Съ другой стороны, капиталистъ, какъ таковой, вовсе не думаетъ о такихъ вещахъ, какъ общее благо, въ частности вовсе не заботится о потребителяхъ и объ ихъ потребностяхъ. Онъ стремится только къ барышу. Но именно этимъ его стремленіемъ предопредѣляется цѣлесообразность его дѣйствій. Чтобы получить барышъ, онъ долженъ выгодно продать продуктъ; но выгодно продать можно только тотъ продуктъ, на который существуетъ спросъ, который, иначе сказать, отвѣчаетъ потребности. Значитъ, капиталистъ, въ силу своего стремленія къ барышу, долженъ угадать спросъ и направить производство на необходимые потребителю продукты. Мало того—конкуренція заставляетъ его изготовлять продукты возможно лучшаго качества и возможно дешевле — лучше и дешевле возможныхъ конкурентовъ. А такъ какъ лучшее качество и дешевизна продукта, обусловливаемая сокращеніемъ издержекъ производства, достижимы лишь при улучшеніи какъ техники, такъ и экономическихъ условій производства, то, значитъ, то же самое стремленіе къ барышу заставляетъ предпринимателя-капиталиста направлять всѣ свои помыслы къ улучшенію какъ техническихъ, такъ и экономическихъ условій производства. Такимъ образомъ, въ самомъ дѣлѣ, и оказывается, что нужда рабочаго и барышъ капиталиста—это основные мотивы, въ предѣлахъ возможности обезпечивающіе правильный ходъ капиталистическаго производства.

Каковы же, спрашивается, результаты капиталистической организаціи хозяйства? На одномъ изъ

нихъ, именно на колоссальномъ ростѣ производства и производительныхъ силъ, мы, въ виду недостатка мѣста, можемъ и не останавливаться: это—фактъ общеизвѣстный и потому не требующій особыхъ разъясненій. Не лишне отмѣтить только одну сторону дѣла: вѣдь ростъ производства сопровождался удешевленіемъ во много разъ болѣе или менѣе всѣхъ продуктовъ обрабатывающей промышленности и появленіемъ множества такихъ продуктовъ и издѣлій, какіе раньше вовсе не существовали или, во всякомъ случаѣ, не имѣлись на европейскомъ рынкѣ. А это имѣло огромное вліяніе на потребленіе народныхъ массъ: какъ ни смотрѣть на положеніе современнаго крестьянина или рабочаго, — онъ, во многихъ отношеніяхъ, далеко лучше и полнѣе удовлетворяетъ своимъ потребностямъ, нежели это дѣлали въ средніе вѣка даже представители высшихъ общественныхъ классовъ.

Соціальныя послѣдствія капитализма.

Остановимся теперь на соціальныхъ послѣдствіяхъ капитализма и въ частности—на томъ вліяніи, какое онъ оказалъ на положеніе рабочаго класса. Какъ я упоминалъ въ началѣ настоящей лекціи, конкуренція фабрики оказалась непосильною для мелкой промышленности: послѣдняя исчезла въ однѣхъ мѣстностяхъ и въ однѣхъ отрасляхъ производства сразу, въ другихъ—послѣ десятковъ лѣтъ борьбы и страданій. Безъ самостоятельнаго источника существованія осталась, съ одной стороны, огромная масса городскихъ ремесленниковъ, съ другой, можно думать,—не меньшее количество деревенскихъ куста-

рей. Но кустари—это были по большей части крестьяне, занимавшіеся промысломъ въ видѣ дополнительнаго заработка къ хозяйству на своихъ небольшихъ земельныхъ участкахъ; потерявъ это подспорье, многіе изъ такихъ крестьянъ не могли просуществовать отъ своего земельнаго хозяйства—имъ приходилось забрасывать землю и искать другихъ источниковъ существованія. Около того же времени, въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣка, какъ мы знаемъ изъ предшествовавшей лекціи, закончилось и вообще обезземеленье: въ Англіи всего, въ континентальныхъ государствахъ—значительной части крестьянства. Такимъ образомъ появился огромный пролетаріатъ, который скопился въ городахъ и вообще въ промышленныхъ центрахъ, вызвавъ, конечно, крайнее переполненіе рабочаго рынка и паденіе заработной платы. При этомъ рабочіе не имѣли никакой профессіональной организаціи. И вотъ, изолированный, голодный рабочій оказался лицомъ къ лицу съ капиталистомъ. Естественно, что такія условія должны были способствовать развитію самыхъ рѣзкихъ формъ эксплуатаціи труда капиталомъ: заработная плата доводилась до минимума и притомъ выплачивалась, въ значительной части, скверными продуктами; рабочее время удлинялось до безконечности; рабочимъ, если они жили на фабрикѣ, приходилось пользоваться ужасными помѣщеніями; ихъ донимали штрафами, по всякому поводу и безъ всякаго повода. Естественно, что и классовая борьба приняла такія рѣзкія формы, какихъ, въ видѣ правила, она не имѣла въ прежнія эпохи. Въ фео-

дально-крѣпостную эпоху отношенія крестьянъ къ владѣльцамъ носили, въ значительной степени, патріархальный характеръ; въ цеховомъ строѣ подмастерья лишь въ эпоху упадка цеховъ начали выдѣляться въ особый классъ. Напротивъ, съ торжествомъ капитализма появляются рѣзко разграниченные между собою классы предпринимателей и рабочихъ, отношенія между которыми лишены всякой тѣни патріархальности, а основываются исключительно на куплѣ-продажѣ труда. «Предприниматель,—говоритъ М. И. Туганъ-Барановскій,—видѣлъ въ рабочемъ не человѣка, но «рабочія руки», живую машину, отличавшуюся многими неудобствами сравнительно съ неодушевленною машиною, но безъ которой все-таки нельзя было обойтись. Для рабочаго хозяинъ былъ представителемъ чуждой и враждебной силы, съ которой нужно было бороться, пока хватало энергіи». Фабриканты открыто выражали убѣжденіе, что «соединить высшіе и низшіе классы общества такъ же невозможно, какъ смѣшать воду и масло—у нихъ нѣтъ ничего общаго. Интересъ предпринимателя заключается въ томъ, чтобы выжать какъ можно больше работы за возможно меньшую сумму денегъ». Понятна та ненависть, которую рабочіе питали къ капиталистамъ и ко всему связанному съ ними, — ненависть, которая переносилась и на неодушевленные предметы. Однимъ изъ самыхъ рѣзкихъ проявленій классовой борьбы, въ началѣ разсматриваемаго періода, было практиковавшееся, въ особенности, въ Англіи разрушеніе машинъ: въ нихъ видѣли враговъ, оставляющихъ людей безъ хлѣба. Изобрѣтенія въ об-

ласти механическаго пряденія и ткачества вызывали въ Англіи цѣлыя возстанія; изобрѣтателямъ грозили смертью, и нѣкоторымъ изъ нихъ, дѣйствительно, приходилось спасаться отъ разъяренной толпы; нападали на фабрики и поджигали ихъ; возникло даже особое тайное общество, поставившее себѣ цѣлью уничтоженіе фабрикъ и машинъ. Само собою разумѣется, что противъ такого рода проявленій классовой борьбы принимались и весьма рѣшительныя мѣры—особо изданный законъ установилъ смертную казнь за разрушеніе или порчу машинъ.

Рабочее движеніе.

Очень скоро, однако, рабочіе убѣдились въ совершенной безсмысленности подобныхъ способовъ борьбы, въ невозможности насильственнымъ путемъ задержать ходъ техническаго и экономическаго прогресса, и начали приходить къ сознанію, что возможность для рабочихъ дѣйствительнымъ образомъ отстаивать свои права и интересы явится для нихъ только съ организаціей рабочаго класса.

Первыя попытки такой организаціи, именно первые рабочіе союзы, появились еще задолго до наступленія разсматриваемаго нами періода, въ эпоху ранняго капитализма. Предприниматели, конечно, относились къ союзамъ весьма враждебно, и въ 1797 году—я говорю объ Англіи—имъ удалось добиться закона, запрещающаго всякія соединенія рабочихъ. Конечно, этотъ законъ дѣлу не помогъ: невозможность организоваться на законномъ основаніи привела только къ тому, что борьба рабочихъ съ предпринимателями приняла болѣе острыя формы, выражаясь въ непрерывныхъ волне-

ніяхъ, уличныхъ безпорядкахъ и т. п. Въ концѣ-концовъ, въ 1824 году запрещеніе союзовъ было отмѣнено, и организація рабочихъ опять вступила на легальную почву. Чего же, однако, должны были добиваться рабочія организаціи? Сначала организованные рабочіе добивались возстановленія старыхъ, цеховыхъ порядковъ: при старыхъ порядкахъ—разсуждали они—рабочій имѣлъ, какъ-никакъ, обезпеченное существованіе; значитъ, возстановленіе этихъ порядковъ возвратитъ рабочаго къ этимъ, сравнительно благопріятнымъ, условіямъ. И вотъ, рабочіе добиваются возстановленія таксъ на заработную плату, законовъ объ ученичествѣ и т. п. Въ 1813 году имъ и въ самомъ дѣлѣ удалось добиться возстановленія закона объ ученичествѣ и таксахъ, изданнаго въ 1601 году, при королевѣ Елизаветѣ. Предприниматели, однако, отказались подчиниться этому закону, и послѣ 3-лѣтней усиленной агитаціи со стороны предпринимателей, непрерывныхъ судебныхъ процессовъ, вызванныхъ отказами соблюдать законъ, и т. д., законъ объ ученичествѣ въ 1815 году былъ окончательно отмѣненъ, съ тѣмъ, чтобы уже никогда не возстановляться.

«Движеніе рабочихъ,—говоритъ тотъ же М. И. Туганъ-Барановскій,—въ пользу сохраненія или, вѣрнѣе, возстановленія стариннаго законодательства было съ самаго начала обречено на неудачу, такъ какъ рабочіе стремились остановить жизнь, задержать экономическое развитіе путемъ законодательныхъ постановленій, возникшихъ на почвѣ совершенно иныхъ хозяйственныхъ условій». Тѣмъ не менѣе «оно не осталось безъ очень важнаго ре-

зультата: оно чрезвычайно содѣйствовало укрѣпленію и росту рабочихъ союзовъ,—настолько же специфическаго продукта новѣйшаго экономическаго строя, насколько выставленныя рабочими требованія отражали собой хозяйственныя условія прежняго времени».

И вотъ, пробудившееся классовое сознаніе рабочихъ направляется въ другую сторону: рабочіе продолжаютъ организоваться и добиваются улучшенія условій своего труда, уже въ рамкахъ современной капиталистической организаціи. Сначала главною формою организаціи рабочихъ для борьбы за улучшеніе условій труда были стачки. Въ первое время онѣ признавались недозволенными, и именно благодаря этому протекали бурно, сопровождаясь всяческими безчинствами. Постепенно онѣ получили легализацію и благодаря этому обратились въ сравнительно мирное орудіе борьбы. Мирное—но все же чрезвычайно опасное: по новѣйшимъ даннымъ стачки доставили полную побѣду рабочимъ во Франціи и Англіи всего только въ 24—27%, т.-е. приблизительно въ одной четверти, въ Бельгіи и Австріи даже только въ 19—20%, т.-е. въ одной пятой части случаевъ. Уступки съ обѣихъ сторонъ были сдѣланы въ Бельгіи въ 14%, въ Англіи и Германіи въ 31—32%, въ другихъ странахъ въ 38—42% всѣхъ случаевъ. Полное пораженіе рабочіе потерпѣли въ Италіи въ 35%, въ Австріи, Франціи, Англіи въ 38—41%, въ Германіи въ 46%, въ Бельгіи даже въ 63% всѣхъ случаевъ; отъ одной трети до двухъ третей всѣхъ стачекъ закончилось, значитъ, безъ всякаго положительнаго результата для бастовавшихъ рабо-

чихъ. А между тѣмъ всякому ясны тѣ страданія, которыя претерпѣваютъ во время забастовки какъ сами рабочіе, такъ и въ особенности ихъ семьи,— страданія, которыя далеко не всегда заглаживаются даже и при достиженіи рабочими небольшого положительнаго результата. И что не менѣе важно— стачка сплошь и рядомъ ведетъ къ тому, что данное предпріятіе или группа предпріятій теряетъ рынокъ, который переходитъ къ конкурирующимъ предпріятіямъ, и въ такомъ случаѣ послѣдствіемъ стачки оказывается продолжительная безработица. И вотъ, на мѣсто этихъ временныхъ, чисто боевыхъ организацій рабочаго класса постепенно становятся постоянныя организаціи, въ видѣ правила дѣйствующія болѣе мирными способами,—рабочіе союзы. Передовая во всѣхъ другихъ отношеніяхъ страна — Англія — оказывается передовою и въ смыслѣ организаціи рабочихъ: изъ общаго числа 9 милліоновъ англійскихъ рабочихъ въ союзы входятъ до двухъ милліоновъ. Гораздо менѣе развиты рабочіе союзы на материкѣ Европы: въ Германіи въ составъ рабочихъ союзовъ входитъ, изъ общаго числа 12 милліоновъ рабочихъ, всего только полтора милліона, во Франціи даже только 600.000 человѣкъ. Забастовка, стачка, какъ извѣстно, и теперь не вышла изъ употребленія,—но изъ нормальнаго, обычнаго способа борьбы она становится послѣднею, крайнею мѣрой, которая пускается въ ходъ тогда, когда всѣ другія мѣры остались безуспѣшными. Нормальный же способъ дѣйствія рабочихъ союзовъ—это соглашенія съ предпринимателями, въ которыя союзъ вступаетъ въ качествѣ равноправной и—что главное—равно

могущественной стороны. Предприниматель отлично можетъ обойтись безъ рабочаго Ивана, Петра или Василія, и если Иваны или Петры являются съ какими-нибудь требованіями поодиночкѣ, хозяинъ просто разсчитываетъ безпокойнаго человѣка. *Но предприниматель не можетъ обойтись безъ рабочихъ*; рабочіе точно такъ же необходимы ему, чтобы держать въ дѣйствіи свое предпріятіе и не терпѣть убытковъ, какъ онъ со своимъ предпріятіемъ необходимъ рабочимъ. Если, поэтому, всѣ рабочіе организованы въ союзъ, и если отсутствіе соглашенія между союзомъ и предпринимателемъ угрожаетъ отказомъ отъ работы *всѣхъ* рабочихъ, то союзъ въ такой же мѣрѣ можетъ диктовать предпринимателю свои условія, какъ предприниматель можетъ диктовать свои; въ соглашеніе вступаютъ двѣ одинаково сильныя стороны, и потому соглашеніе, нерѣдко, бываетъ болѣе или менѣе безобиднымъ для обѣихъ этихъ сторонъ. И вотъ, рабочіе союзы все болѣе стремятся на мѣсто соглашенія отдѣльнаго рабочаго съ предпринимателемъ поставить *коллективный договоръ*, заключаемый между предпринимателемъ и *союзомъ*,—договоръ, обязательный для обѣихъ сторонъ и регулирующій условія рабочаго найма. Въ случаѣ какихъ-либо разногласій между предпринимателями и союзами такія разногласія тоже еще далеко не всегда разрѣшаются стачкой: чѣмъ дальше, тѣмъ больше въ обычай входитъ третейское разбирательство въ особыхъ судахъ, въ которые входятъ представители обѣихъ сторонъ и стороннія, безпристрастныя лица.

Какъ я сказалъ, рабочіе союзы, по-англійски трэдъ-юніоны, ранѣе всего развились и окрѣпли въ Англіи. Въ теченіе долгаго времени трэдъ-юніоны обнимали только высшія отрасли промышленнаго труда,—только рабочую аристократію, и въ то же время держались совершенно въ сторонѣ отъ политики и были чужды соціалистическимъ идеямъ. Въ послѣднее время, начиная съ огромной стачки лондонскихъ портовыхъ рабочихъ, имѣвшей послѣдствіемъ ихъ организацію въ союзъ, англійскій трэдъ-юніонизмъ принимаетъ нѣсколько иной характеръ: онъ, съ одной стороны, стремится организовать и объединить *всѣхъ* рабочихъ; съ другой—онъ стремится добиться для рабочаго класса политическаго вліянія и непосредственнаго участія въ законодательствѣ страны; результатомъ стараній этого «новаго» трэдъ-юніонизма явилось, между прочимъ, появленіе въ англійскомъ парламентѣ рабочихъ депутатовъ, а затѣмъ—и особой рабочей партіи. На континентѣ рабочій классъ еще со временъ Лассаля и Маркса стремится выступить какъ политическая сила, способная воздѣйствовать на законодательство. Какъ въ Германіи, такъ и во Франціи, эта политическая сторона развилась даже, до нѣкоторой степени, въ ущербъ чисто профессіональнымъ задачамъ, чѣмъ въ значительной степени объясняется сравнительно слабое развитіе въ этихъ странахъ собственно рабочихъ организацій.

Такъ или иначе—давленіе организованнаго или организующагося рабочаго класса, съ одной стороны, вліяніе гуманныхъ и болѣе здравыхъ соціально-политическихъ идей, съ другой, наконецъ,

стремленіе господствующихъ классовъ заручиться политическою поддержкою рабочаго класса,—вся эта совокупность обстоятельствъ привела къ широкому развитію такъ называемаго рабочаго или фабричнаго законодательства, главнѣйшими задачами котораго являются: ограниченіе рабочаго времени, регулированіе труда женщинъ и дѣтей въ соотвѣтствіи съ требованіями гигіены и съ нуждами народнаго образованія, улучшеніе санитарно-гигіенической обстановки труда, предупрежденіе несчастныхъ случаевъ, устраненіе особенно рѣзкихъ формъ эксплуатаціи рабочихъ, въ родѣ произвольныхъ штрафовъ, расплаты товарами и т. п. Вмѣстѣ съ тѣмъ появляется и—въ частности въ Германіи—достигаетъ широкаго развитія страхованіе рабочихъ на случай болѣзней, несчастныхъ случаевъ, а равно на случай смерти и потери способности къ труду, при чемъ во всѣхъ этихъ видахъ страхованія участвуютъ, въ опредѣленныхъ доляхъ, сами рабочіе, предприниматели и государство. Ясно, что положеніе рабочихъ становится далеко болѣе обезпеченнымъ и устойчивымъ по сравненію съ тѣмъ болѣе раннимъ временемъ, когда изолированный рабочій былъ поставленъ лицомъ къ лицу съ капиталистомъ, и когда вся судьба его всецѣло зависѣла отъ случайностей найма, на основаніяхъ якобы «свободнаго» договора.

Какъ бы то ни было, несомнѣнною и общеизвѣстною темною стороною капиталистическаго строя является стремленіе предпринимателей-капиталистовъ къ полученію барышей посредствомъ эксплуатаціи рабочаго класса, который, однако,

мало-по-малу отвоевываетъ себѣ болѣе устойчивое и обезпеченное положеніе.

Недостатки рыночнаго механизма.

Но капиталистическій строй страдаетъ и другими существенными недостатками. Я упоминалъ о тѣхъ важныхъ народно-хозяйственныхъ функціяхъ, которыя лежатъ на частномъ капиталѣ и на располагающемъ такимъ капиталомъ предпринимателѣ-капиталистѣ. Функціи эти, однако, выполняются весьма неудовлетворительно. Мы знаемъ, что главнымъ, почти единственнымъ регуляторомъ, заставляющимъ предпринимателя расширять и сокращать производство или измѣнять его направленіе, являются товарныя цѣны. Но регуляторъ этотъ дѣйствуетъ очень неисправно. Во-первыхъ, сами колебанія цѣнъ зависятъ не всегда отъ измѣненій спроса и предложенія *товаровъ*,—они могутъ вызываться и просто измѣненіями въ цѣнности *денегъ*; и вотъ, когда наступаетъ повышеніе или пониженіе цѣнъ, никогда нельзя съ увѣренностью сказать, вызвано ли оно измѣненіями въ соотношеніи между спросомъ и предложеніемъ на товары, или измѣненіемъ цѣнности денегъ. А во-вторыхъ—и это главное, колебанія цѣнъ — это такой регуляторъ, который даетъ свои показанія, такъ сказать, заднимъ числомъ: если какой-нибудь продуктъ вздорожалъ или, напротивъ, подешевѣлъ, это значитъ, что въ послѣдніе недѣли или мѣсяцы на рынкѣ испытывался недостатокъ, или наоборотъ—избытокъ этого продукта. Испытывался, значитъ, въ томъ или другомъ *прошломъ*; но вѣдь если я, предприниматель, послѣдую указаніюрегулятора и, положимъ, увеличу

производство повысившагося въ цѣнѣ продукта,—такъ вѣдь увеличенное количество продукта попадетъ на рынокъ только въ нѣкоторомъ *будущемъ*: черезъ нѣсколько недѣль, можетъ-быть даже мѣсяцевъ,—сколько потребуется, чтобы довести до конца производство увеличеннаго количества продукта. Но за эти нѣсколько недѣль или мѣсяцевъ условія спроса могутъ измѣниться—усиленный спросъ можетъ опять упасть. Еще вѣроятнѣе измѣненіе предложенія,—въ данномъ примѣрѣ такое увеличеніе предложенія повысившагося въ цѣнѣ товара, которое далеко превыситъ возрастаніе спроса. Вѣдь за колебаніями цѣнъ слѣдитъ не одинъ, а *всѣ* предприниматели, и всѣ усиливаютъ производство повысившагося въ цѣнѣ товара, ничего не зная или очень мало зная о томъ, что дѣлаютъ другіе; очень легко можетъ, поэтому, случиться и часто случается, что усиленіе производства происходитъ въ такихъ размѣрахъ которые далеко превышаютъ увеличеніе спроса. Положимъ, въ цѣнѣ повысились хлопчато-бумажныя ткани, и произошло это вздорожаніе оттого, что на міровомъ рынкѣ не хватаетъ 10.000 кусковъ тканей. Тогда всѣ предприниматели бросаются усиливать производство: одинъ выдѣлываетъ лишнихъ 100 кусковъ, другой 200, десятый—500 и т. д.—общее увеличеніе производства можетъ составить и 25.000, и 50.000 кусковъ. Но въ такомъ случаѣ предложеніе значительно превыситъ спросъ, и значитъ нѣкоторая часть труда и капитала окажется затраченною даромъ. И особенно затрудняется положеніе предпринимателя благодаря міровому характеру современнаго рынка: вѣдь коле-

банія цѣнъ зависятъ отъ условій производства и потребленія не въ какой-либо отдѣльной мѣстности или странѣ, которыя сравнительно легко было бы обозрѣть и прослѣдить, а въ цѣломъ мірѣ; между тѣмъ, каковы эти міровыя условія, — объ этомъ можно только догадываться, но сколько-нибудь точныхъ свѣдѣній имѣть нельзя.

Конъюнктура. Съ этимъ міровымъ характеромъ рынка связано явленіе, въ высшей степени характерное для современнаго капиталистическаго строя: господство такъ называемой міровой *конъюнктуры*. Вѣдь при рыночномъ характерѣ современнаго производства конечный результатъ хозяйственной дѣятельности зависитъ не отъ производства, а отъ сбыта: не тотъ получитъ барыши, кому удалось наготовить много товара и чей товаръ лучшаго качества, а тотъ, кому удалось *выгодно продать* товаръ. Между тѣмъ, условія сбыта зависятъ отъ разнообразнѣйшихъ событій, совершающихся по всему лицу земли: какая-нибудь война на дальнемъ востокѣ поднимаетъ цѣну желѣза и доставляетъ соотвѣтственнымъ предпринимателямъ огромные барыши; но та же война причиняетъ крупные убытки тѣмъ мануфактуристамъ, которые поставляютъ ткани на тѣ страны, которыя запутались въ войнѣ. Неурожай хлопка въ Сѣверной Америкѣ причиняетъ огромные убытки фабрикантамъ хлопчато-бумажныхъ тканей, но въ то же время даетъ крупные барыши владѣльцамъ туркестанскихъ или египетскихъ хлопковыхъ плантацій. Само собою ясно, что учесть всѣ такого рода событія и условія чрезвычайно трудно даже для сегодняшняго дня,

такъ они разнообразны и трудно уловимы. А между тѣмъ предприниматель долженъ имѣть въ виду не столько настоящее, сколько будущее,—долженъ не только *видѣть*, но и *предвидѣть* тѣ условія, какія будутъ налицо ко времени выпуска на рынокъ тѣхъ продуктовъ, къ изготовленію которыхъ онъ приступаетъ въ настоящую минуту. А между тѣмъ достовѣрно предвидѣть эти условія окончательно невозможно: какія-нибудь рѣзкія колебанія урожаевъ, непредвидѣнныя политическія событія, изобрѣтенія въ области техники производства, проложеніе новыхъ путеи сообщенія и т. п. обстоятельства могутъ создать такія условія сбыта, которыхъ вовсе не было возможности предвидѣть или предугадать. Вотъ, совокупность не зависящихъ отъ воли предпринимателя и въ значительной мѣрѣ—не поддающихся предвидѣнію условій, при наличности которыхъ совершаются производство и сбытъ продуктовъ, отъ которыхъ, значитъ, зависитъ конечный результатъ дѣятельности предпринимателя, его барышъ или убытокъ, называютъ конъюнктурою. Господство конъюнктуры—одна изъ характернѣйшихъ чертъ современной организаціи хозяйства, придающая предпринимательской дѣятельности спекулятивный, азартный характеръ; успѣхъ или неуспѣхъ предпринимателя ставится, благодаря господству конъюнктуры, внѣ зависимости отъ умѣнья, энергіи, вообще личныхъ достоинствъ предпринимателя, и опредѣляется, въ значительной мѣрѣ, случаемъ—удачей или неудачей.

Кризисы.

Со всѣмъ этимъ, въ свою очередь, тѣсно связываются такъ называемые

промышленные *кризисы*—время отъ времени наступающія переполненія рынка, ведущія къ нарушенію равновѣсія между спросомъ и предложеніемъ и имѣющія своимъ послѣдствіемъ массовый застой въ сбытѣ, убытки и разореніе предпринимателей, безработицу рабочихъ, вообщее нарушеніе правильнаго хода хозяйственной жизни и дѣятельности.

Основная причина кризисовъ — въ неорганизованности народнаго и тѣмъ болѣе мірового хозяйства. Мы видѣли, что размѣры и направленіе производства всецѣло зависятъ отъ усмотрѣнія отдѣльныхъ предпринимателей, дѣйствующихъ, каждый, за свой страхъ и вынужденныхъ направлять *будущее* производство по *прошлымъ* колебаніямъ цѣнъ. Каждый предприниматель стремится, и въ силу условій капиталистическаго производства *долженъ* стремиться къ расширенію производства. Къ расширенію — но въ какую сторону? Конечно, въ ту, гдѣ можно найти наиболѣе выгодный сбытъ, продать товаръ по наилучшимъ цѣнамъ. Но бѣда именно въ томъ, что такъ поступаютъ *всѣ* предприниматели. Стоитъ только подняться цѣнамъ на извѣстные виды продуктовъ, какъ *всѣ* предприниматели бросаются усиливать производство этихъ продуктовъ, расширяя его не только на свои, но и на занятыя средства. Масса производимыхъ продуктовъ очень скоро оказывается далеко превышающею спросъ,—наступаетъ такъ называемое перепроизводство; избыточный продуктъ не находитъ себѣ сбыта—остается непроданнымъ, цѣны рѣзко падаютъ, и предприниматели вмѣсто барышей терпятъ крупные убытки; мало того —

не имѣя возможности продать товаръ и этимъ путемъ добыть наличныя деньги, они не могутъ платить своимъ кредиторамъ, и многіе изъ нихъ становятся банкротами. Начавшись съ какой-нибудь одной или съ немногихъ отраслей производства, кризисъ, благодаря, главнымъ образомъ, связывающимъ всѣ слои современнаго капиталистическаго общества, черезъ посредство банковъ, кредитнымъ отношеніямъ, быстро распространяется на всѣ отрасли производства и торговли; множество народа разоряется, массы рабочихъ остаются безъ заработка. Начинается періодъ застоя, во время котораго цѣны продуктовъ остаются на низкомъ уровнѣ, въ соотвѣтствіи съ чѣмъ и самое производство сокращается въ своихъ размѣрахъ. Черезъ нѣкоторое время сократившееся производство оказывается не въ состояніи удовлетворить спросу на продукты. Отсюда—новое, сначала постепенное, затѣмъ рѣзкое повышеніе цѣнъ, подъ вліяніемъ котораго предприниматели снова начинаютъ увеличивать размѣры производства; начинается новая эпоха промышленнаго оживленія, кончающаяся новымъ кризисомъ. Такого рода рѣзкіе переходы отъ застоя къ промышленному оживленію, а отъ оживленія къ кризису, за которымъ слѣдуетъ новый застой, наблюдаются во всей первой половинѣ XIX столѣтія. Въ настоящее время мы имѣемъ дѣло съ хроническимъ перепроизводствомъ и съ почти хроническимъ кризисомъ, лишь изрѣдка прерывающимся эпохами временнаго оживленія. Капиталистическое производство настолько разрослось, что сумма продуктовъ его, уже какъ правило, не находитъ себѣ сбыта на внутреннемъ

рынкѣ, и расширеніе производства возможно лишь за счетъ иностранныхъ, въ частности внѣ-европейскихъ рынковъ. Отсюда—современная таможенная и колоніальная политика. Сильныя капиталистическія страны, въ родѣ Англіи и Германіи, стремятся вывозить товары, прежде всего, въ болѣе отсталыя по развитію промышленности европейскія государства, какъ Россія, балканскія государства. Но эти страны имѣютъ *свою* промышленность, въ развитіи которой страна и государство сильно заинтересованы, и которая, именно въ силу своей отсталости, не могла бы выдерживать конкуренціи иностранной промышленности; и вотъ, чтобы сохранить за отечественною промышленностью внутренній рынокъ, прибѣгаютъ къ таможенному покровительству: установляютъ такія высокія ввозныя пошлины, при которыхъ доступъ въ страну иностранныхъ продуктовъ затрудняется, а иногда дѣлается и вовсе невозможнымъ. Каждая изъ капиталистическихъ странъ ищетъ, далѣе, заморскихъ рынковъ,—стремится обезпечить продуктамъ своей промышленности сбытъ въ такихъ малокультурныхъ странахъ, которыя не имѣютъ своей обрабатывающей промышленности. На этомъ стремленіи основана вся современная колоніальная политика, это стремленіе является однимъ изъ важнѣйшихъ мотивовъ, вліяющихъ, вообще, на международныя отношенія, нерѣдко вызывающихъ кровопролитныя войны. Постепенно, однако, цивилизація проникаетъ и въ некультурныя страны; и въ этихъ странахъ, въ значительной степени на европей-

Колоніи и таможенная политика.

скіе же капиталы, появляется и развивается *своя* промышленность, и онѣ не только отказываются играть дальше роль рынковъ для избытковъ европейскаго капиталистическаго производства, но и сами становятся конкурентами европейцевъ на рынкахъ другихъ, еще не обзаведшихся собственною промышленностью, странъ. Блестящій примѣръ этого рода представляетъ собою Японія, за послѣднія 40 лѣтъ ставшая военною державой европейскаго типа и вмѣстѣ съ тѣмъ капиталистическою страною, и теперь желающая вытѣснить европейцевъ съ огромнаго китайскаго рынка; въ самое же послѣднее время начинаетъ просыпаться и Китай. Что будетъ съ европейскою капиталистическою промышленностью, когда такого же рода метаморфоза случится и съ другими теперешними ея заморскими рынками, — это вопросъ, на который мы не можемъ дать отвѣта.

Синдикаты. Неорганизованность производства—это такое зло, отъ котораго страдаютъ и рабочіе, и потребители, и, конечно, сами предприниматели, постоянно находящіеся подъ рискомъ убытковъ и разоренія. И вотъ, чтобы до извѣстной степени устранить это зло, предприниматели вступаютъ между собой въ разнаго рода соединенія — синдикаты, картели, тресты и т. п., цѣль которыхъ — регулированіе производства и сбыта, и ближайшимъ образомъ— предотвращеніе избытковъ въ предложеніи товаровъ и вызываемаго этимъ убыточнаго для предпринимателей пониженія цѣнъ. Съ этою цѣлью синдикаты распредѣляютъ между собою рынки съ тѣмъ, чтобы въ каждой отдѣльной области сокра-

тить взаимную конкуренцію. Они нормируютъ размѣры производства отдѣльныхъ предпріятій, чтобы общая сумма производства всѣхъ синдицированныхъ предпріятій не превышала спроса и даже, по возможности, была нѣсколько меньше его, ибо такое соотношеніе между спросомъ и предложеніемъ даетъ предпринимателямъ возможность держать цѣны на выгодномъ для нихъ высокомъ уровнѣ. Мало того—они организуютъ общій для всѣхъ предпріятій сбытъ продукта, и въ такомъ случаѣ, чтобы избѣжать перепроизводства, они не только нормируютъ размѣры производства отдѣльныхъ предпріятій, но даже временно или навсегда закрываютъ часть наличныхъ предпріятій, соотвѣтственно вознаграждая ихъ владѣльцевъ. Само собою разумѣется, что такого рода соединенія предпринимателей дѣйствуютъ единственно въ предпринимательскихъ интересахъ, во вредъ какъ потребителямъ, которыхъ они заставляютъ переплачивать лишнее за продукты, такъ и рабочимъ, противъ которыхъ они также выступаютъ по общему соглашенію. Но появленіе и развитіе соединеній этого рода важно какъ симптомъ, позволяющій догадываться о *будущей эволюціи* народнаго хозяйства: существованіе синдикатовъ, трестовъ и т. п. показываетъ, что, значитъ, *есть* возможность организовать производство и по заранѣе принятому рѣшенію нормировать его размѣры; оно показываетъ, что свободная конкуренція и неограниченная личная инициатива вовсе не есть—какъ еще недавно думали—необходимое условіе развитія промышленности. Въ

Симптомы будущей эволюціи.

этомъ же, въ значительной мѣрѣ, и значеніе достигшей такого огромнаго развитія *акціонерной формы* предпріятій,—формы, при которой заводъ, рудникъ, желѣзная дорога являются собственностью принадлежащаго, можетъ-быть, тысячамъ невѣдомыхъ акціонеровъ акціонернаго капитала, само же завѣдываніе дѣломъ лежитъ на выборныхъ должностныхъ лицахъ или на наемныхъ служащихъ. Развитіе акціонерной формы было необходимымъ спутникомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ условіемъ современнаго развитія крупно-капиталистическаго производства, потому что лишь путемъ соединенія средствъ множества людей создавалась возможность осуществленія предпріятій крупнѣйшаго размѣра. Но вмѣстѣ съ тѣмъ и оно важно какъ симптомъ, показывающій, что промышленное предпріятіе съ успѣхомъ можетъ вестись, помимо личной дѣятельности собственника-капиталиста, руками служащихъ и выборныхъ лицъ. Такимъ же симптомомъ является, наконецъ, и огосударствленіе цѣлаго ряда областей хозяйственной дѣятельности: таковы прежде всего почта, телеграфъ и телефонъ, составляющіе, почти безъ исключенія, такъ называемую правительственную регалію; таковы, затѣмъ, желѣзныя дороги, которыя почти во всей Германіи уже давно составляютъ достояніе государства и эксплуатируются государственными служащими и которыя въ цѣломъ рядѣ другихъ странъ, какъ Швейцарія, Италія, Франція и т. п. постепенно выкупаются въ собственность государства. Такимъ же симптомомъ является развитіе такъ называемаго муниципальнаго соціализма—городскія самоуправленія постепенно забира-

ютъ въ свои руки цѣлый рядъ такихъ отраслей хозяйства, которыя раньше находились въ рукахъ частныхъ предпринимателей освѣщеніе городовъ, водоснабженіе, городскія желѣзныя дороги и т. п.

Такимъ образомъ постепенно появляется цѣлая серія измѣненій, затрогивающихъ самыя основы капиталистическаго строя, построеннаго, въ чистомъ его видѣ, на личномъ всемогуществѣ капиталиста и на полномъ подчиненіи ему изолированнаго и потому безсильнаго рабочаго. Рабочіе постепенно становятся равноправною и равно-могущественною стороною при заключеніи рабочаго договора. Самостоятельная роль отдѣльнаго капиталиста сокращается, уступая мѣсто общей организаціи сбыта и отчасти производства. Все большее число отраслей хозяйственной дѣятельности подвергается обобществленію. Въ какую сторону идетъ, въ общемъ, эволюція современнаго капиталистическаго строя? Можно ли ожидать, что когда-либо наступитъ коренное его преобразованіе? Это вопросы, на которые было бы слишкомъ смѣло попытаться дать опредѣленный отвѣтъ. По знаменитому историко-философскому построенію Маркса, эволюція капитализма должна закончиться весьма скорою катастрофой, за которой немедленно послѣдуетъ обобществленіе производства. Эта схема опровергнута жизнью. То, что мы наблюдаемъ въ современной дѣйствительности, говоритъ намъ скорѣе о медленной и постепенной эволюціи въ сторону организаціи и, можетъ-быть, обобществленія народнаго хозяйства.

